

Кришнамурти Джидду
Исследование интуиции

Эти диалоги касаются широкого круга вопросов. Свыше тридцати лет группа людей различной подготовки, происхождения и занятий, глубоко озабоченных грандиозностью стоящих перед человечеством проблем, с основной целью – раскрыть самого себя посредством самопознания, объединились вокруг Д. Кришнамурти чтобы совместно, путем диалога, предпринять исследование структуры и породы человеческого ума и сознания и ресурсов энергии, дремлющих внутри человека. Задача этих диалогов состоит в том, чтобы освободить ум от оков памяти и времени, осуществить мутацию в сознании и пробу ждение интуиции, что послужит глубокой основой устойчивости ума.

Научно-техническая революция в современном мире вызвала к жизни неслыханные ресурсы энергии и знания. Но в то же время человек не смог раскрыть в самом себе источники мудрости и сострадания. Не обходима внутренняя революция в психике человека.

Интуиция, которой человеку не достает, – это способность постигать, что он сам является создателем своих проблем и что механизмом, создающим проблемы, является его ум. Именно в этой сфере постижения заключена окончательная свобода человека.

Начиная с рабочей гипотезы, в этих диалогах про исходит упорное вопрошание, испытание и исследование, «слушание» и «видение», которые позволяют обнаружить глубины собственного «я», его тонкие и скрытые способы ухода от действительности. Это исследование, предпринимаемое Кришнамурти, является «путешествием внутри времени, в прошлое и беспредельное».

Человек, захваченный парадоксом жизненного процесса редко ставит вопросы. Он спасается бегством от своего страдания, одиночества, от своей печали.

В мире, пресыщенном ощущениями, человек обращается к гуру, к религиозному опыту или к экстрасенсорным силам, пробуждающимся от различных форм концентрации, ища в них дальнейший стимул для своих пресыщенных желаний. Учение Кришнамурти отрицает гуру и психическое переживание как путь освобождения. Он требует «правильной жизни» – повседневной жизни, свободной от всякой сконцентрированной на самом себе деятельности. Все психические переживания, по мере их возникновения, должны быть отбрасываемы, так как они могут стать препятствием и западней на пути возникновения интуиции, которая единственно может освободить человека от двойственности и от оков времени как прошлого.

Роль Кришнамурти в этих диалогах чрезвычайно интересна. Эти диалоги – не вопросы и ответы. Ум Кришнамурти гибок, он экспериментирует, изучает, ищет, зондирует; он вопрошает, делая паузы, наблюдая, отходя назад, чтобы снова устремиться вперед.

В этих диалогах нет обмена мнениями, нет словесной болтовни, нет обращения к памяти, так как это прошлый опыт, блокирующий новое. В них представлено слушание «со всей полнотой цветения чувств». При такой интенсивности исследования рождается интуиция, способность внутреннего постижения. Говоря о природе этого состояния, Кришнамурти подчеркивает, «что существует только восприятие и ничего больше. Все остальное – это движение времени. Восприятие – вне времени. Это миг за пределами времени».

Фонд Кришнамурти в Индии предлагает эти диалоги всем, кто ищет серьезные, основательные ответы на проблемы жизни.

Список сокращений

К., Кришнаджи Дж. Кришнамурти

А., Ахиут Ахиут Патварджан

Апа., Апа Пант Апа Пант
Б., Баласундрам С. Баласундрам
ДШ., Дэвид Шейнберг Дэвид Шейнберг
Д., Дешпанде П. И. Дешпанде
ФВ., Фриц Вильгельм Фриц Вильгельм
ГМ., Ганешиам Мехта Ганешиам Мехта
ДК., Джон Коутс Джон Коутс
КБ., Кабир Веди Кабир Веди
М., Морис Морис Фридман
Н., Нандини Нандини Мехта
Пар., Пархуре Т. К. Пархуре
ПБ., Парвен Баби Парвен Баби
П., Пупуль Пупуль Джайакар
В., Вопрос Вопрос
Р., Раджа Раджа Бурнье
Радж., Раджеш Далал Раджеш Далал
Рад., Радхика Радхика Херибергер
С., Сунанда Сунанда Патвардхан
СВС., Сундарам С. В. Сундарам
ВА., Виджаи Анад Виджаи Ананд

Самопознание и учение

П. Как соотносятся ваше учение, выраженное в словах, которыми вы пользуетесь в своих книгах и беседах, и действительный процесс самопознания?

На всех других путях достижения истины слова учи теля обычно принимают как указатель направления, как нечто такое, к чему следует стремиться. Имеют ли ваши слова подобное значение и если это так, то каково их отношение к восприятию, являющемуся процессом самопознания?

К. Я не уверен, что понял ваш вопрос. Будет ли правильно сформулировать его так: каково отношение между словом и той действительностью, о кото рой говорит К.? Так?

П. Когда К. говорит об обучении или о целостном подходе, – это слово. Но существует еще действительный процесс самопознания и то, что этот процесс открывает. Как относится слово К. к этому открытому знанию?

К. Мне еще не совсем ясно.

П. Вы говорите: «никакого авторитета» – ни психо логического, ни духовного. Мы склонны принять эти слова «никакого авторитета» и применить их в своей жизни, то есть не быть в этом состоянии «вне авторитета», не открывать свободу от авторитета в процессе самопознания, но просто пытаться понять, можем ли мы достичь состояния вне авторитета. Мы принимаем ваше слово как истину.

К. Понял. «Никакого авторитета» – это словесная абстракция и, следовательно, идея, и нужно ли следовать этой идее? Когда К. говорит «никакого авторитета», является ли это самораскрытием или это просто умозаключение, призыв?

А. Тут есть также другая сторона: когда вы говорите «никакого авторитета», то не становится ли это заповедью, установкой, которой надлежит как можно точнее следовать?

К. Да, это верно.

А. Х. Одно находится в сфере действия, а другое – в сфере абстракции.

П. Существует самопознание: то, что открывается в процессе самопознания, не может быть познаваемо через слово. Человек слушает то, что вы говорите, он непосредственно воспринимает это, или он читает ваши книги и применяет это в своей повседневной жизни; таким образом, существует разрыв между самопознанием и вашим словом. Так вот, где же лежит истина?

К. Не в слове и не в самораскрытии. Это нечто совершенно иное.

Р. Не можем ли мы обсудить это?

К. Я слушаю К. и то, что он говорит о самопознании, подчеркивая, как оно важно и что без самопознания не существует никакой основы. Он это говорит. Я это слушаю. Каким образом должен я слушать это утверждение? Должен ли я воспринимать его идею как указание, умозаключение? Или же оно содержится в моем самопознании? Я понимаю все, что заключает в себе авторитет, и поэтому вижу, что высказанное К.

соответствует тому что я сам открыл для себя? Если я слушаю слова и составляю умозаключение об этих словах как об идее, а затем следую идее, то это не самораскрытие. Это просто умозаключение. Но когда я изучаю себя, когда я следую моим собственным мыслям, тогда в словах К. имеется самораскрытие.

Так ведь?

П. Но являются ли слова К. необходимыми для самораскрытия?

К. Нет. Я заявляю: без самопознания как бы я ни думал, как бы я ни действовал и что бы не предпринимал, все это будет лишено основы. Так я прихожу побеседовать или читаю книгу,

потому что я заинте ресован в самопознании и добиваюсь его. А когда я слушаю, как говорит К., что не должно быть «никакого авторитета» каково тогда состояние моего ума? Ко гда я слушаю эти слова, является ли оно одобрением, умозаключением, которое я составляю, или же это факт?

П. Как это становится фактом? Становится ли это фактом путем раскрытия этого в процессе воспри ятия, являющегося самопознанием? Или это факт потому лишь, что вы так сказали?

К. Микрофон есть факт. И это не потому, что я сказал так. Это микрофон.

П. Но когда вы говорите «микрофон», это не факт в том же самом смысле, в каком этот микрофон является фактом.

К. Таким образом, слово не является предметом.

Описание не есть то, что оно описывает. Так вот – понятно ли мне, что слово никогда не является пред метом? Слово «гора» – это не гора. Ясно ли мне это?

Или мне вполне достаточно описания или я запутался в этом описании? Достаточно ли мне описания, когда мне необходимо то, что описывается, и буду ли я цепляться за идею? Не следует совершенно отвер гать словесную структуру. Я пользуюсь языком, что бы общаться, я хочу сказать вам нечто. Я пользуюсь словами, которые оба мы знаем, что слова, которые мы употребляем, не являются действительными чув ствами, которые я испытываю, потому что слово – это не предмет.

Д. То, что человек говорит, либо имеет в своей основе ментальный процесс, либо он говорит без ментального процесса.

Д. Сэр, это две разные вещи. Либо вы общаетесь посредством слова, либо вы общаетесь без слов.

Д. Нет, слова применяются: но когда мы слушаем вас, мы знаем, что вы говорите не так, как говорим мы.

К. Почему вы так говорите?

Д. Это трудный вопрос, но существует определен ное чувство, такое же реальное, как видение микро фона. К. говорит не так, как говорю я, источник его слов лежит намного глубже, чем у наших слов.

К. Я понял, сэр. Я могу сказать поверхностно: «Я вас люблю», но могу также сказать: «Я действительно люблю вас». Это совершенно разные вещи – тон, качество слова, глубина чувства. Слова выражают глубину.

Д. Я хочу двинуться несколько дальше.

К. Продвигайтесь дальше.

Д. Слова действительно выражают глубину чувст ва, которое не поддается определению, чувства, которое мы называем любовью, – но я не знаю слова, которое бы ему соответствовало.

К. Вы можете не знать слова, но я могу держать вашу руку, я могу делать жест.

Д. Да, это верно. Но вот между жестом и словом нет связи.

К. Это то, что вы, Пупул, пытаетесь выразить?

П. Одна из наших трудностей в том, чтобы понять и выйти за пределы, состоит в том, что человек воспри нимает ваше слово, произнесенное или печатное слово, и оно становится абстракцией, которой он старается соответствовать. А, с другой стороны, существует еще процесс самопознания, в котором истина ваших слов может быть постигнута; но этого обычно не происходит. Мне всегда кажется, что если слушать вас без помех, то это внесет перемену в самую природу моего ума, как такового, но открытие действительности ваших слов может проявиться толь ко в процессе самопознания.

К. Что я могу сказать по этому поводу?

П. Я думаю, сэр, что прежде всего нам надо исследовать самопознание. Мы давно этим не

занимались.

К. Давайте займемся. О самопознании говорят тысячи лет; о нем говорил Сократ и другие, еще раньше. Так вот – что же такое самопознание? Как вы познаете себя? Что это значит – познавать себя?

Познаете ли вы себя, наблюдая переживание, наблюдая мысль и то, как эта мысль наблюдает за другой, возникающей мыслью, и как нам не хочется упустить эту первую мысль, и, наконец, конфликт между первой мыслью и второй? А может быть, самопознание состоит в том, чтобы отбросить эту нашу первую мысль и следовать за второй мыслью, но тогда третья, возникающая мысль, прекращает вторую и нужно следовать за третьей? А четвертая мысль прекращает третью и нужно следовать за четвертой, так что все время сохраняется настороженность и осознание движения мысли? Пойдем дальше. Я наблюдаю себя, когда я ревную. Инстинктивная реакция на ревность – это логическое рассуждение. В процессе логического рассуждения я забываю или откладываю в сторону вопрос о ревности. Таким образом, я захвачен логическим рассуждением, словами, моей способностью исследовать, чтобы затем подавить ревность. Я воспринимаю все движение ревности как одно целое. Тогда возникает желание убежать от нее прочь. Я исследую это желание, этот способ бегства. Это бегство во что?

П. Иногда это бегство в медитацию.

К. Разумеется, это легчайший трюк – в медитацию.

Тогда я спрашиваю: что такое медитация? Является ли она способом бегства от «того, что есть»? И есть ли это медитация? Если это способ бегства, то это – не медитация. Таким образом, я возвращаюсь и исследую свою ревность. Почему я ревнив? Потому что я привязан, потому что считаю, что я представляю собой нечто весьма значительное и т. д. Весь этот процесс является раскрытием. Тут я подхожу к исходной точке: является ли тот, кто исследует, наблюдает, отличным от наблюдаемого? Вполне очевидно, что не является. Итак, истинное наблюдение имеет место лишь тогда, когда нет наблюдающего.

П. Вы сказали: «Вполне очевидно, что не является».

Давайте вникнем в это.

К. Наблюдающий есть прошлое. Он есть прошлое, воспоминание, переживание, знание, накопленное в памяти. Наблюдающий – это прошлое, и я наблюдаю настоящее, которое оказывается моей ревностью, моей реакцией. И я пользуюсь словом «ревность» для обозначения этого чувства, ибо я узнаю его как нечто, испытанное в прошлом. Это воспоминание о ревности, приходящее через слово, являющееся частью прошлого. Так вот – могу ли я наблюдать без этого слова и без наблюдающего, который есть прошлое?

Приносит ли слово это чувство или существует чувство без слова? Все это есть часть самопознания.

П. Как человек наблюдает без слова?

К. Без наблюдающего, без воспоминания. Это очень важно.

П. Как действительно человек может преодолеть проблему наблюдающего?

А. Разрешите мне сказать, что в наблюдении наблюдающего существует также его неодобрение или одобрение по отношению к самому себе.

К. Это является прошлым. Это его обусловленность. Все это целиком – движение прошлого, которое содержит в себе наблюдающий.

А. Это отчуждение создает барьер.

К. В этом как раз состоит вопрос, который задает Пул. Она спрашивает: «Каким образом я наблюдаю наблюдающего?». В чем заключается процесс наблюдения наблюдающего? Я слушаю, как К. говорит, что наблюдающий – это прошлое. Так ведь?

Пар. Когда так ставится вопрос, это создает друго го наблюдающего.

К. Нет, я ничего не создаю. Я просто наблюдаю.

Поставлен вопрос: что является наблюдающим кто этот наблюдающий? Как я наблюдаю этот микрофон?

Я наблюдаю его, пользуясь словом, которое служит нам для обозначения того, что это микрофон; оно зарегистрировано в мозгу как микрофон, как воспоминание; я пользуюсь этим словом чтобы выразить факт микрофона. Это достаточно просто.

П. Наблюдает ли человек наблюдающего?

К. Я подхожу к этому. Как наблюдает человек наблюдающего? Вы не наблюдаете.

П. Не является ли неспособность наблюдать наблюдающего тем, что дает человеку понимание при роды наблюдающего?

К. Нет. Вы не наблюдаете наблюдающего. Вы лишь наблюдаете «то, что есть» и помехи, создаваемые наблюдающим. Вы говорите, что узнаете наблюдающего. Вы замечаете разницу? Только двигайтесь медленно. Имеется ревность. Наблюдающий приходит и говорит: «Я ревновал в прошлом; я знаю, что это за чувство». Так я опознаю это чувство и при этом имеется наблюдающий. Вы не можете наблюдать наблюдающего им самим. Наблюдение наблюдающего существует только в отношении к наблюдаемому. Когда наблюдающий прекращает наблюдение, тогда возникает сознание наблюдающего. Вы не можете наблюдать наблюдающего им самим. Наблюдать наблюдающего вы можете только в отношении к чему-то. Это совершенно ясно. В момент чувства не существует ни наблюдающего, ни наблюдаемого, – существует только состояние. Затем появляется наблюдатель и говорит, что это ревность; он пытается воздействовать на то, что есть, он убегает от этого прочь, пытается подавлять, логически рассуждать, оправдывать это или спасается бегством. Эти движения показывают, что наблюдающий находится в отношениях с тем, что есть.

ФВ. С того момента, когда появился наблюдающий, имеется ли возможность наблюдать наблюдающего?

К. Об этом мы говорим. Я раздражен или пришел в ярость. В момент вспышки раздражения не существует ничего. Нет ни вас, ни наблюдающего это, ни наблюдаемого. Есть только это состояние ярости.

Затем появляется наблюдающий, который является движением мысли. Мысль есть прошлое – не существует новой мысли – и это движение мысли вмещается в настоящее. Это вмещательство есть наблюдающий, и вы изучаете наблюдающего только через это вмещательство. Он пытается спастись бегством от того, что иррационально в ярости, что противоречит здравому смыслу, он пытается оправдывать ее и т. д. – и это все представляет собой традиционные подходы к настоящему. Традиционный подход – это наблюдающий.

П. Таким образом, в некотором смысле наблюдающий проявляет себя лишь в элементах бегства от настоящего.

К. Бегство или логические обоснования.

Д. Или вмещательство.

К. Любая форма вмещательства в настоящее есть действие наблюдающего. Не соглашайтесь с этим.

Разделите на куски, выясняйте.

Пар. Если нет прошлого, то нет и вмещательства.

К. Нет, дело не в этом. Что такое прошлое?

Пар. Накопленное, сохраняемое про запас содержание моего жизненного опыта.

К. А что это такое? Ваши переживания, ваши увлечения и побуждения, – все, что является движением прошлого, что является знанием. Движение прошлого го может иметь место только

при посредстве знания, которое является прошлым. Таким образом, прошлое вмешивается в настоящее; наблюдающий начинает действовать. Если нет вмешательства, нет и наблюдателя – имеется только наблюдение.

В наблюдении нет ни наблюдателя, ни идей о наблюдении. Очень важно понять это. Нет ни наблюдателя, ни идеи об его отсутствии, это означает, что имеется лишь чистое наблюдение без слова, без воспоминаний и ассоциаций с прошлым. Нет ничего кроме наблюдения.

ФВ. Возможно ли таким образом наблюдать наблюдателя?

К. Нет, я уже говорил. Наблюдение наблюдателя происходит только, когда вмешивается прошлое. Прошлое – это наблюдатель. Когда прошлое вмешивается в настоящее, начинает действовать наблюдатель.

И только тогда вы осознаете наличие наблюдателя.

Так вот, когда вы поняли это, увидели внутренним зрением, интуицией – наблюдателя нет, есть лишь наблюдение.

Итак, могу я наблюдать «никакого авторитета» самостоятельно, не потому, что вы сказали мне это?

П. Нет, я могу наблюдать только одно – движение авторитета: я не могу наблюдать «нет авторитета».

К. Конечно не можете. Но имеется наблюдение авторитета, наблюдение авторитета, возникающего из стремления обрести через другого озарение, стать учеником кого-то, чувствовать привязанность к другому – все это формы авторитета. И действует ли некий «авторитет» в моем мозгу, в уме, во всем моем существе? «Авторитетом» может быть пережитый опыт, знание, зависимость от прошлого – некое видение и все прочее. Есть ли наблюдение движения мысли как «авторитета»?

П. Что является самым важным? Наблюдение ли за каждым движением моей человеческой мысли, мое го сознания, или попытка раскрыть в моем сознании ту истину, ту актуальность, о которой вы говорите?

Это настолько тонко, что я не нахожу подходящих слов.

С. А нельзя ли поставить вопрос иначе, например – я наблюдаю причиненную боль, обиду.

К. Наблюдаете вы это потому, что К. говорил об этом?

С. Я вижу, что мне причинили боль. Я вижу возникновение боли. Наблюдение боли я могу вести как часть самопознания. Но где во мне происходит создание авторитета? Когда Кришнаджи говорит: «Как только вы ощутили боль, с этим покончено», – я именно тут создаю авторитет. Затем я проецирую некое состояние, происходит движение к этому со стоянию, ибо я не хочу быть в ловушке непрерывного наблюдения боли. Но в сознании имеются и некото рые другие факторы. Я вижу, что вместо наблюдения боли я слышу время от времени, как кто-то говорит, что наблюдение боли без наблюдателя прекращает боль. Вот когда я создаю авторитет.

К. Как только я нарушаю эти взаимоотношения, возникает мой вопрос. Как мне это сделать? Я тща тельно слежу за тем, что вы говорите – вижу, что боль причинили представлению, и что происходит бегство, насилие – я двигаюсь с вами. Это как оркестр – оркестр слов, оркестр чувств, и все это в целом движется. Пока я двигаюсь с вами, противоречий нет.

Затем вы говорите: «Как только я увидел все это в его целостности – оно перестает существовать» – и с вами ли я?

С. Это не произошло.

К. Я скажу вам почему. Вы не слушали.

С. Вы хотите сказать, что я не слушал на протяжении 20 лет?

К. Это не имеет значения. Достаточно одного дня.

Вы не слушали. Вы слушаете слова и приводите в действие некую реакцию. Вы не двигаетесь вместе с ним.

Р. Есть ли разница между этим слушанием и целостным видением?

К. Нет. Послушайте, можете ли вы слушать без толкования, без обсуждения, без сравнения?

Р. Без ожидания чего-то.

К. Чтобы не было ничего кроме слушания. Это как две реки, движущиеся вместе как одна река. Но я не слушаю таким образом. Я слышал сказанное вами слово «целостный» и я хочу понять его. Я уже не слушаю, так как я хочу понять то.

Р. Поэтому вопрос, как остаться с тем, что есть – неправильный вопрос?

К. Я остаюсь с ним.

Р. Да, но сам вопрос, как таковой, есть движение, уводящее от того, с чем нужно было остаться.

К. Конечно.

П. Имеется ощущение интенсивной скорби и наблюдение, чтобы не дать скорби рассеяться из-за моего движения, уводящего от нее. В момент кризиса возникает интенсивность энергии, и, чтобы остаться с ней во всей полноте, единственное возможное действие – отказ уйти от нее. Правильно ли это?

Р. Не означает ли это, что человек должен тщательно наблюдать за каждым движением, уводящим от нее, и не говорить, как ему остаться с этим?

П. Скорбь возникает и заполняет вас. Так происходит, если она – нечто очень глубокое. Какое действие тогда происходит? Какое действие вызовет ее цветение без рассеивания?

К. Если она действительно вас заполняет, если все ваше существо заполнено этой необычайной энергией, называемой скорбью, бегства не происходит.

Заполнены ли вы этой энергией, называемой скорбью, или где-то в вас есть лазейка?

Р. Я думаю, что лазейка всегда имеется, ибо ощущение, что что-то наполняет все ваше существо, внушает страх. По крайней мере, мне так кажется.

К. Следовательно, скорбь не заполнила все ваше существо.

Р. Видимо, не заполнила.

К. Это факт. Таким образом вы наблюдаете не скорбь, а страх. Страх перед тем, что может произойти и т. д. Вы вникаете в это и забываете скорбь, уходя во что-то иное.

Д. Слово «целостный» включает в себя действительность. Действительность как таковая есть нечто целостное.

К. Нет, нет, сэр, нам необходимо понять смысл слова «целостный». Целостность представляет собой здравость, физическое здоровье. Наряду со здоровьем физическим оно означает здравость моральную. Так возникает понятие о «холли» – святом, священном. И вот это включено в слово «холический», «целостный».

Д. Вот впервые это стало вполне ясным.

К. Если вы совершенно здоровы физически и когда мозг эмоционально и интеллектуально вполне здоров, без малейшего выверта, без всякого невротического движения – он является «холли» – священным.

Это и есть целостный подход. Если есть какой-то выверт, идиосинкразия, верование – он уже не целостен – поэтому очищайте его, не говорите о целостности. Целостность возникает только при здравости, здоровьи.

С. Вот где появляется дилемма. Вы говорите – проследите за фрагментом, но если человек не может видеть фрагмент целостно...

К. Не волнуйтесь по поводу целостности.

С. А как тогда наблюдать за фрагментом? Что включено в процесс? С чего нужно начать?

К. Я делаю это. Я ничего не знаю о целостности. Я действительно ничего не знаю. Я знаю значение слова, описание слова, что оно должно сообщить, но это не есть факт. Фактом является то, что я – фрагмент; я работаю, живу, действую фрагментарно в самом себе. Я ничего не знаю о ком-то другом.

ФВ. Это приводит нас к первоначальному вопросу: каково значение ваших слов помимо нашего общения сейчас? Когда мне причинят боль, будет ли иметь значение в моей повседневной жизни, воспоминание о ваших словах, что не нужно испытывать боли?

К. Нет. Мне причинили боль. Это все, что я знаю.

Это факт. Я и ощущаю боль, так как у меня имеется представление о самом себе. Сам ли я установил наличие этого представления, или К. сказал мне, что боль испытывает представление? Очень важно выяс нить это. Создало ли описание это представление, или я знаю, что представление существует?

С. Человек знает, что представление существует.

К. Прекрасно. Если представление существует, я имею дело с представлением, я не пытаюсь изба виться от него, не стараюсь смотреть на представление целостно, я ничего о нем не знаю.

С. «Вглядываться в представление» как будто включает в себя понятие «целостности».

К. Нет, я ничего не знаю о таком понятии. Я знаю только, что у меня имеется представление. Я хочу быть только с этим фрагментом. «Целостность» не есть факт.

С. Это вполне ясно. Но как человек вглядывается в это? Как он удерживает причиненную боль во всей полноте? Вот где возникает вопрос.

П. Это его утверждение.

К. Что именно?

С. и П. «Целостно». Это ваше утверждение.

К. Но отбросьте это.

С. Тогда проблемы нет, ибо человек наблюдает известные симптомы причиненной боли. За ней не ведется наблюдения и она приходит к концу. Этот процесс продолжается, мне не нужно, чтобы К. ска зал мне об этом. Это я знаю; наблюдать что-либо на этом уровне – значит видеть все, что возникает в сознании, наблюдение и его сущность.

А. Дискуссия началась с весьма важного вопроса – об авторитете. Исходной точкой начала дискуссии об авторитете является то, что мы создаем авторитет из сказанного вами, и так образуется барьер.

К. Это вполне очевидно.

Д. Что-то в этом идет неправильно.

К. Послушайте, сэр, из этого и возникает нечто очень интересное. Ведете ли вы изучение, или пости гаете с помощью интуиции? В изучение включен авторитет. Изучаете ли вы и затем действуете через изучение. Я изучаю математику, технологию и т. д. и овладев этими знаниями, я становлюсь инженером и действую. Или я иду в поле, работаю и учусь. В обоих случаях происходит накапливание знаний и деятель ность на их основе. Знание становится авторитетом, то знать себя, но знать каждое движение мысли, ибо наше «я» это мысль, представление, представле ние о К. и о своем «я». Так вот, наблюдайте тщательно за собой, за каждым движением мысли, не допуская, чтобы мысли исчезла, не будучи понятой до конца.

Попытайтесь проделать это, и вы увидите, что про изойдет. Это даст очень много мозгу.

С. Не считаете ли вы, что малейшая отдельная мысль является сутью, сущностью «я»?

К. Да. Я сказал бы, что да. Видите ли, мысль – это страх, это наслаждение, это скорбь. И мысль – это не любовь. Мысль – это не сострадание.

Наше «я» – это представление, созданное мыслью.

«Я» – это представление. Между «Я» и представлением нет никакого различия. Так вот, я

наблюдаю представление, являющееся моим «Я», которое, допустим, говорит: «Я хочу достичь Нирваны», – это означает, что я жаден. Только и всего. Я хочу иметь не деньги, а вот то, другое. Это жадность. И я исследую жадность. Что такое жадность? Желание большего?

Это означает, что я хочу превратить то, что есть, в нечто большее. А это является жадностью. Затем я говорю: «Почему это происходит во мне? Почему я хочу большего? «Такова традиция, привычка. Или это механическая реакция мозга? Я хочу это выяснить. Я выясню это либо одним взглядом, либо продвигаясь шаг за шагом. Я могу охватить это одним взглядом только, если у меня нет мотива, ибо мотив – это искажающий фактор. Чрезвычайно интересно познать себя, ибо познать себя означает познать Все ленную – не теоретическую, но фактическую Все ленную. Я хочу познать себя, так как ясно вижу, что пока я не познал себя, все, что я скажу, не будет иметь никакого смысла, оно будет извращением не только на словесном уровне – я вижу это извращение. Мое действие будет извращенным, а я не хочу, чтобы мои взаимоотношения с вами, с моей женой, с моим мужем были извращенными. При этом бдительно наблюдении я в этих взаимоотношениях вижу свое отражение: в отношении к жене есть жажда секса. Я хочу, чтобы она создала для меня удобства, заботилась обо мне. Я бдительно наблюдаю мои взаимоотношения с вами, с моей женой, с моим мужем. Моя жена присматривает за моими детьми, она готовит еду, я завишу от нее. Так в моих взаимоотношениях с ней я обнаруживаю, что они основаны на наслаждении, привязанности, удобстве и т. д. Наблюдаю ли я это без прошлого, без умозаключений? Является ли мое наблюдение точным? Как только человек говорит: «Будь светочем для самого себя», – всякий авторитет перестал существовать, включая авторитет Гиты, гуру, ашрамов. Это представляет реальный интерес сам по себе. Я – светоч – каковы мои взаимоотношения политически, экономически? Но вы не задаете этого вопроса. Я – светоч для самого себя – продолжайте, проработайте это до конца – я – светоч для себя – я вижу это очень ясно. Для меня нет авторитета, нет руководителя.

Каковы же тогда будут мои действия в отношении тирании – этих гуру, ашрамов? Быть светочем для самого себя означает быть целостным. Все, что не целостно, представляет собой извращение. Целостный человек не будет иметь ничего общего с извращением.

Прекращение узнавания

П. Не проведем ли мы дискуссию о сознании и о связи сознания с клетками мозга? Одинакова ли их природа, или существует нечто, создающее раздельность их сущности?

К. Это удачный вопрос. Начинайте.

П. Традиционное понятие о слове «сознание» как будто включает то, что находится за пределами гори зонга.

А. Совершенно точно. Мозг лишь конгломерат клеток, целый лес клеток и все же каждая клетка мозга находится в зависимости от остальных, хотя каждая клетка может действовать самостоятельно. И мы можем задать вопрос: как может человек знать общую сумму сознания в целом, всех клеток? Имеется ли координирующий фактор? Является ли мозг лишь результатом? И возникает следующий вопрос: что является первичным и что – вторичным? Действует ли сначала сознание и потом мозг, или сначала действует мозг и потом сознание.

К. Разрешите спросить: Что вы имеете в виду под словом «сознание»? Давайте начнем с самого начала. Что такое сознание? Что означает «сознавать что-то»? Должна быть внесена полная ясность, одинаково ли мы понимаем значение этого слова. Например, человек создает микрофон. Я сознаю его и применяю слово «микрофон». Итак, когда вы узнаете что-то, начинается именованное, затем приходит ощущение «нравится», «не нравится». Следовательно, сознание означает осознать что-то, осознать ощущение, узнавание, контакт.

А. Я чувствую, что сознание предшествует ощущению. Это область, некую часть которой я осознаю, в какой-то отрезок времени как ощущение; я чувствую, что сознание гораздо более обширно. Я вижу, что осознаю лишь частицу чего-то много более обширного. Вся эта область в целом недоступна моему осознанию. Поэтому я не хочу ограничивать сознание, превращая его в нечто, существующее в каждый данный момент. Мое сознание может быть в известной степени ограниченным, но сознание должно видеться как нечто гораздо более обширное.

К. Что представляют собой отношения между сознанием и клетками мозга? Пупуль употребил слово «сознание» и спросил, какова связь между мозгом и сознанием. И я спрашиваю – каковы эти отношения.

П. Когда К. говорит, что содержание сознания есть сознание, то эти слова означают, что сознание является содержанием клеток Веданта скажет вам, что источник, на который вы указываете, как на неведение, по своей природе близок к природе Сат, Чит и Ананда. Она постоянно обновляется, постоянно обретает бытие, и весь процесс рождения, смерти и распада представляет собой движение в нем. Я чувствую, что человек, который не примет это положение буддизма, не воспримет мгновенно ваши слова, что означало – это неведение, и что это процесс, который сам себя поддерживает. Вы не можете установить начало, но оно может быть приведено к концу. Я разъяснил две эти позиции, и они являются позициями конфликтующими.

К. Мы просто говорим, что у неведения нет начала, человек может видеть это в самом себе, видеть это в сознании, внутри этой сферы.

П. Если это внутри этой сферы, существует ли оно тогда отдельно от клеток мозга, содержащих память об этом? Наука выдвигает следующую позицию: клетки мозга и их деятельность измеримо; сознание неизмеримо, следовательно, клетки мозга и сознание не синонимы.

К. Подождите минуту. Вы говорите, что клетки мозга и их деятельность измеримы, но что сознание не измеримо.

А. Разрешите мне высказать предположение. Когда мы смотрим через самый мощный

телескоп, мы видим то пространство космоса, которое может охватывать телескоп. Если бы смотрели через более мощный телескоп, мы бы видели большее пространство. Так мы измеряем, и измерение зависит от инструмента, являющегося весьма относительным элементом. Сознание неизмеримо в том смысле, что нет инструмента, который мог бы вести измерение.

Сознание есть нечто, о чем нельзя сказать, является ли оно измеримым или неизмеримым. Поэтому о сознании нельзя высказывать утверждения.

К. Совершенно верно. Сознание неизмеримо. Пу пуль спрашивает следующее: существует ли вне сознания, каким мы его знаем, состояние, отличное от сознания?

П. Имеется ли состояние, которое неделимо, непознаваемо, непостижимо, внутри клеток мозга?

К. Разобрались ли в этом? Не познаваемо в том смысле, что оно не может быть узвано, так как является чем-то абсолютно новым.

А. Я подхожу к этому. Я говорю: сознание, каким мы его знаем, есть источник всех недавно воспринятых воспоминаний и всех воспоминаний, накопленных человеком. Клетки мозга узнают все, что исходит из расовой памяти, все, что идет из сферы прошлого, из всего, что является известным.

К. Это нечто совсем иное.

П. Что произошло с источником состояния, о котором вы говорили ранее?

К. Все органы чувств прекратили свою деятельность.

П. Они не действуют?

К. В этом состоянии я могу почесать руку – муха может сесть на нее – это будет действием органов чувств, но это другое, это не окажет действия.

М. Но ощущение, что вы почесали руку, будет иметься.

К. Это вполне естественно. Вы должны продвигаться очень медленно. Любое движение известного, произвольное и непроизвольное, пребывает в сфере известного. Я хочу добиться полной ясности в том, что мы – вы и я – понимаем это одинаково. А именно: когда содержание сознания с его переживаниями, требованиями, жаждой чего-то нового, включая жажду освободиться от известного, когда все это полностью приходит к концу, – только тогда то другое качество обретает бытие. Предыдущее состояние имеет мотивы; в последующем мотивы отсутствуют.

Ум не может придти к этому через мотивы. Мотив – это известное. Так вот, может ли ум перестать действовать, сказав: «Бесполезно пытаться проникнуть в это с помощью исследования, я знаю, как придти к концу; неведение – часть содержания; – часть этой жажды иметь больше переживаний. «Когда ум приходит к концу, – не в результате сознательного усилия, в котором имеется мотив, воля, направленность, – тогда то другое возникает.

М. Оно возникает в том положении, в котором мы находимся сейчас. Знаете ли вы это?

К. Конечно. Я вижу вашу рубашку, ее цвет. Органы чувств действуют. Узнавание действует нормально. И пребывает то другое. Это не раздвоение, не двойственность.

М. Является ли знание частью этого?

К. Нет. Я должен продвигаться очень медленно. Я знаю, что вы начинаете постигать. Я хочу подойти к этому очень просто. Я вижу цвет, органы чувств действуют...

А. Даже попытка истолковать то, что вы говорите, препятствует нам дойти до этого, ибо немедленно возникает двойственность. Когда вы говорите что-то, движение в уме снова является препятствием.

К. А к чему вы хотите подойти?

А. Я указываю на трудность, возникающую при общении. Я думаю, К. Если человек скажет: «Я не знаю» – что вы ответите?

М. Вы унаследовали это как некую карму или кто то дал вам это.

К. Начнем опыт сначала. Происходит ли некое событие случайно, является ли оно исключением?

Вот о чем мы сейчас ведем дискуссию.

Если это чудо, может ли оно произойти с вами?

Если это не чудо, не что-то, дарованное свыше, благодаря чему человек мог бы спросить – как это произошло с этим человеком, а не с другим – верно?

М. Что мы можем предпринять?

К. Я говорю, что вы ничего не можете поделать, но это не означает, что вы ничего не должны предпринимать!

М. Как понимать эти два значения слова «ничего»?

К. Я объясню вам эти два значения. Одно «ничего» относится к желанию испытать переживание. Это означает узнавать, постичь «ЭТО» узнаванием и все же ничего не предпринять по отношению к нему.

Второе означает увидеть и осознать не теоретически, но фактически известное.

М. Вы говорите: «Ничего не делайте, наблюдайте».

К. Сформулируйте это так, если хотите.

М. Так приходит озарение для действия.

К. Вы должны прикоснуться к этому очень легко; вы должны прикоснуться очень легко – пища, беседа – и когда тело и органы чувств обретут большую легкость, дни и ночи будут двигаться спокойно. Видите ли, это есть умирание каждую минуту. Ответил ли я или хотя бы приблизительно ответил на ваш вопрос?

П. Вы по существу не ответили.

К. Можно изложить это иначе. Мы будем применять пока наименование для этого, называя его «ТО».

Когда не существует никакого конфликта, проявляет себя бесконечная энергия, которая вечно обновляется. Энергия, которая иссякает – это известное. Что представляют собой отношения иссякающей энергии с «ТЕМ»? Отношений нет.

Как глубоко может человек проникнуть?

П. Сэр, как глубоко может человек проникнуть, пройти?

К. Можем ли мы так поставить вопрос? В большинстве случаев наши жизни очень поверхностны; можно ли жить на большой глубине и так же поверхностно функционировать? Может ли ум оставаться или жить на большой глубине? Я не уверен, что все мы спрашиваем, имея в виду одно и то же. Мы ведем весьма поверхностную жизнь и большинство из нас вполне этим удовлетворяется.

П. Мы не удовлетворены. Но мы не знаем, как проникнуть глубоко.

К. Большинство из нас приемлет такую жизнь. Так вот, как может ум проникнуть на большую глубину?

Ведем ли мы дискуссию о глубине в терминах измерения? Глубина включает представление об измерении. Я хочу добиться ясного понимания, что мы применяем это слово не в смысле измерения или в смысле времени, но как углубленность. В эти слова вкладываются представления о времени и измерении, но мы полностью сотрем значение времени и измерения. Мы спрашиваем, может ли обычно очень поверхностный ум проникнуть на большую глубину?

Таков вопрос. Я говорю, что для этого потребуются огромная энергия, устремленность. Как добиться возникновения этой энергии?

П. Я не знаю никакой другой величины, никакого другого измерения. Нужно, чтобы

возникла энергия, которая пробьется насквозь. Как добиться возникновения такой энергии? Или это неправильный вопрос?

К. Давайте, забудем слово «энергия» на данный момент. Я веду очень поверхностную жизнь и я вижу на словесном или интеллектуальном уровне красоту жизни ума, проникшего в себя очень, очень глубоко.

И я говорю себе, что вижу красоту этого, качество этого – как этого достичь? Давайте остановимся на этом вместо того, чтобы вводить энергию и все прочее. Как это сделать? Может ли мысль проникнуть в это? Может ли мысль стать углубленной?

Прошу вас, вслушайтесь в это. Имеется поверхностная жизнь. Я хочу вести другой образ жизни, на большой глубине. Я понимаю глубину не в смысле измеримости и времени, необходимых для продвижения, но глубину, как нечто не имеющее дна; нечто недоступное постижению; я хочу найти это и жить с ним. Так вот, скажите, что мне делать? Я не знаю, я спрашиваю, может ли мысль, являющаяся временем, прошлым, может ли она проникнуть в подобную углубленность?

Вслушайтесь в мои слова. Я ясно вижу очень ясно, что глубина, которую можно измерить, не является сколько-нибудь значительной. Я вижу, что в продвижение вниз включено время, оно может длиться годы; я вижу это интеллектуально; отбрасывая такое понятие с помощью рассуждения, я вижу, что глубина обладает качеством бытия вне времени и вне измеримости, она бесконечна и дно ее никогда не может быть достигнуто. Это не умозаключение и пребывает для меня не на словесном уровне. Мне пришлось использовать слова для вас. Поэтому это становится для вас понятием, умозаключением.

М. Задаете ли вы мне этот вопрос, или я сам задаю его себе?

К. Я ставлю этот вопрос себе и поэтому предлагаю вам задать его себе. Итак, я говорю себе: может ли мысль проникнуть в эту глубину, ибо мысль – единственное движение, которым я располагаю?

КУ. В этом случае мы не можем применить это орудие.

Р. Как может человек дойти до глубины, не применяя это орудие?

К. Я живу чрезвычайно поверхностной жизнью и я хочу выяснить сам для себя, существует ли некая неизмеримая глубина и вижу, что мысль не может дойти до нее, так как мысль есть некое мерило, мысль – это время, мысль – реакция прошлого, поэтому мысль никогда не сможет прикоснуться к глубине. Так каким же образом это может произойти? Если мысль не в состоянии к ней прикоснуться и является единственным орудием, которым обладает человек, что же ему предпринять? Мысль своим движением, своей деятельностью создала этот мир, поверхностный мир, в котором я живу, к которому я принадлежу. Это вполне очевидно. Так вот, может ли ум, не используя мысль, прикоснуться к чему-то, являющемуся бездонным? Не только на какое-то одно мгновение, не только во время сна или одинокой прогулки, но жить в этом. Мой ум говорит, что эта глубина должна быть раскрыта, чтобы ум мог обрести определенное качество – я должен осознать эту странную бездонную глубину чего-то, не имеющего имени.

П. Во что человек должен проникнуть, погрузиться?

К. Я бы не применил эти слова.

П. Верно, сэр. Мысль – это измерение измеримого. Должна быть свобода от механизма проведения измерений.

К. Нет, нет. Подходите к этому просто.

П. Можете ли вы погрузиться в то, что является мыслью?

К. Мы уже говорили об этом. Мысль – это время, мысль – это измерение, мысль – это реакция памяти, мысль – это знания, переживания, прошлое, поэтому мысль есть время. Мысль всегда действует поверхностно. Это просто.

П. То, что вы сейчас сказали, кончается в абстракции.

К. Нет.

П. Сэр, это так.

К. Это не абстракция, это реальность. Так что такое мысль?

П. Вы сказали, что мысль – это время. Вы выделили ли это из мысли как нечто абстрактное.

К. Мысль не может проникнуть в это. Вот и все.

Остановитесь на этом.

П. Поскольку это измеряющее орудие, можете ли вы вникнуть в это орудие?

К. Меня интересует глубина, а не механизм измерения... Механизм измерения вполне очевиден. Мне вовсе не нужно в него вникать.

П. Если вы говорите это, то я скажу – в какое измерение человек проникает? Если мысль – единственное известное нам орудие и вы не хотите им пользоваться, в какое измерение может проникнуть человек, не используя мысль?

К. Вопрос не в проникновении.

П. Тогда о чем идет речь?

КВ. Мы все еще связаны имеющимися в нашем распоряжении механизмами определенного устройства, и это не создает положение, при котором можно было бы раскрыть то не имеющее дна состояние, в котором мы хотели бы жить. Слова легковесны. Орудие слишком хрупко. Нужны особые слова, приспособленные к подходу к этому измерению. Для общения это орудие нам необходимо.

П. Что является орудием? Разговорная речь слишком хрупка. Я не могу рассказать вам «как», когда я нахожусь в этом состоянии.

К. Занимаемся ли мы словесным общением, или нас интересует соприкосновение с этой глубиной?

КВ. Я знаю, что соприкасаюсь с чем-то. Как я могу рассказать вам про это состояние?

П. Вы сказали, что не пользуетесь имеющимся у вас орудием – а именно мыслью.

Р. Я полагаю, что К. указал на имеющуюся разницу – дело не в случайном ощущении этого, но в том, чтобы быть в нем, жить с ним.

К. Аппетит приходит во время еды. Ведя поверхностную жизнь, как это происходит у всех людей, я говорю себе, что хотел бы найти эту глубину, в которой имеются большая широта и красота, нечто огромное. Что же мне предпринять? Что представляет собой некое другое действие, иное движение, которое должно произойти, когда мысль не функционирует? Может ли ум сохранить бытие вне измеримости?

П. Тогда вопрос ставится так, может ли это состояние обрести бытие при отсутствии всех мерил?

К. Вот и все. На протяжении всей вашей жизни вы не знали мерил, измеримость. Я спрашиваю вас – может ли ум существовать без мерил?

П. Если бы я спросил вас – «как», вы ответили бы «нет». Остается только одно: наблюдать, как ваш ум измеряет, ибо другого пути нет.

Действие во внимании

К. Я хотел бы знать, что мы имеем в виду под действием.

М. Действие неизбежно означает перемену.

К. Я хочу выяснить значение слов «действовать», «делать»; не «что было сделано» или «что нужно сделать»; две последних фразы относятся к прошлому и к будущему, действие всегда в активном настоящем; не действие, совершенное в прошлом или которое произойдет в будущем, но действие, совершаемое сейчас, в данную минуту.

П. Может ли быть действие данной минуты?

К. Я хочу выяснить, П., существует ли некое действие происходящее непрерывно и поэтому являющееся движением, не связанное с причинностью. Я веду исследование, продвигайтесь вместе со мной.

П. Что вы имеете в виду под действием?

К. Должно ли действие всегда иметь причину, мотив, направление?

П. Не является ли это проблемой ума? Действие означает «делать». Оно всегда происходит по отношению к чему-то. Каково движение действия?

К. Прошлое, настоящее и будущее. Мы знаем это.

Что мы имеем в виду под действием? Делать, физическое действие, переход отсюда туда, интеллектуальная или эмоциональная разработка проблемы?

Так вот, для нас действие означает «воздействовать на», «продвигаться через», «двигаться от». Я просто объясняю. Существует ли действие, не вызывающее конфликта – внешне или внутренне? Существует ли действие, являющееся целостным, не фрагментированным? Существует ли действие, не связанное с окружающей средой, не связанное со мной или с общиной? Существует ли действие, движение которого происходит вне времени? Все это является для меня действием. Но для нас действие происходит во взаимоотношении с кем-то другим. Действие связано с общиной, в которой мы живем. Наши действия диктуются условиями экономическими, климатическими, личными и окружающей среды. Они основаны на верованиях, идеалах и т. д. Вот действие, которое нам известно. Я хочу выяснить, существует ли действие, не зависящее от давления окружающей среды.

М. Действие не есть некое отдельное движение.

Быть здесь или быть является действием.

выражение? Такой вопрос? Человек всегда действовал в сфере известного. Вот и все. Я знаю, что всякое действие порождает трение. Я хочу выяснить, существует ли действие, не содержащее противоречий и не вызывающее возникновения конфликтов.

А. Вы не были бы здесь, не будь этого мотива.

К. Это не означает, что действие есть некая постоянная величина. Проследите за серией образцов, шаблонов. Следование какому-то образцу, шаблону ведет к полному разрушению мозга. Такое действие является механическим повторением. Я хочу выяснить существование действия, которое является вторичным и не вызывает конфликтов, не подражает, не приспособливается и поэтому не вызывает разложения, распада.

М. Жить означает воздействовать на окружающую среду.

К. Поэтому я не завишу от окружающей среды. Я хочу вести жизнь без конфликтов, что означает жить в действии. И я вижу, что жизнь всегда содержит конфликты. Я хочу выяснить существование такого образа жизни, в котором действие не создает конфликта. Конфликт состоит в подражании, приспособлении к шаблону, что предпринимается в надежде избежать конфликта. Все это является механическим образом жизни. Можем ли мы установить такой

образ жизни, в котором не было бы ни малейшей тени подражания, приспособления, подавления? Прежде всего, не может быть речи о том, чтобы его «найти», давайте, отбросим это слово. Такой образ жизни, в котором не существует конфликта, имеется сейчас, сегодня.

М. Не окажется ли такое действие гибельным?

К. Оно не будет гибельным. Мой разум, глядя на все действия в сфере известного, наблюдая их, прилагая все свое внимание – мой разум задает этот вопрос.

Теперь вступил в действие разум.

А. Мой разум говорит мне, что нанося боль другому, я причиняю боль самому себе в значительно большей степени. В мире нельзя причинить зло другому без причинения гораздо большего зла себе.

К. Слово «разум» означает не только наличие очень подвижного и бдительного ума, но и умение читать между строк. Я читаю между строк ума, но для того, чтобы читать между строк, я должен читать между строк той действительности, которая является извещением. Прочитав это, мой разум говорит, что в сфере известного действие всегда будет противоречивым.

П. Мы здесь как будто попали в тупик. Вы говорите что-то, и нет пути для выяснения, нет возможности говорить об этом.

К. Я сказал, что приступаю к исследованию.

Внимание вызывает энергию и эта энергия направляет.

К. Внимание есть действие. Вы сказали также, что сознание есть его содержание.

П. Происходит ли изменение в самих клетках мозга при состоянии внимания?

М. Биологически каждая клетка индивидуальна, способна перезарядить энергию и поэтому функционировать. Каждая клетка функционирует также в связи с тем, что сознание внедряется в клетки.

К. Я думаю, что это так. Я хотел бы начать с другой точки. Клетки мозга прошли через растрату энергии, являющуюся конфликтом, подражанием и всем прочим. Они привыкли к этому. Сейчас клетки мозга прекратили это. Они вышли из этой сферы и мозг уже не являетсяместищем всего этого. Он может функционировать технологически и т. д., но мозг, видящий жизнь, является действием, в нем больше нет конфликта, и он в состоянии внимания. Когда имеется полное понимание, внутреннее, не наложенное волей или извне, то вся его структура оживает, не в обычном, а в ином смысле. Я думаю, происходит физическое преобразование. Я думаю, что это направление смерти, и смерть есть это. Итак, существует действие, не являющееся повторением, и поэтому свобода от известного является вниманием в неведомом.

П. Свобода от известного пребывает и в клетках мозга. Клетки мозга – это известное, но свобода от известного тоже пребывает в клетках мозга.

К. Поэтому происходит явное преобразование.

М. Мозг свободен от всего, что было в него внедрено; это – физическое преобразование.

К. Логически это так, в том смысле, что пока ум функционирует в сфере известного, он продвигается по определенной колее и клетки мозга тоже действуют в неких колеях. Теперь, когда эти колеи перестали существовать, действует весь мозг в целом, не по колее, но в свободе, которая есть внимание.

К. Я думаю так потому, что многие люди старались обрести безмолвие посредством мыслей. Приводи ли себя в состояние безмолвия, применяя самогипноз, контролируя болтающий ум до полного его при тупления, когда он становится тупым и затихает. Я хочу начать исследование с пункта о правильном подходе, иначе мы уйдем в сторону. Существует ли естественный, здоровый, логический, объективный, уравновешенный подход к безмолвию? Не могли бы мы начать продвигаться от этого? В чем состоит необходимость безмолвия?

П. Необходимость безмолвия легко понять. Даже в обычной жизни когда вечно болтающий, раздраженный ум временно затихает, появляется ощущение свежести. Ум тоже обретает некоторую свежесть; следовательно, безмолвие, помимо всего прочего, само по себе очень важно.

Б. Кроме того, обычно мы не видим по настоящему краски и вещи, если нет известного качества безмолвия.

С. Наряду со всем этим существует еще традиция, утверждающая, что безмолвие имеет большое значение, считается необходимым в различных системах пранаямы, при контроле дыхания, служит прочной основой всего этого. Существуют многочисленные и различные состояния сознания, и вы не можете установить, какое является нездоровым и какое – здоровым.

К. А если предположить, что вы ничего не знаете о мнении других, указывающих, почему вы должны быть в состоянии безмолвия, задали бы вы этот вопрос?

П. Мы бы задали этот вопрос даже находясь на уровне успокоения.

К. Следовательно, вы задаете этот вопрос, чтобы успокоить ум?

П. Да.

К. Потому что ум болтает, и это вызывает утомление и изнеможение. Итак, вы спрашиваете, существует ли способ привести ум в состояние покоя наркотиками? Этот способ нам известен, но имеется ли другой путь естественно, здраво и логично привести ум в состояние покоя? Как бы вы подошли к этому?

Испытывая утомление и изнемогая из-за болтовни ума, я спрашиваю себя: «Могу ли я, не прибегая к наркотикам, привести ум в состояние покоя? «С. Есть много путей для достижения этого.

К. Я не знаю ни одного. Вы все утверждаете, что имеется много путей. Я говорю, как может ум проделывать это без усилия? Ибо усилие вносит в ум беспокойство и не создает спокойствия, оно вызывает истощение. А истощение не является спокойствием.

Конфликт тоже не К. Я бы не назвал это безмолвием, поскольку на данный момент это величие вас ошеломляет.

С. Отсутствие «я» не происходит на сознательном уровне, но оно все же имеется.

К. Вы видите изумительную картину, изумительный закат, величественную горную цепь, и с вами происходит то же, что с ребенком, поглощенным игрушкой; это величие ошеломляет «я» на какой-то момент, и ум становится безмолвным. Вы можете проделать это на опыте.

С. Но вы говорите, что это не является безмолвием.

К. Я бы не назвал это безмолвием, так как величие горы, красота чего-либо захватывает вас только на какой-то момент, «я» отталкивается в сторону, на мгновение его нет. Затем я возвращаюсь к моей болтовне. Во всяком случае, я хочу внести полную ясность в то, что всякое искусственное действие с мотивом, с направлением представляется К. искажением, которое не может привести к возникновению глубины безмолвия. Эти искусственные приемы, дисциплина, контроль, отождествление с чем-то более значительным временно создает

спокойствие. И то где я спрашиваю себя: Почему безмолвие необходимо? Не будь мотива – задал бы я себе этот вопрос?

Пар. Вы описываете ваш ум?

К. Нет, сэр. Я не описываю мой ум. Я сказал: «Любая форма воздействия, тонкая или очевидная, не приведет к возникновению глубины безмолвия». На мой взгляд все эти формы являются поверхностными: быть может, я ошибаюсь, мы ведем исследование.

Пар. Состояние вашего ума – это уже безмолвный ум.

К. Возможно, я не знаю. Так вот, какой подход к спокойствию является естественным и здоровым?

Р. Но подход является мотивированным.

К. Я бы не применил этого слова. Что представляет собой состояние естественного спокойствия? Если я хочу вслушаться в то, что вы говорите, мой ум должен быть спокойным – это естественно. Если я хочу видеть что-то вполне ясно, мой ум не должен болтать.

П. В этом состоянии пребывает все равновесие, вся гармония.

К. Я бы сказал, что основой для глубины безмолвия являются уравновешенность и гармония между умом, телом и сердцем, великая гармония и отказ от всех искусственных методов, включая контроль. Я бы сказал, что гармония – это главная основа.

П. Вы применили слово «гармония». Как это разрешает проблему? Единственное, что я знаю – это конфликт. Я не знаю безмолвия.

невозможно, ибо центр приводит все в соответствие со своими ограничениями. Привожу ли я всех в состояние безмолвия?

Р. Почему появляется разделение между умом и телом?

К. Оно возникает из-за нашего воспитания и обучения, когда главное внимание обращено на развитие интеллекта, как памяти, рассудка как функции, про исходящей отдельно от дела.

Р. Это подчеркивание преувеличенной важности ума. Но при отсутствии обучения может произойти чрезмерное подчеркивание эмоций.

К. Конечно. Человек придает интеллекту несравненно большее значение, чем эмоциям. Не так ли?

Всякая эмоция переводится в набожность, в сентиментальность, в разные формы экстравагантности.

Пар. Как можно разграничить накапливание памяти для применения в технике и в повседневной жизни и накапливание памяти эмоциональной?

К. Это очень просто, сэр. Почему мозг, вместительность памяти, придает такое значение знанию – технологическому, психологическому, взаимоотношениям?

Почему? Люди придают необычайное значение знаниям. У меня контора, я стал важным бюрократам, это означает, что у меня много знаний, выполняющих определенные функции; я становлюсь напыщенным, глупым, тупым.

Пар. Не является ли это желание врожденным?

К. Это создает ощущение безопасности. Это придает вам некий статус. Люди преклонялись перед знанием, знание отождествляется с интеллектом.

Человек, обладающий эрудицией, ученый, философ, изобретатель, – все они имеют дело со знанием и они создали изумительные вещи в мире, как например, полет на Луну, как производство множества новых веществ и т. д. Они создали поразительные вещи, и восхищение перед этим знанием доходит до чрезмерного напряжения, и мы считаем это правильным. Так мы развили необычайное восхищение, восхищение, доходящее почти до преклонения перед интеллектом. Это относится и ко всем священным книгам и их толкованиям. Поправьте меня, если я ошибаюсь. В противовес этому наблюдается реакция против эмоциональности, чувств

любви, преданно сти, сентиментальности, экстравагантности в выражениях и телом пренебрегают. Вы видите это и потому занимаетесь йогой. Такое разделение между телом, умом и сердцем является неестественным.

Так вот, мы должны создать естественную гармонию, при которой интеллект будет функционировать как чудесные часы, а эмоции, привязанности, забота, любовь и сострадание будут действовать здраво, и тело, которым так пренебрегали и злоупотребляли, получит то, что ему полагается. Но как вы добьетесь этого?

М. Существует латинский афоризм: «Я знаю, что является правильным, но я не поступаю в соответствии с этим».

К. Не впутывайте сюда латынь. Вглядитесь в вопрос, видя его таким, каким он является фактически.

П. говорит, что мы начали с безмолвия и сказали, что бесполезно вести дискуссию о безмолвии, пока не выяснили, существует ли естественный путь для подхода к нему. Естественный путь – в выяснении, имеется ли гармония. Но мы ничего не знаем о гармонии, ибо мы находимся в состоянии дисгармонии. Поэтому давайте займемся беспорядком, а не гармонией, не безмолвием.

М. Я наблюдаю свой беспорядок, и он продолжает ся, глядя на меня.

К. Поэтому имеется двойственность, разделение, противоречие в вашем наблюдении в форме наблюдателя и наблюдаемого. Мы можем продолжать эту игру до бесконечности. Прошу вас, проследите за всем, что мы уже обсудили. Мы начали с вопроса: какова природа безмолвия, существуют ли различные формы безмолвия, имеются ли разные подходы к безмолвию? П. также спрашивает: какой путь к безмолвию является правильным? Мы сказали, что, быть может есть некий правильный путь, но что все искусственные средства приведут к чему-то, не являющемуся безмолвием, это стало вполне ясным. Не будем возвращаться назад. Если искусственные пути бесполезны, то возможно ли прийти к безмолвию естественно, без усилий, без принуждения, без руководства и без искусственных средств? Исследование этого привело нас к гармонии. По этому поводу П. говорит: «Мы не знаем, что такое гармония; то, что мы знаем, является беспорядком». Поэтому отложим в сторону все остальное и рассмотрим беспорядок, а не что такое безмолвие. Безмолвие таким образом становится средством установления порядка или бегства от беспорядка. Безмолвие как бы противопоставляется беспорядку. Так вот, прекратим все это и спросим: Почему существует беспорядок? Можно ли его прекратить?

П. Беспорядок появляется, когда возникает мысль, а я хочу безмолвия.

К. Нет, вы ищите причину, вы хотите выяснить, какова причина беспорядка.

П. Нет.

К. Что же тогда?

П. Я наблюдаю природу беспорядка, я не ищу его причину, я ее не знаю.

К. Человек наблюдает беспорядок в самом себе.

П. Я вижу, что он проявляется, как мысль.

К. Я не знаю. Я хотел бы вникнуть в это серьезно, ибо это очень интересно. Почему я называю то, что наблюдаю, беспорядком?

С. Расстройство, беспокойство являются беспорядком.

К. Я просто хочу выяснить. Почему я называю это беспорядком. Не означает ли это, что у меня имеется некое слабое представление о том, что такое порядок? Сравнение может быть беспорядком. Я сравниваю то, что я испытал или знаю как порядок и при этом спрашиваю, что такое беспорядок. Я этого не знаю. Я говорю: не сравнивайте. Просто взгляните, что представляет собой беспорядок. Может ли ум увидеть беспорядок, не сравнивая его с порядком?

Так вот, может ли мой ум прекратить сравнение?

Само сравнение может быть беспорядком. И пока я сравниваю, беспорядок должен существовать. Я сравниваю беспорядок данного момента со слабым веянием порядка, которое я ощущаю, и называю это, что происходит сейчас, беспорядком. Так я вижу, что главное значение имеет сравнение, а не беспорядок.

Пока мой ум сравнивает, измеряет, беспорядок должен неизбежно существовать.

Р. Я вижу беспорядок без сравнения, так как я вижу, что все имеющиеся во мне отдельные части толкают в разные направления.

К. Я никогда не ощущал в себе беспорядка, кроме, быть может, редких исключительных случаев. Я говорю себе: Почему все эти люди говорят о беспорядке?

Д. Действительно ли они знают беспорядок, или они познают его лишь посредством сравнения?

П. Вы вводите слова, которые кажутся мне трудны для понимания. Ум не ведет сознательного сравнения, говоря: «Это является беспорядком, и я хочу это прекратить. Я знаю беспорядок».

А. Ощущение чего-то неприятного, беспокойства.

П. Ощущение смятения, одна мысль противопоставляется другой. Вы скажете, что слово «смятение» является сравнением. Я знаю смятение.

К. Вы знаете только противоречие, являющееся смятением. Не отходите от этого. Вы говорите, что ваш ум в состоянии смятения, так как он все время противоречит сам себе. Двигайтесь дальше от этого.

Б. Здесь возникает явное затруднение. Вы говорите о безмолвии, потом о гармонии, а затем о беспорядке. Почему мы говорим о беспорядке? Вместе с тем мы действуем частично в порядке.

П. Как это ни печально, я не знаю ни гармонии, ни безмолвия. Когда я наблюдаю свой ум, я вижу беспорядок.

К. Что дальше? Продвигайтесь от этого.

П. Дальше мне приходится задать вопрос: является ли это природой ума?

К. Спрашивайте.

П. Я спрашиваю, и из этого должен иметься выход.

К. И что дальше?

П. Затем, задавая этот вопрос, я наблюдаю себя.

К. Да.

П. На данное время деятельность ума приходит к концу.

М. В чем же тут ошибка?

К. Тут нет ошибки. Я подхожу к этому.

П. Видите ли, сэр, мы могли бы не вдаваться в обсуждение всего этого, но мне кажется, лучше продвигаться шаг за шагом. Здесь намечается определенный конец. Быть может, кто-то не увидит здесь конца, но для меня он имеется. Какова природа этого? Теперь я возвращаюсь к моему первому вопросу. Продолжает ли действовать после конца некое скрытое течение? Когда мы говорим о различии в качестве, природе и объеме безмолвия, мы имеем в виду именно это. Согласно традиционной точке зрения промежуток между двумя мыслями является безмолвием.

К. Это не безмолвие. Тишина между двумя нотами не является безмолвием. Прислушайтесь к внешнему шуму. Отсутствие шума не есть безмолвие. Это только отсутствие шума.

П. Имеется прекращение восприятия себя в состоянии беспокойства.

К. П., то, что вы говорите, недостаточно ясно. Когда вы говорите «беспорядок», я вовсе не уверен, что вы знаете, чем является беспорядок. Вы называете это беспорядком. Я переел – это

беспорядок; я слишком потворствовал эмоциональным нелепостям – это беспорядок.

П. Я ловлю себя на том, что говорю слишком громко – это беспорядок.

К. Итак, что такое беспорядок? Как вы знаете, что это является беспорядком? Послушайте, я переел, у меня болит желудок. Я называю это беспорядком, я просто говорю: «Я переел. Я не должен так много есть».

П. Мы продвинулись от безмолвия к гармонии и установили, что невозможно вникнуть в вопрос гармонии, не разбирая вопрос о беспорядке.

К. Вот и все. Придерживайтесь этих трех пунктов.

П. Почему вы называете это беспорядком?

Р. Узнавание этого, как беспорядка, не является обязательным, так как конфликт между телом, умом...

К. Вы связываете конфликт с беспорядком.

Р. Нет, конфликт утомляет, как вы говорите, и человек инстинктивно чувствует, что у него что-то неладно.

К. Значит, если я вас правильно понял, вы говорите, что конфликт свидетельствует о беспорядке.

Р. Даже если вы не употребляете это наименование.

К. Конфликт – это беспорядок. Вы понимаете его как беспорядок. Не двигайтесь около него по кругу.

П. Я говорю, что нужно освободиться от конфликта.

М. От беспорядка.

К. Что является тем же самым. Безмолвие, гармония, конфликт. Вот и все, а не беспорядок.

П. Прошу извинить меня, но я скажу; вы можете взять слово «конфликт» и проделать с ним ту же гимнастику, которую вы проделали со словом «беспорядок». Но что я предприму по поводу конфликта?

К. Это как раз то, что является нашей задачей – безмолвие, гармония, конфликт. Что мне предпринять в отношении конфликта – не искусственно? Вы ничего не знаете. Вы слышите об этом впервые. Вы должны вникнуть в это вместе со мной. Не говорите: «Как мне взглянуть на это в первый раз?». Кто-то приходит и говорит: «Посмотрите на эту великолепную механику». Вы смотрите.

С. Это все я вижу ясно. Но я не могу думать о безмолвии и гармонии, пока я нахожусь в конфликте.

К. Способен ли ум освободиться от всех форм конфликта? Это единственный вопрос, который вы можете задать. Что является неправильным в этом вопросе?

С. Это закономерный вопрос.

П. Может ли ум освободиться от дисгармонии? Я не вижу разницы между этими двумя вопросами.

К. Мы свели все к вопросу о конфликте. Придерживайтесь его и взгляните, может ли ум стать свободным от него. Как может ум положить конец конфликту, зная, что он собой представляет и каково его воздействие? Это бесспорно закономерный вопрос.

М. Ибо вы утверждаете, что ум может это сделать.

К. Я не знаю.

КБ. Если мы взглянем в вопрос конфликта, в различные его аспекты, мы увидим, что без сравнения конфликта не существует.

К. Конфликт – это противоречие, сравнение, приспособление, подражание, подавление. Уложите все это в одно слово и примите это слово, как мы его определили, а затем спросите, может ли ум стать свободным от конфликта.

С. Конечно, он может освободиться от конфликта, но возникает вопрос: какова природа этой свободы от конфликта?

К. Как вы можете это узнать, пока вы не можете стать свободным?

С. На данный момент мы знаем состояние конфликта.

К. Является ли полным прекращение конфликта?

С. Вот поэтому я и задал вопрос: происходит ли полное прекращение конфликта? М. Я говорю: не может прекратиться конфликт в нашем мире, пока мы живем в нем так, как это происходит сейчас изо дня в день.

К. Не заграживайте мир. В мире все движется по порядку. Давайте придерживаться наших умов, кото рые, видимо, пребывают в нескончаемом конфликте.

Так вот, как ум может покончить с конфликтом есте ственно, ибо всякая другая система является прину дительно направляющим методом, методом контро ля и всего прочего. Как может ум освободиться от конфликта? Я спрашиваю. Какими окажетесь вы, когда придет конец конфликту? Я говорю, что ум может полностью, абсолютно освободиться от конфликта.

С. Навсегда?

К. Не употребляйте слова «навсегда», ибо этим вы вводите время, а время – сущность конфликта.

П. Я хочу задать вам вопрос: может ли ум полно стью пребывать в конфликте.

К. Что вы пытаетесь сказать? Я не совсем вас понимаю.

П. Видите ли, я чувствую свою полную беспомощ ность в этой ситуации. Наличие конфликта является фактом и все, что предпринимает по этому поводу мое «я», ведет лишь к дальнейшему конфликту. Видя природу этого, может ли ум понять, что он весь полностью находится в конфликте.

К. Может ли ум осознать состояние, в котором нет конфликта? Это ли вы пытаетесь сказать? Или ум может знать только, что имеется конфликт? Верно?

Осознает ли ваш ум конфликт полностью, или это просто слова? Или имеется какая-то частица ума, говорящая: «Я осознаю, что я целиком нахожусь в конфликте, и во мне есть другая частица, наблюдаю щая конфликт? «Или имеется некая часть ума, жела ющая освободиться от конфликта, что означает нали чие фрагмента, говорящего: «Я не нахожусь в кон фликте» – и этот фрагмент отделяет себя от полноты конфликта? Если фрагмент имеется, то он говорит: «Я должен что-то сделать, я должен подавить, уйти за пределы». Так вот, этот вопрос закономерен. Осоз нает ли ваш ум полностью, что нет ничего, кроме конфликта, или существует фрагмент, который отде ляет себя и говорит: «Я осознаю, что нахожусь в конфликте, но я не полностью в конфликте». Является ли конфликт фрагментом или чем-то целостным? Я придерживаюсь все того же слова, не заменяя его в данное время другим. Пребывает ли полный мрак, или где-то мерцает слабый свет?

Р. Если не было бы света, мог бы существовать мрак?

К. Я ничего об этом не знаю. Не задавайте мне этот вопрос. Если имеется фрагментация ума, тогда сама эта фрагментация является конфликтом. Может ли ум когда-либо осознать, что он целиком находится в конфликте? П. говорит, что может.

П. Вы уклонились в сторону.

К. Я не уклонился.

П. Я ничего не знаю о тотальном конфликте.

К. Поэтому вы знаете только частичный конфликт.

П. Нет, сэр, является ли он частичным или нет, мы знаем факт наличия конфликта и я спрашиваю: мо жет ли появиться отказ отхода от него?

К. Я не отошел от безмолвия, гармонии и конфли кта.

П. Где в этом целостность, тотальность?

К. Я думаю, этот вопрос не имеет большого значения.

Р. Сэр, само осознание ума свидетельствует, что имеется фрагмент.

К. Вот и все. Поэтому вы говорите: частично я нахожусь в конфликте. Поэтому вы никогда не пребываете с конфликтом.

П. Нет, сэр.

СВС. Тотальный конфликт не может познать себя, если нет еще чего-то другого.

К. Мы приступим к выяснению этого.

П. Я выражаюсь недостаточно ясно. Состояние конфликта не является значительным по объему, обширным. Когда вы говорите «тотальный», это означает, что он заполняет ум.

К. Когда вся комната заполнена мебелью – я беру это как пример – нет места для движения. Я бы рассматривал это, как крайнюю степень смятения.

Является ли мой ум настолько заполненным смятением, что он не может отойти от него? Так ли он заполнен смятением и конфликтом, как та комната мебелью? Что тогда происходит? Вот что я хочу выяснить. Мы не обсуждаем то или другое частично.

Когда давление достигает предела, происходит взрыв, необходимо что-то предпринять. Я не думаю, что мы смотрим на конфликт во всей его полноте. Могу ли я прибегнуть к слову «скорбь»? Нельзя отодвинуться от скорби. Это было бы просто бегством. Существует ли такое состояние, как абсолютная заполненность скорбью? Когда вы осознаете, что полностью счастливы, счастья уже нет. Подобно этому, когда вы целиком заполнены тем, что называете смятением, скорбью, конфликтом – всего этого уже нет. Оно есть, только когда имеется разделение. Вот и все.

Р. Нет, сэр. Тогда эта проблема кажется безнадежной.

К. Вот поэтому человек должен остаться с истиной этого, а не со смятением. Истина вопроса познается, когда ум полностью пребывает с чем-то, тогда он не создает конфликта. Если я люблю вас и в этом есть некая связанность – возникает противоречие, следовательно, это не любовь. Поэтому я говорю: оставайтесь с фактом данной вещи. Если ум целиком заполнен скорбью, смятением, конфликтом – я бы не пытался отойти, пока это не произойдет.

М. В вашем подходе есть некая особая черта. Когда вы пишете картину, всегда имеется четкий черный контур, краски не сливаются. Фактически контура нет, есть только краски, переходящие одна в другую.

К. Это для меня вполне ясно. Если сердце полно любви, без малейшей частицы зависти, с проблемой покончено. Только когда имеется какая-то частица ревности, возникает вся проблема в целом.

П. А если оно полно зависти?

К. Тогда оставайтесь полностью в этой зависти – будьте завистливыми, почувствуйте это.

П. Тогда я познаю природу этого полностью.

К. Это нечто потрясающее. Но вы говорите: «Я завистлив и не должен быть завистливым». Где-то в темной углу лежит вложенное воспитанием сдерживающее начало; поэтому вдруг происходит что-то неправильное. Но могу ли я быть завистливым и не пытаться уйти от этого? Отходить, рассуждая, одобряя, подавляя и т. д. Просто остаться с этим чувством.

Когда вы ощущаете скорбь, уйдите от нее полностью.

Это безжалостно. Но все остальное – это игра, трюки. Когда вы пребываете с чем-то – действие уже произошло. Вам уже ничего не нужно предпринимать.

Факторы деградирования

П. Не могли бы мы обсудить проблемы деградирования и смерти. Почему в механизме ума имеется как бы вложенная в него склонность к износу, и поэтому к смерти?

К. Почему изнашивается тело и ум?

П. С годами, со временем тело изнашивается, но почему изнашивается ум? В конце жизни происходит смерть тела и смерть ума. Но смерть ума может произойти даже пока тело еще живо. Если, как вы говорите, клетки мозга содержат сознание, то при износе клеток человеческого тела является ли неизбежным износ клеток человеческого ума? Мозга?

К. Говорим ли мы об износе с годами, со временем всей структуры ума и мозга? Биологи дали ответ на этот вопрос. Что они говорят?

М. Клетки тела и мозга изнашиваются потому что не происходит процесса отбора. Они не созданы для постоянного функционирования. Они не обладают способностью отобрать и изъять лишние продукты их собственного обмена веществ. Если бы они могли полностью промывать себя, они бы жили вечно.

К. Вопрос в следующем: почему происходит износ мозга, который активно действовал на протяжении известного периода времени? Биологический ответ утверждает, если бы мозг обладал достаточной очистительной силой, он мог бы жить вечно. Что является средством очищения?

М. Правильный отбор и изъятие.

К. Бесспорно должно происходить нечто гораздо более глубокое.

М. Правильный отбор и изъятие – внешние проявления очищения, очищающего процесса.

П. Это не является правильным. Если бы это было так, то человеческое тело, правильно очищенное, не подвергалось бы износу. Но смерть неизбежна. Представляет ли собой ум нечто иное, чем клетки мозга?

К. Является ли это износом энергии, или износом клеток мозга и их способности вырабатывать энергию? Прежде всего надо ясно поставить вопрос.

Б. Когда мы говорим, что мозг подвергается износу, то при этом считается, что он в определенное время был очень активен. Между тем, одна из проблем существования – это посредственность ума.

К. Итак, вопрос в следующем: почему мозг не сохраняет свои качества остроты, ясности, глубокой энергии? С возрастом, становясь старше, он изнашивается. Это иногда происходит даже в двадцать лет. Он удерживается в определенной коле и постепенно теряет гибкость. Я хочу выяснить, зависит ли это от возраста. Вы можете видеть, что некоторые умы даже в годы молодости утрачивают качество быстроты. Он уже попал в колею и фактор износа начал действовать.

С. Не происходит ли это потому, что мы рождаемся с известной обусловленностью? Не это ли является фактором деградации?

К. Это происходит в связи с обусловленностью; если удастся пробиться через эту обусловленность, то высвобождается энергия, придавшая уму способность действовать до бесконечности; или деградация зависит от того, что ум функционирует в соответствии с принятым решением?

С. Что вы имеете в виду под принятыми решениями?

К. Это означает, что ум действует, делая выбор и применяя волю. Человек намечает заранее, и это решение основано не на ясности, не на наблюдении реального факта и всей сферы деятельности в целом, а на получении удовлетворения и удовольствия, являющихся

фрагментами этой сферы. И человек продолжает жить в этих фрагментах, в этой фрагментации. Это один из факторов деградации. Мой выбор профессии ученого может быть основан на стремлении добиться успеха в определенной области. Много разных соображений могут привести к выбору определенной профессии, и такое решение, такой выбор, и это действие, исходящее из решения, из выбора, является одним из факторов износа. Я оставляю без внимания всю остальную сферу, устремляя все внимание на один ее тесный угол. Деятельность клеток мозга лишена полноты и происходит только в каком то одном направлении. Вглядитесь, это очень интересно. Не принимайте на веру. Мы исследуем это.

П. Вы говорите, что мозг функционирует не целостно, а только в одном направлении.

К. Весь мозг в целом не является активным, я думаю, это один из факторов износа. Вы спросили, каковы факторы износа, вы не задали вопроса, способен ли ум видеть целое, или не способен. На протяжении этих долгих лет я наблюдал, что ум, придерживающийся выбранного им курса действий, оставляя без внимания целостность действия, поддается износу.

П. Давайте попытаемся исследовать это. В самих клетках мозга имеются заложенные в них ощущения времени, памяти, инстинкт. Они действуют как рефлекс. Сама эта деятельность в форме рефлексов ограничивает мозг и не позволяет ему действовать целостно. И других путей мы не знаем.

К. Мы пытаемся выяснить, каковы факторы износа.

Когда мы установим эти факторы, мы, быть может, будем в состоянии перейти к другому, к целому.

П. Можно назвать двадцать факторов, например, конфликт.

К. Давайте, не будем набирать слишком большое количество. Деятельность, основанная на выборе, мотивированная желанием получить удовлетворение, добиться успеха, достичь чего-то. Такое действие должно создавать конфликт. Так вот, конфликт это один из факторов износа, быть может, главный фактор. Я решаю стать политическим деятелем. Или человеком религиозным. Или артистом, саньяси; эти решения исходят из обусловленности, возникшей под воздействием культуры, которая по своей природе фрагментарна. Например, я решаю остаться холостяком, так как то, что я видел, что слышал, заставляет меня думать, что достичь Бога, истину, достичь Озарения можно только при целибате, без брачности. Я пренебрегаю всей структурой человеческого существования, биологией, социологией и всем прочим. Вполне очевидно, что такое решение вызывает конфликт во мне – конфликт сексуальный, конфликт отчуждения от людей и т. д. Это один из факторов износа мозга. Я пользуюсь только одной его частью. Самый фактор отделения части моей жизни от остальной ее части является фактором износа.

Таким образом, выбор и воля – факторы износа.

П. И все же они – два имеющихся у нас орудия, вызывающие движение действия.

К. Это верно. Давайте взглянем в это. Вся наша жизнь основана на этих двух факторах: распознавание или выбор или действие воли в стремлении обрести удовлетворение.

С. Почему распознавание?

К. Распознавание является выбором. Распознавание между тем и этим. Мы пытаемся выяснить, какие факторы ведут к деградации, мы хотим добраться до корня, до коренного фактора износа. Но выяснили также нечто другое. Я вижу, что действия выбора и воли являются факторами износа, и если вы видите это, тогда возникает вопрос: существует ли действие, не включающее в себя эти два элемента, эти два принципа?

П. Возьмем другой фактор, их очень много, есть, например, нечто унаследованное, есть также шок.

К. Если я унаследовал тупой, глупый ум, я являюсь конечным человеком. Я могу ходить в

разные храмы и церкви, но мои клетки мозга сами по себе уже подверглись воздействию.

П. Имеется еще шок.

К. Что это такое?

П. Воздействие самой жизни.

К. Почему сама жизнь должна вызвать шок?

П. Это случается.

К. Почему? Мой сын умирает, мой брат умирает.

Это создает шок; он мертв – это шок неврологический; я никогда не думал, что мой сын умрет, внезапно я осознаю, что он умер, это шок. Применяется ли слово «шок» в психологическом или физическом смысле?

П. Это шок физический, шок неврологический. Это внезапный контакт с концом чего-то, что существовало.

К. Хорошо. Давайте, рассмотрим шок – физический, психологический, эмоциональный шок от утраты чего-то или кого-то, шок от одиночества, шок от того, что что-то внезапно пришло к концу. Клетки мозга испытывают эти шоки. Так вот, что вы предпримете по отношению к этому? Является ли такой шок фактором износа?

С. Нет, фактором будет то, как мы реагируем на шок.

П. Может ли человек реагировать с полным спокойствием? Ум зарегистрировал нечто, чего он не в состоянии понять. Мы говорим о шоке, а не о реакциях. Есть глубина за пределами, на которые ум не в состоянии реагировать. До какой глубины человеку удалось проникнуть?

К. Подождите, П., давайте продвигаться медленно.

Мой сын умер, мой брат умер; это для меня потрясающий шок, ибо мы жили вместе, играли вместе. Этот шок парализовал ум и такое состояние, вызванное шоком, продлится некоторое время. Важным фактором является то, как ум выйдет из этого. Выйдет ли он со шрамом, со всем, что включено в причиненную боль, или он выйдет без малейшей царапины?

С. Я могу не знать этого. Сознательно я могу сказать, что справился с этим. Как я могу знать, что боль не оставила следа?

Д. Сэр, не может ли случиться что от шока произойдет смерть, прекращение деятельности ума по некоему образцу, ибо видение приводит все это к концу?

К. Все это включается. Когда умирает мой брат или мой сын, вся моя жизнь изменяется. Это изменение является шоком. Я должен уйти из этого дома. Я должен найти другой вид заработка средств на жизнь.

Мне приходится заниматься десятком разных дел. Все это включено в слово «шок». Так вот, я спрашиваю, оставил ли этот шок след боли? Если он не оставил ни малейшего следа, ни малейшей царапины или тени скорби – тогда ум выходит из этого полностью освеженным, совершенно новым. Но если от удара остался след, то он станет фактором износа. А как может ум узнать, что он не получил новой глубокой раны?

П. Если рана очень глубока, значит ли это, что нет надежды на полное исцеление? Или имеется способ полностью это стереть?

К. Мы приступаем к выяснению этого, П. Шок происходит естественно так как меня внезапно вы бросили на улицу, выражаясь образно. Неврологически, психологически, внутренне и внешне произошла полная перемена всего. Как ум выходит из этого? Вот в чем вопрос. Выходит ли он с раной, или он выходит, полностью очищенный от всего этого? Являются ли раны поверхностными, или такими глубокими, что сознательный ум не в состоянии знать о них в какой-то данный момент, и они будут продолжаться, возникать снова и снова? Все это является растратой энергии. Как может ум выяснить, насколько глубоко он ранен?

П. Поверхностные раны можно оставить без внимания, с ними можно справиться, но что

касается глубоких...

К. Что вы предпримете по отношению к ним?

*** П. Существует жестокость, смерть, насилие...

К. Не вводите насилие. Как ум обнаруживает глубокие раны? Что такое рана, причиненная боль?

П. Глубокое страдание.

К. Существует ли глубокое страдание?

П. Да.

К. Что вы имеете в виду под глубокой раной?

П. Подлинная глубокая рана происходит как результат кризиса; вся природа вашего существа на пороге скорби.

К. Мой брат умирает, мой сын умирает, мой муж умирает. Это шок. Шок в какой-то степени является раной. Я спрашиваю – очень ли глубока рана, и что я имею в виду под глубокой раной?

П. Потрясены глубины подсознания.

К. Что потрясено и что такое потрясение?

П. Боль.

К. Боль, которая не была вами осознана, и которую вы обнаруживаете благодаря шоку? Так вот: имелась ли при этом боль или причина боли?

П. Имелась причина боли, не осознанная мной.

Происходит шок и это заставляет меня осознать боль.

М. Что вы имеет в виду, говоря, что шок создает боль?

К. Боль уже имелась. Это один из факторов. Мой брат умер, и это является бесповоротным концом. Я не могу его вернуть. Эта проблема стоит не только передо мной и вами; она стоит перед каждым. Происходит шок. Этот шок является глубокой раной.

Существовала ли причина боли до шока, и шок только заставил меня осознать ее? Имелась ли рана ранее, но я просто не осознавал ее? Я никогда не встречался лицом к лицу с одиночеством, не ощущал одиночества, являющегося одним из факторов боли.

А могу ли я до возникновения шока взглянуть в одиночество? Могу ли я почувствовать до шока, что означает быть одиноким? Могу ли я до шока вникнуть в вопрос зависимости, являющейся одним из факторов боли, причиной боли и раны? Так, чтобы при возникновении шока все это сразу выявилось? А что происходит, когда возникает шок? Раны и боли нет.

Это верно.

М. Что делает вас подготовленным?

К. Я не веду никакой подготовки. Я бдительно наблюдаю жизнь. Я наблюдаю все, что включено в привязанность, в равнодушие, в культивирование зависимости, ибо я не должен быть в зависимости, так как она вызывает боль; но культивирование независимости тоже создает боль. Так я наблюдаю за собой и вижу, что любая форма зависимости неизбежно причиняет глубокие раны. Поэтому, когда возникает шок, причин для ран уже нет. Происходит нечто совершенно иное.

С. Может случиться, что для предотвращения страданий мы проделываем все то, что вы описали.

П. Человек наблюдал, вникал в проблемы привязанности.

К. Сказали бы вы, что шок является страданием?

П. Шок как будто бы затрагивает те глубокие слои существа, которые прежде мне не удавалось затрагивать, к которым у меня не было доступа.

К. Что вы имеет при этом в виду? Если бы вы прошли через переживание одиночества, привязанности, страха, если вы не стремились к независимости, освободиться от привязанности

– что тогда происходит? Что происходит при возникновении шока, шока смерти? Наносит это вам рану?

П. Мне хотелось бы придать этому слову более широкий смысл. Оно как будто бы является причиной всех испытанных мной страданий.

К. Что это означает? Вы разрешили вопрос боли, боли одиночества – я беру это как пример.

П. Вот вопрос, который мне хочется задать: происходит ли разрешение боли привязанности, или это полное понимание всего, пробуждение понимания всего процесса боли в целом?

К. Нет. Вглядитесь: страдание это боль. Оно применяется нами как охватывающее и вмещающее одиночество, привязанность, зависимость и конфликт. Быть может, вы предпочли бы применить для этого выражение «боль в ее целостности»? Боль скрытую и осознаваемую, всю полноту страдания. Или, чтобы охватить все это и все виды бегства человека от страдания и причины страдания, вы предпочли бы применить слова «тотальность боли»? – боль крестьянина, страдания и скорбь женщины, потерявшей мужа, скорбь человека невежественного, живущего в нищете; и боль, страдания человека честолюбивого, когда он терпит неудачу – все это является страданием. И шок выносит на поверхность не только вашу, но всю эту боль. Согласны? Что же происходит? Я не знаю, как справиться с этим. Я плачу, я молюсь и иду в храм. Вот что происходит. Я надеюсь найти выход из этой мучительной боли. Почему шок вскрывает все это?

П. Корни боли никогда не были выявлены.

К. Почему вид нищего на улице, прокаженного, изнемогающего от непосильного труда крестьянина никогда не мучил ум человека? Почему шок должен его затронуть?

П. Разве существует какое-то «почему»?

К. Почему вид этого нищего не является шоком для меня лично и для общества? Почему это меня не трогает?

П. Шок затрагивает всю структуру боли в целом и приводит ее в действие.

К. Я задаю вам простой вопрос. Вы видите на дороге нищего. Почему это не является для вас шоком?

Почему вы не плачете? Почему я плачу, только когда умирает мой сын? Я видел монаха в Риме. Я плакал, видя страдания человека, привязанного к столбу, именуемому религией. Мы не плачем здесь, но плачем там. Почему? Вполне очевидно, что существует это «почему». Оно существует потому, что мы несены ситивны.

Б. Ум находится в состоянии спячки. Шок пробуждает его.

К. Это именно так. Шок пробуждает его и мы пробудились по отношению к нашей боли. Это не теория.

П. Нет, сэр, когда вы высказываете такое утверждение, я пробуждаюсь по отношению к боли, и это не вопрос моей боли...

К. Это есть боль. Так вот, что вы предпринимаете по поводу боли? Боль – это страдание. Что происходит?

П. Это нечто вроде бури. Когда вас настигает буря, вы не спрашиваете «почему». Вся боль такова.

К. Я сказал, что это не ваша боль. Это просто боль.

Я ощутил боль, когда увидел этого нищего. Когда я видел монаха, я плакал. Я испытывал муки, когда смотрел на этого крестьянина. Когда я видел богача, я сказал: «Боже мой, взгляните в него». Общество, культура, религия, вся жизнь человека – это тоже боль из-за того, что я потерял брата. Итак, боль существует. Что мне предпринять в отношении боли?

Является ли она глубокой или поверхностной? Вы говорите, что она глубока.

А. Она очень глубока.

К. Что вы имеет в виду, говоря, что она глубока?

П. Говоря, что она глубока, я имею в виду, что она пронизывает все мое существо. Это не есть нечто частичное, действующее только в какой-то части моей жизни.

К. Вы говорите, что она очень глубока. Не называй те ее глубокой. Она неизмерима. Она не может быть ни глубокой, ни мелкой. Боль – это боль. И что тогда?

Вы остаетесь в ней, терпите рану?

Б. Мы не можем ни убежать от нее, ни заменить ее чем-то другим.

К. Что же мне предпринять в отношении боли?

Игнорировать ее? Мы попытаемся выяснить это.

Пойду ли я к аналитику, чтобы избавиться от нее? Как я могу от нее избавиться? Что мне делать?

П. Я стою на месте, не двигаясь.

К. Вы испытываете боль. Вы являетесь этой болью.

Удержите ее, вы здесь, вы ее удерживаете. Это ваше дитя, и что дальше? Давайте выясним. Я являюсь этой болью – болью крестьянина, болью нищего, болью богача, переживающего муки, монаха и всех прочих.

Я являюсь этой болью. Что мне делать?

Б. Не превращается ли эта боль в бдительность?

К. Мне нужно это выяснить.

С. В момент смерти все смешивается.

К. В момент смерти, через сколько дней после ее наступления все мои системы, нервная, биологическая, психологическая оказываются парализованными. Я говорю не об этом моменте. Не возвращайтесь снова к этому. Это все уже прошло. Прошел уже год.

Боль по-прежнему со мной. Что мне делать?

Б. Когда мозг совершает неразумное действие, страдание будит его. Видимо, действие было весьма неразумно.

К. Сын матери погибает во Вьетнаме, и все же матери, видимо, не понимают, что их сыновья могут быть убиты во Вьетнаме. В результате национализма, из-за концепций и формулировок. Они этого не осознают. Они испытывают боль, я понимаю за них то, что происходит, я страдаю. Мы страдаем. Страдания не прекращаются. Что я предприму?

Рад. Я рассмотрю, что оно собой представляет.

К. Я вижу, каково оно. Это нищий никогда не станет министром и монах будет испытывать муки из-за своих обетов, из-за своих личных идей о Боге. Я вижу все это. Я вижу это очень ясно. Мне не нужно продолжать исследование. Что мне предпринять в отношении этого?

М. Понимание, благодаря которому путь нищего и путь всякого другого человека становится вашим путем – нам недоступно.

К. Я владею этим путем, но что мне делать? Меня не интересует, видит ли это каждый или не видит.

Большинство людей многое не видят. Что мне делать? Мой сын умер.

П. Вы находитесь в центре всего этого. Я говорю, что это меня держит, я в нем.

К. Вы слышали, как этот нищий пел ночью. Это было ужасно. Налицо факт – боль, страдание. Что вы будете делать?

М. Вы действуете, пытаетесь изменить условия жизни нищего.

К. Это ваша зафиксированная идея. Вы хотите делать это по своему, а кто-то другой хочет делать иначе. Но я говорю о боли. Мы спрашивали, каковы факторы износа клеток мозга и ума. Мы установили, что одним из главных факторов является конфликт.

Рана, боль представляют собой другой фактор. Какие еще имеются факторы – страх, конфликт, страдание, стремление испытать наслаждение – будь то Бог, общественный труд, работа для страны. Вот факторы износа. Кто должен действовать? Что я должен делать? Если ум не найдет решения, его действия лишь приведут к усилению боли и страданий.

П. Износ ускорится.

К. Это вполне очевидный факт. Мы дошли до боли, страдания, выяснили, что факторами являются страх, стремление получить наслаждение – вот некоторые факторы, вызывающие износ. Как мне поступить?

Что должен предпринять ум?

СБС. Задавая этот вопрос, ум пытается сделаться чем-то иным, чем он есть.

К. Он испытывает боль, как он может действовать?

С. Как он может стать иным? Стать еще одним фактором износа? «Становиться» является фактором, ибо в этот процесс включен конфликт. Я хочу стать кем-то; в данном случае «становиться» означает желание избежать боли, поэтому возникает конфликт. Итак, что мне делать? Я пробовал заниматься жизнью села, общественной работой, я прибегал к церкви, к сексу, и все же боль оставалась. Что мне предпринять?

КБ. Должен иметься какой-то путь, чтобы боль отошла.

К. Почему она должна отойти? Вас интересует только одно – заставить боль отойти. Но выхода нет, не так ли?

СБС. Придется жить с ней.

К. Как вы будете жить с чем-то, с болью, со скорбью? Как вы можете это сделать?

Рад. Ничего не предпринимая по отношению к ним.

К. Поступаете ли вы так, или просто лишь говорите это? Что должен предпринять ум в отношении этой ужасной раны, причиняющей износ клеток мозга?

Р. Человек должен попытаться бдительно наблюдать за всем этим.

К. Наблюдать за чем, сэр? Являются ли мои страдания, моя боль чем-то отдаленным от наблюдателя?

Что же происходит? Наблюдатель говорит: «Я должен избавиться от боли». Но она продолжает пребывать.

А что происходит, когда наблюдатель есть наблюдаемое?

М. Мы начали с фактора износа. Мы пришли к выводу, что таким фактором является боль. Если мы не хотим допустить износа, мы не должны испытывать боль и страдание. Поэтому очень важно устранить боль и мы не можем говорить: «Я являюсь болью, я должен жить с болью». Так конца этому не будет. Мы должны перестать страдать. Так вот в чем секрет этого? Скажите нам.

К. Секрет чего? Вы вводите слова, которых я никогда не применял. Я пользуюсь словами в соответствии со словарем. Я не хочу быть глухой стеной, которая ничего не чувствует.

М. Невосприимчивость не означает бесчувственность.

К. Все мы хотим избавиться от боли. Было бы idiotизмом говорить: «Я должен терпеть боль», а именно это делает большинство людей, и поскольку они терпят боль, они совершают невротические действия – посещают храмы и т. п. Итак, абсурдно говорить, что мы должны терпеть боль. Наоборот, поскольку мы знаем, что боль – один из главных факторов искажения, нужно выяснить, на чем она кончается. Сэр, в конце боли ум становится чрезвычайно страстным; это не просто тупой ум, не ощущающий боли. Вы хотите узнать тайну этого?

М. А вы знаете эту тайну?

К. Я хочу сказать вам. Хотите ли вы этого? Давайте подойдем к этому с другой стороны. Возможно ли, чтобы ум никогда не получал ударов? Воспитание и обучение причиняют нам

ущерб, который исходит от семьи, от общества. Я спрашиваю: «Может ли ум, живущий в мире, непрерывно наносящем раны, нико гда не испытывать боли? «Назовите меня глупцом, назовите меня великим человеком, человеком, кото рый обрел озарение и мудрость, или назовите глупым стариком. Называйте меня как хотите, – разве это может нанести мне боль? Это та же проблема, выраженная по-другому.

С. Есть небольшая разница. Первоначальная проб лема состояла в боли, а теперь речь идет о разреше нии этой проблемы. Вопрос заключается в следую щем: возможно ли состояние, полностью исключаю щее боль?

К. Я вам это показываю. Это и есть тайна, секрет.

Как вы поступите со всей скорбью, накопленной людьми? Если вы не разрешите эту проблему, тогда, что бы вы не предприняли, в результате произойдет только усиление скорби. Давайте двинемся дальше.

Мы только что спросили, что произойдет, если на блюдатель есть наблюдаемое.

СБС. Должно было бы произойти наблюдение без центра.

К. Наблюдение без центра означает, что имеется только то, что вы называете болью. Нет центра, говорящего: «Я должен уйти за пределы боли». Суще ствует ли боль, когда нет наблюдателя? Боль причи няется наблюдателю. Центр говорит: «Я испытываю боль». Центр ощущает лезть. Центр говорит, что ему причинили шок. Так вот, можете ли вы наблюдать это нечто, называемое болью, без центра, без наблюда теля? Это не вакуум. Что произошло?

М. Боль изменяет ощущение.

К. Что вы имеете в виду, говоря, что боль изменяет ощущение, сэр? Это нечто весьма трудное, так как мы всегда смотрим на боль из центра как наблюда тель, говорящий: «Я должен предпринять что-то».

Поэтому действие исходит из того, что предпримет центр в отношении боли, но когда центр является болью, как вы поступите? Что можно сделать?

Что такое сострадание? Слово «сострадание» означает «страсть» (по-английски). Как она возникает?

Как результат погони за деятельностью? Как она приходит? Когда нет страдания, «другое» обретает бытие. Воспринимаете ли вы значение этого? Как может страдающий ум постичь сострадание?

М. Знание, что существует боль, является состра данием.

К. Простите меня – я никогда не говорил, станьте сострадательными. Мы видим факт, то, что есть, и это есть страдание. Это неоспоримый факт. Я стра даю, и ум предпринимает все возможное для бегства от страдания. Если он не убегает, то наблюдает. И тогда наблюдатель, если он наблюдает очень тща тельно, становится наблюдаемым и боль преобража ется в страсть, преисполненную сострадания. Слова не являются реальностью. Так вот, не убегайте от страдания, это не означает впасть в патологическое состояние. Живите с ним. Вы живете с наслаждени ем, не так ли? Почему вы не можете жить с болью, со страданием? Можете ли вы жить с ним, не убегая от него? Что тогда происходит? Наблюдайте. Ум стал очень ясным и острым. Он стоит лицом к лицу с фактом. Страдание преображается в страсть, в не что огромное. Из этого возникает ум, который ничто не может ранить. Полное выключение. Вот и весь секрет.

Энергия и культивирование поля

П. Могли бы мы обсудить главное препятствие для понимания, то есть фактор эгоцентрической деятельности?

К. Когда вы говорите об эгоцентризме, нужно учитывать, что наличие центра означает наличие периферии. Можем ли мы сказать, что когда есть центр, то имеется граница, ограничение и все действия происходят в пределах центра и периферии? Эти действия и являются эгоцентрическими.

П. Каковы границы нашего «Я»?

К. Оно может не иметь предела или быть ограниченным, но границы всегда существуют.

Д. Беспредельным?

К. Вы можете продвинуть его так далеко, как вам захочется, но пока существуют центр и периферия, будет существовать и граница, хотя вы можете отодвинуть эту границу очень далеко.

П. Означает ли это, сэр, что отодвигание не имеет границ?

К. Давайте продвигаться медленно. Когда мы говорим об эгоцентрической деятельности, это означает наличие центра и периферии, нечто ограниченное, и все действия происходят внутри этого круга. Думать о себе, продвигаться к чему-то – все это остается движением от центра к периферии. Если есть центр, есть и границы; центр может расширяться, но все же остается в пределах границ, и поэтому все действия будут происходить в пределах этого круга. Вы можете продвинуться так далеко от центра, как захотите посредством социальной работы, диктаторства или тирании – все остается в пределах этого пространства.

А. Вопрос в следующем, сэр, существует ли действие, не питающее центр.

К. Или может ли не иметься центра?

А. Сэр, в нашем положении об этом не может быть речи, так как мы исходим от центра. Мы можем честно и конкретно сказать лишь, что мы знаем о существовании центра, и знаем, что все действия, включая дыхание, питают центр.

К. Суть в том, что энергия, действующая внутри окружности и центра, является энергией ограниченной, механистической. Знаете ли вы, не на словесном уровне, но фактически, внутренне, что там, где существует центр, должна быть и окружность и что всякое действие, происходящее в пределах этого пространства, является ограниченным, фрагментарным и поэтому растрачивающим энергию?

ВА. Вы уже обсуждали окружность и центр. Первейшая проблема – это осознание в себе нашего «Я».

К. Да, и это является проблемой. Мы – эгоистические существа. Мы – эгоцентрические люди, мы думаем о себе, о наших огорчениях, о нашей семье – мы являемся центром. Мы можем заставить центр вести социальную или политическую работу, но это по-прежнему будет деятельность центра.

П. Чтобы увидеть это, нужна большая проницательность, ибо у вас может возникнуть интерес к чему-то, в чем, как вы чувствуете, центр не принимает участия.

К. Вы можете так думать. Это – мое «Я», которое заботится о бедняках, но я продолжаю действовать в пределах этого ограничения.

П. Сэр, мне хочется достичь большей ясности. Вы ставите под вопрос не работу для бедняков?

К. Нет. Я говорю об отождествлении себя с бедняками, о моем отождествлении себя с нацией, с Богом, с каким-то идеалом и т. д. Вот в чем проблема.

АПА. Мне кажется, что П. спрашивал, может ли быть остановлено движение ума,

истощенного отождествлениями, непрерывным движением от центра к периферии и от периферии к центру, – может это движение быть прекращено? Существует ли энергия, которая могла бы заставить его затихнуть, превратить в тень?

К. Я не совсем понимаю.

П. Дело в следующем: мы сделали все для нас возможное, чтобы понять природу эгоцентрической деятельности. Мы наблюдали, медитировали, но центр не перестает существовать, сэр.

К. Мне кажется, это происходит потому, что мы делаем ошибку. Мы фактически не видим, не воспринимаем наше сердце нашим умом, не видим, что каждое наше действие от центра к периферии и окружности и от окружности к центру, что это движение взад и вперед является растрачиванием энергии – оно должно быть ограниченным и вызывать скорбь.

Все происходящее в этом пространстве, является скорбью. Мы видим это.

П. Сэр, это является частью деятельности клеток нашего мозга, и если непрерывная деятельность клеток мозга является деятельностью эгоцентрической, то...

К. Нет, П. Наш мозг нуждается в двух вещах: в безопасности и ощущении перманентности.

П. И то, и другое предоставляется нашим «Я».

К. Вот почему оно приобрело такое большое значение.

АПА. Сэр, мозг – это нечто механическое, физическое в своем привычном стремлении обрести безопасность и продлеваемость. Так вот, как вы можете вырваться из этих привычек, из этого механистического вида деятельности? Вот что имеет в виду П.

К. Я не хочу вникать в это, сэр. Любое движение, совершаемое, чтобы вырваться, прорваться, остается в пределах периферии. Существует ли действие, движение, не являющееся эгоцентричным?

П. Мы знаем состояния, в которых кажется, будто «Я» отсутствует, но если семя эгоцентрической деятельности удерживается в клетках мозга, то эти действия снова повторяются. Тогда я говорю себе, что должна существовать какая-то другая энергия, другое качество, которое сотрет это.

АПА. Наш мозг – вычислительная машина, и образцы нашего поведения и наших действий обусловлены и запрограммированы в нем. Обратная связь становится все более сложной. Что представляет собой энергия, сэр, не является ли она вниманием? Или безмолвием? Есть ли она нечто внешнее или внутреннее?

К. Наш мозг запрограммирован, чтобы действовать от центра к периферии, от окружности к центру; это движение взад и вперед. Он для этого запрограммирован, для этого он тренирован и обусловлен. Возможно ли пробиться через эту инерцию клеток мозга?

П. Существует ли энергия, которая, независимо от моей воли сметет эту инерцию?

К. Может ли эта инерция, может ли эта запрограммированность мозга, который был обусловлен на протяжении тысячелетий, – может ли все это прекратиться?

АПА. И уничтожить обусловленность.

К. Как только произошла остановка, вы уже раздробили это. Так вот, существует ли некая энергия, не являющаяся эгоцентричной, энергия без мотива, без причины, энергия, которая при отсутствии всего этого была бы нескончаемой?

П. Да. Я высказываю это только как предположение, не могли бы мы исследовать эту энергию?

К. Мы приступим к этому.

А. Единственное имеющееся у нас орудие – это внимание. Так вот, любая имеющаяся в вас энергия должна проявляться как внимание. Я говорю: единственное орудие, которое мы имеем – это внимание.

П. Разрешите сказать. Я хочу задать вопрос, который мы еще не задавали. Как его выразить словами?

К. Вы спрашиваете, существует ли энергия, не исходящая из центра. Энергия, не имеющая причины, неисчерпаемая, и поэтому не механическая. Мы раскрыли нечто. То, что ум на протяжении тысячелетий был обусловлен для того, чтобы двигаться от центра к окружности и от окружности к центру, взад и вперед, расширяя движение и ограничивая его.

Существует ли путь для прекращения этого движения? Мы только что сказали, что оно приходит к концу, когда происходит остановка, отключение. То есть, мозг перестает двигаться в этом направлении, но если вы находите оправдание для остановки, вы снова оказываетесь внутри круга. Отвечает ли это на ваш вопрос? То есть, может ли мозг, на протяжении тысячелетий обусловленный для движения от центра к периферии и от периферии к центру, может ли мозг прекратить это движение? Так вот, следующий вопрос будет – возможно ли это? Вы следите? Я думаю, что это неправильный вопрос. Если вы видите необходимость остановки, если сам мозг видит, что движение должно прекратиться, он останавливается. Я не знаю, достаточно ли ясно я говорю.

КБ. Да. Но он снова придет в движение. Он его прекращает. Он останавливается на некоторое время и снова приходит в движение.

К. Нет, сэр. Как только вы говорите, что хотите возобновить движение, оно возобновляется.

КБ. Вероятно, я не могу добиться окончательной остановки.

К. Это жадность. Если я вижу факт истины, в тот же момент осознанное мной движение приходит к концу. Но остановка не является окончательной. Если вы захотите, оно возобновится, ибо это движение во времени.

АПА. Но это видение происходит без центра.

К. Конечно.

КБ. Следовательно, видение происходит на другом плане, в другом измерении.

К. Я «вижу». Это происходит, когда вы осознаете без всякого выбора. Просто осознаете движение. Запрограммированное движение останавливается. Давайте оставим этот вопрос. Мы еще вернемся к нему. П.

задает вопрос: существует ли не механическая энергия, не имеющая причины и поэтому непрерывно самовозобновляющаяся?

ВА. Это энергия смерти.

К. Что это значит? Вы имеете в виду смерть, как конец?

ВА. Полный конец всего.

К. Вы имеете в виду полное прекращение периферии?

ВА. Конец того, что я ощущаю, как мое «Я».

К. Послушайте, вы сказали что-то. Полное прекращение движения от центра к окружности, это в известном смысле является смертью. Но есть ли это та энергия, которая не имеет причины?

ВА. Они не имеют причины, сэр. Она входит в тело, как кровь?

К. Я понимаю. Но что это – предположение, теория или реальность?

ВА. Это реальность.

К. Что это означает? Что нет центра, из которого вы действуете?

ВА. На протяжении того времени, когда эта энергия имеется. Да, сэр. И что же происходит потом?

ВА. Затем снова возвращается мысль.

К. Нет, нет. Периодичности не существует.

ВА. Пока есть эта энергия, время перестает существовать.

К. Да, сэр. Но когда снова возникла мысль, движение от центра к периферии возобновляется.

ВА. Человек испытывает страх перед этим состоянием, дело не только в желании вернуться к старому.

То особое состояние вызывает страх, ибо оно подобно тотальной смерти.

К. Оно приходит само, а не вызывается вами.

ВА. Да.

К. Теперь вы призываете это состояние.

ВА. Я не знаю, призываю ли я его, или боюсь его.

К. Боитесь ли вы его или призываете – вы остаетесь в его сфере. Вот и все.

Имеется еще один вопрос П. – о нескончаемом пути. Хотите вы обсудить это.

П. Да, сэр.

К. Прежде всего, если вы хотите обсудить дискуссию, диалог о кундалини, вам придется забыть все, что вы когда-либо об этом слышали. Сделаете ли вы это? Мы приступаем к очень серьезной теме. Согласны ли вы забыть все, что слышали об этом, что говорили ваши гуру, все ваши собственные попытки пробудить это? Можете ли вы начать в состоянии абсолютной пустоты?

Затем вы должны приступить к исследованию, ничего не зная о кундалини. Вы знаете, что происходит сейчас в Америке, в Европе. Центры Кундалини были раскрыты людьми, говорящими, что они пережили пробуждение кундалини. Сейчас ученые проявляют к этому интерес. Они чувствуют, что при помощи определенных упражнений, дыхания, они пробудят кундалини. Все это превратилось в источник наживы, и этим занимаются люди, которые являются чрезвычайно злыми и вредными.

КБ. Мы просто хотим знать, существует ли энергия, способная уничтожить обусловленность.

К. Пока существует эгоцентрическая деятельность, соприкоснуться с этой энергией невозможно. Вот почему я возражаю против дискуссии о кундалини или об этой энергии, чем бы она ни была, ибо нами не проделана самая начальная работа. Мы ведем неправильный образ жизни и хотим внести в него что-то новое, а это может лишь создать новые беды.

ВА. Эгоцентрическая жизнь продолжается даже после пробуждения кундалини.

К. Я не знаю, произошло ли пробуждение кундалини. Я не знаю, что вы имеет под этим в виду.

ВА. Сэр, мы действительно хотим понять это, так как иногда оно вполне актуально.

П. Что вы можете знать об энергии, возникающей, когда эгоцентрическая деятельность прекратилась?

Мы предполагаем, что это источник неиссякаемой энергии. Быть может, это не так.

Р. Хотите ли вы сказать, что прекращение движения от центра к периферии и от периферии к центру, что конец этого...

П. Временное прекращение этого...

К. Нет, конец этого, полное прекращение этого является высвобождением энергии, не имеющей границ?

П. Я этого не говорю.

К. Я говорю это.

П. Это совсем другое, чем если бы это было сказано мной.

К. Можем ли мы поместить энергию кундалини на принадлежащее ей место? Многие люди пережили на опыте то, что они называют кундалини, но что я ставлю под вопрос. Я спрашиваю, было ли это действительно каким-то видом физиологической деятельности, которая была затем

приписана кундалини. Вы ведете аморальный образ жизни в том смысле, что это жизнь тщеславия, секса и т. д., и затем вы говорите, что кундалини в вас пробудилась. Но ваша повседневная, эгоцентрическая жизнь продолжается.

П. Сэр, если мы продолжим исследование, давайте рассмотрим, как она действует в человеке. Пробуждение кундалини связано с известными психическими центрами, находящимися в определенных физических точках человеческого тела. Так говорят. Прежде всего мне хочется спросить, так ли это? Связано ли высвобождение не имеющей конца энергии с психическими центрами в физических частях тела?

А. Прежде, чем мы начнем разбираться в этом, не является ли самым важным выяснение, отсутствует ли в человеке, обретающим эту энергию, способность причинять вред?

К. Нет, сэр. Будьте осторожны. Как мы можем сказать, что кто-то неспособен причинить вред? Говорят, что многие индийские гуру причинили потрясающий вред, вводя людей в заблуждение.

А. Я об этом и говорю, сэр. Я чувствую, что если сердце человека не очищено от ненависти и если его жажда причинить зло не преобразена – если это не произошло, то такая энергия сможет только создавать все больше бедствия.

К. Послушайте, А., вопрос П. относится к стандартному пониманию мощности энергии, проходящей через различные центры, к высвобождению этой энергии и т. д.

А. Я говорю, сэр, что прежде, чем задать этот вопрос, в традициях Индии существует слово, имеющее, как мне кажется, большую ценность. Это слово «адхикар». Это слово означает, что прежде, чем задать себе этот вопрос, человек должен пройти через процесс очищения. Дело в достижении определенной чистоты.

К. Говорите ли вы, что если не прекратилось движение от центра к периферии и обратно, то вопрос П.

лишен действительности?

А. Я так думаю. Я хочу привести еще одно слово, слово буддизма «шела». Оно имеет то же самое значение. Слова индуизма и буддизма имеют одинаковое значение.

П. Я полагаю, что когда человек задает этот вопрос, имеется та глубина самопознания, которая дает возможность спрашивать. Нельзя исследовать свое «Я», которое тоже высвобождает энергию, если жизнь человека не достигла определенной степени внутреннего равновесия. Если это не произошло, тогда то, что говорит А., не имеет значения. Когда человек слушает К., это проникает в ту глубину, которую человеку удалось раскрыть, и поэтому я считаю, что правильно было задать этот вопрос. Почему этот вопрос более опасен, чем любой другой? Почему он более опасен, чем исследование мысли? Чем исследование медитации того или другого? Ум, способный понять, поймет одно и другое. Ум, не способный понять, ничего не поймет. Ум, желающий употребить знание во зло – найдет способ это сделать.

К. Пока ваша жизнь, ваша повседневная жизнь не освободилась полностью от эгоцентрического образа действия, то другое не может обрести бытие.

ВА. Ощущается возрастание энергии, сначала это вызывает восторг, потом появляется страх.

С. Мы бы хотели знать, почему эта энергия вызывает страх.

ВА. Страх возникает позднее. Человек переживает смерть и все исчезает. Потом вы опять живете и удивляетесь, что снова ожили. Вы снова обрываете слова и мысли, свое имущество и желания, и весь мир медленно возвращается.

К. Назвали бы вы это, сэр, пробуждением кундалини?

ВА. Я не знаю, сэр.

К. Но почему вы вешаете на это ярлык «пробуждение кундалини»?

ВА. На протяжении нескольких дней, примерно на месяц, вся жизнь меняется, исчезает секс, исчезают желания.

К. Да, сэр, я понимаю. Но вы опять возвращаетесь ко всему этому.

ВА. Человек возвращается к этому, потому что не понимает.

К. Я об этом и говорю. Когда происходит возвращение к чему-то, я начинаю сомневаться, была ли у вас эта энергия.

П. Почему этот вопрос вызвал столько ряби? Большинство людей проходит через большое количество психических экспериментов в процессе самопознания. Человек также понимает – по крайней мере один понял – почему они возникают, ибо этот человек слушал К., сказавшего, что все психические переживания должны быть отведены в сторону, как только они возникли.

А. Мы не только не обращаем на них внимание, мы их просто отбрасываем.

ВА. В теле открываются какие-то новые каналы, и возрастает энергия, когда в этом появляется необходимость.

К. Сэр, почему вы считаете это чем-то необычным? Почему мы приписываем этому нечто необычное? Я просто высказываю предположение, что вы, быть может, стали очень чувствительными. Вот и все. Очень чувствительными.

ВА. У меня стало больше энергии.

К. Чувствительность обладает большой энергией. Но почему вы называете ее необычной, кундалини, применяете разные наименования?

П. Подлинная проблема заключается в том, до каких пределов ваша жизнь полностью изменилась. Я имею в виду истинное значение кундалини обретает, если появляется совершенно новый образ жизни, новая форма взаимоотношений, новое умение видеть.

КБ. Сэр, я хочу задать вопрос. Если допустить, что человек живет целостной жизнью, является ли это чем-то сходным с кундалини?

К. Сэр, живете ли вы целостной жизнью?

КБ. Нет.

К. Поэтому не задавайте этого вопроса.

П. Я задаю вопрос, исходя от совершенной иной точки зрения. Считается, что кундалини – это пробуждение известных психических энергий, существующих в определенных физических точках человеческого тела, и что можно пробудить эти психические энергии с помощью различных приемов и затем, когда они пройдут через эти разные психо-физические состояния и центры, ведут к преобразению сознания. Когда они окончательно пробьются через все это, они пронзят эгоцентрическую деятельность. Это, видимо, представляет собой основное значение всего процесса.

АПА. Мескалин может сделать это, вы можете это сделать.

П. Я просто спрашиваю К., существует ли некая энергия, которую не пробуждают, но которая сама пробуждается и, пробудившись, стирает центр.

К. Я бы сказал по-другому: пока не прекратилось эгоцентрическое движение, то другое не может возникнуть.

А. Я считаю, что вся традиция хатха-йоги породила представление, что пытаюсь манипулировать этими центрами, человек может чего-то добиться. Все это основано на ложном представлении.

П. Отбросьте все в сторону.

А. Мы должны были бы отбросить все это.

П. Так как, по-видимому, продолжать дискуссию невозможно, разрешите мне задать другой вопрос.

Какова природа поля, которое нужно подготовить, чтобы быть способным воспринять то,

что является беспредельным.

К. Подготавливаете ли вы почву, чтобы ваш мозг, ум могли воспринять это?

П. Я понимаю ваш вопрос. Но я не могу сказать ни да, ни нет.

К. Тогда зачем называть это энергией и вводить слова «почва»? Ведите подготовку, работайте над этим. Мы живем жизнью противоречий, конфликтов, страданий, живем в полноте человеческой скорби, и хотим разобраться в природе сострадания.

С. А существует ли какой-то иной образ жизни, в который сострадание входило бы как часть для развития нашего «Я»? Почему вы задаете этот вопрос, почему вы хотите обрабатывать почву?

К. Я говорю, что пока у вас имеется мотив для обработки этой почвы с целью обрести эту энергию, вы ее не сможете обрести.

С. Что является мотивом, сэръ? Мы в тюрьме. Полностью осознавать тюрьму и спрашивать, есть ли какой-либо выход из нее, является ли это мотивом?

В этом случае человек попадает в порочный круг, в западню.

К. Нет, вы не вслушались. Моя жизнь полна мучений, бедствий, смятения. Таково мое основное ощущение, может ли это прекратиться? В этом мотива нет.

С. В этом нет мотива. Но вы задаете дальнейшие вопросы.

К. Нет, я этого не делаю. Имеется лишь первый вопрос. Может ли весь этот процесс закончиться?

Только после этого я могу ответить на остальные вопросы, имеющие потрясающее значение.

П. Какова природа почвы человеческого ума, которая должна быть обработана для того другого? Вы говорите мне, что это тоже неправильный вопрос. Вы говорите, что я нахожусь в конфликте. Я страдаю и я вижу, что эта жизнь конфликтов и страданий бесконечна.

К. Вот и все. Она не может придти к концу, и поэтому всякое другое исследование, всякое стремление побудить то другое, чтобы стереть старое, является неправильным процессом.

П. Это вполне очевидно.

К. Это было бы призывом некоего посредника извне, который пришел бы и внес ясность в ваш дом.

Я говорю, что при процессе внесения ясности в дом, в этот дом, произойдет очень многое. У вас появится ясновидение, так называемое «сиддхи» и все прочее.

Все это произойдет. Но вы запутаетесь в этом и не сможете двигаться дальше. Если вы в этом не запутаетесь – Небеса открыты для вас. Вы спрашиваете, П., имеется ли какая-либо почва, которую нужно подготовить, не с целью обрести это, но потому, что почва должна быть подготовлена. Подготавливайтесь, работайте над этим, приведите дом в состояние полнейшей чистоты, чтобы не было ни малейшей тени бегства. Тогда мы можем задать вопрос, что представляет собой то состояние, о котором мы говорим. Если вы ведете такую подготовку, работаете над прекращением скорби, если вы работаете, ни на минуту не отступая, и придете ко мне, говоря, что существует нечто, известное, как энергия кундалини – тогда я готов вас выслушать.

А. Сэр, я возражал против этого потому, что Хатхайога этим занимается. Текст Прадипика позволяет нам утверждать, что исследование кундалини ведется для того, чтобы ваши силы ведения поиска возражали.

К. Бог мой, А., работаете ли вы над очищением вашего дома?

А. Безусловно.

К. Тогда в чем же вопрос? Существует ли энергия, не механическая, нескончаемая, самовозобновляющаяся? Я говорю, что существует. Вполне определенно. Но это не то, что вы

называете кундалини. Тело должно быть сенситивным. Если вы работаете, очищаете дом, тело становится очень сенситивным.

Тогда у тела возникает свой собственный разум, который ум предписывает телу. Поэтому тело становится необычайно сенситивным, не сенситивным по отношению к желаниям, стремясь получить что-то, но оно сенситивно само по себе. Верно? И что тогда происходит? Если вы действительно хотите, чтобы я вник в это, я это сделаю. Люди говорят о пробуждении кундалини и у меня возникает вопрос. Они не работали над тем другим, но говорят, что пробудили кундалини. Поэтому я ставлю под вопрос их способность осуществить это, истинность этого. Я не настроен антагонистически, но я спрашиваю, может ли человек, который ест мясо, стремиться к известности, жаждет иметь то и это, говорить, что пробудил кундалини. Я утверждаю, что это чепуха. Очищение дома должно происходить все время. Затем П. говорит: «Можем ли мы поговорить о той энергии, которая, как я чувствую, должна существовать», – не теоретически, но энергию, которую она увидела мельком, которую она почувствовала, энергия, являющаяся нескончаемой; и вот приходит К. и говорит: «Да, это существует». Существует энергия, все время самовозобновляющаяся, немеханическая, не имеющая причины, энергия, у которой нет начала, а поэтому нет и конца.

Это есть вечное движение. Я говорю, что это существует. Но какую цену это имеет для слушателя? Я говорю «Да», и вы слушаете. Я спрашиваю себя, какую ценность это может иметь для вас. Хотите ли вы вникать в это, а не очищать дом?

П. Это означает, сэр, что для того, кто исследует, главное значение имеет обработка почвы, прекращение страдания.

К. Это единственная задача. Нужно только это. Это дело самое священное, вы не можете его призвать.

А вы все его призываете.

Очищение дома требует потрясающей дисциплины, не дисциплины контроля, подавления и подчинения, вы следите? Прежде всего требуется полное внимание. Если вы приложите полное внимание, вы увидите, что произойдет нечто совершенно иного рода; появится энергия, которая не является повторением, энергия, которая не приходит и не уходит. Она не возникает на какой-то один день, а потом – через месяц. Для этого необходимо, чтобы ум был совершенно пустым. Можете ли вы проделать это?

ВА. На некоторое время.

К. Нет, нет. Я задал вопрос. Может ли ум оставаться совершенно пустым? Тогда возникнет эта энергия.

Вам даже не понадобится просить о ее появлении.

Когда имеется пространство и пустота, тогда его заполняет эта энергия. Так вот, когда происходит очищение, когда приходит конец всем вещам в доме, конец скорби – может ли ум при этом быть абсолютно пустым, без всякого мотива, без всякого желания?

Когда вы работаете над этим, поддерживаєте в доме чистоту, совершенно естественно возникают другие вещи. Но почву для этого подготавливаете не вы. Это делает медитация.

П. И это является преобразованием человеческого ума.

К. Вы видите, как сказал АПА., мы запрограммированы на постоянную обусловленность. Если происходит остановка, этому приходит конец. Если вы выключили вычислительную машину, она перестает работать. Теперь вопрос таков: может ли центр, являющийся эгоизмом, придти к концу? Вот и все. Когда движение ума от центра к периферии останавливается, останавливается и время. Когда нет движения эгоизма, возникает движение совершенно иного рода.

Основной корень страха

П. Вы сказали К., что разум – самая верная защита от страха. Проблема заключается в следующем: где место для разума, когда страх из подсознания заливает вас? Разум действует только, когда все устраняется с его пути. Разум требует умения вслушиваться, вглядываться и наблюдать. Но когда все существо залито неподдающимся контролю страхом, страхом, имеющим причину, но эта причина не может быть сразу распознана – в этом состоянии, где место разуму? Как воздействовать на этот первобытный архаичный страх, заложенный в основу человеческой психики? Одним из таких страхов является страх уничтожения «Я», страх перед прекращением бытия.

К. Что является объектом нашего совместного исследования?

П. Как справиться со страхом? Вы не ответили на этот вопрос. Вы говорили о разуме, являющемся величайшей безопасностью. Это верно, но когда страх заполняет вас, где место разума?

К. Вы говорите, что когда вас заливает волна страха, разум отсутствует. И как справиться с этой волной страха в такой момент? Это ли ваш вопрос?

С. Человек видит страх как ветки дерева. Но нам приходится иметь дело со страхами, с одним за другим, и нет от страха свободы. Существует ли способ видеть страх без его разветвлений?

К. Я спрашивал: «Видим ли мы листья и ветки, или мы проникаем до самого корня страха?»
«С. Можно ли дойти до корня каждой ветви страха?»

К. Давайте выясним это.

П. Можно через один страх понять все в целом.

К. Я понимаю. Вы говорите, что существуют страхи сознательные и подсознательные, и что в известные моменты подсознательные страхи становятся чрезвычайно сильными, и что в такие моменты разум не действует. Как справиться с этими не поддающимися контролю волнами страха? Это ли ваш вопрос.

П. Эти страхи как будто бы принимают материальную форму. Вы во власти физического ощущения, которое сильнее вас.

К. Оно выбивает вас из равновесия неврологически, биологически. Давайте, проведем исследование этого. Существует страх сознательный и в глубине, когда имеется ощущение одиночества, чувство, что все тебя покинули, и ты пребываешь в полной изолированности... При этом возникает ощущение абсолютной беспомощности. В такие моменты, когда появляется глубокий страх, вполне очевидно, что разум отсутствует и есть только не поддающийся воздействию и контролю страх.

П. Человек может чувствовать, что он уже встречал эти страхи, что они ему знакомы, но в подсознании он затоплен ими.

К. Вот об этом мы и говорим. Обсудим это. Человек может справиться с физическими, сознательными страхами. С ними разум может справиться.

П. Вы можете даже разрешить этим страхам процветать.

К. И в самом этом цветении пребывает разум. Но как вы можете воздействовать на те другие? Почему подсознание – пока мы будем пользоваться словом «подсознание» – почему оно удерживает их? Или подсознание привлекает эти страхи? Удерживает ли оно их, или они существуют в традиционных глубинах подсознания, или это нечто, вбирается из окружающей среды? Так вот, почему подсознание вообще удерживает страхи? Являются ли они унаследованной частью подсознания, расовой, традиционной историей человечества? Заложены

ли они в наследственные гены? Как вы приступите к этой проблеме?

П. Не могли бы мы обсудить второй вопрос, а именно – вбирание страха из окружающей среды?

К. Сначала рассмотрим первый вопрос. Почему подсознание удерживает все это? Почему мы рассматриваем более глубокие слои сознания как вместилище, как склад страхов? Являются ли они результатом воздействия культуры, в которой мы живем, или сознательного ума, который, не будучи в состоянии с ними справиться, затолкал их вниз, и они поэтому остаются в слоях подсознания? Или ум, который со всем своим содержанием не разрешил своих проблем, испытывает страх, что не может разрешить их? Я хочу выяснить, каково значение подсознания. Вы сказали, что волны страха возникают и поднимаются, а я говорю, что они всегда существуют, но вы их осознаете только при кризисе.

С. Они существуют в сознании. Почему вы говорите, что они в подсознании?

К. Прежде всего сознание создается из своего содержания. Без содержания сознания нет. Одной частью его содержания является этот первичный основной страх, и сознательный ум никогда не пытается воздействовать на него; зная о том, что страх имеется, ум никогда не говорит: «Я должен что-то предпринять по отношению к нему». В момент кризиса эта часть сознания пробуждается и осознает страх. Но страх всегда здесь.

П. Я не думаю, что это так просто. Разве страх не является частью культурного наследия человека?

К. Страх всегда имеется. Является ли он частью культурного наследия? Или, возможно, что кто-то родился в стране, не допускающей страха?

П. Такой культуры не существует.

К. Конечно, такой культуры нет. Поэтому я спрашиваю себя, является ли страх частью культуры или он унаследован человеком? Страх – это ощущение прекращения бытия, как это ощущается животными, и существует в каждом человеке, боящимся уничтожения.

П. Инстинкт самосохранения, принимающий форму страха.

К. Вся ли структура клеток испытывает страх прекращения бытия? Он существует во всем живом.

Даже муравей испытывает страх перед небытием.

Мы видим, что страх пребывает везде, он – часть человеческого существования, и человек может осознать его в потрясающей степени при кризисе. Что предпринимает человек, когда поднимается волна страха? Почему мы дожидаемся кризиса? Я просто задаю этот вопрос.

П. Вы не можете этого избежать.

К. Подождите одну минуту. Мы говорим, что он всегда здесь, что он – часть природы человека. Страх испытываешь здесь, он часть биологической, психологической и всей структуры нашего существа. Страх – часть самого крошечного живого существа, самой маленькой клетки. Почему мы ждем кризиса, чтобы его выявить? Это чрезвычайно иррациональное приятие его. Я говорю, почему я должен ждать кризиса, чтобы предпринять что-то в отношении его.

П. Без этого он является как бы несуществующим.

Некоторые страхи я воспринимаю разумно. Человек вынужден встречать страх смерти лицом к лицу.

Можно смотреть на него разумно. Но возможно ли разумно встретить лицом к лицу остальные страхи?

К. Вы говорите, что можете разумно встретить остальные страхи лицом к лицу. Я сомневаюсь в этом, я сомневаюсь, можно ли разумно отнестись к страхам, я сомневаюсь, что у вас может появиться разум, и вы еще не разрешили вопрос страха. Разум приходит, только когда страха не существует. Разум – это свет, и вы не можете справиться с мраком, пока нет света.

Свет возникает, только когда мрак исчез.

Я сомневаюсь, что вы можете разумно воздействовать на страх, пока страх существует. Я говорю, что вы не можете. Вы можете воздействовать на него рассудком, вы можете рассмотреть его природу, вы можете избежать его, уйти за его пределы, но это не является разумом.

П. Мне кажется, можно сказать, что разум – это осознание страха, когда он возникает, это игнорирование его, не придавая ему определенной формы, не отворачиваясь от него. В результате всего этого страха рассеивается. Но вы говорите, что там, где есть разум, страха нет.

Н. Страх уже не возникнет?

К. Но мы не разрешим страху возникнуть.

Н. Я думаю, страх возникает. Но мы не даем ему расцветать.

К. Видите ли, вся реакция на кризис кажется мне сомнительной. Страх здесь, зачем вы нуждаетесь в кризисе, чтобы его пробудить? Вы говорите: наступает кризис, и вы пробуждаетесь. Слово, жест, взгляд, движение, мысль – вот вызовы, как вы говорите, вызывают его проявление. Я спрашиваю – почему вы ждете кризиса? Мы ведем исследование. Знаете ли вы, что означает слово «исследовать»? – оно означает «идти по следу». Так вот, мы идем по следу, мы не утверждаем одно, другое или третье. Мы прослеживаем, и я спрашиваю, почему мне нужен этот кризис?

Жест, мысль, слово, взгляд, шепот, письмо – все это включено в кризис. Является ли это вызовом, пробуждающим страх? Я спрашиваю себя, почему человек не пробуждается без вызова? Если страх здесь, он должен пробудиться, быть пробужденным, или он дремлет? И если он дремлет, то почему? Бойтся ли сознательный ум, что страх может пробудиться?

Заставил ли он его впасть в спячку и не хочет взглянуть в него?

Будем продвигаться медленно; мы идем по следам ракеты. Бойтся ли сознательный ум взглянуть в страх и поэтому удерживает его в состоянии покоя?

Или страх – здесь, побежденный и сознательный ум не дает ему расцвести? Допускаете ли вы, что страх – часть жизни, существования человека?

П. Сэр, страх не обладает самостоятельным существованием, независимо от внешних переживаний, без стимула внешних переживаний.

К. Подождите, я сомневаюсь в этом, не могу просто согласиться. Вы говорите, что без внешних стимулов его нет. Если это верно, это должно быть верным и для меня, ибо я являюсь человеком.

П. Я считаю, что включаются как внешние, так и внутренние стимулы.

К. Я не разделяю стимулы на внешние и внутренние.

П. Страх не существует без стимулов.

К. Вы уходите в сторону, П.

П. Вы спрашиваете, почему я не вглядываюсь в него, не встречаю его лицом к лицу?

К. Я говорю себе: «Должен ли я ждать кризиса для пробуждения страха? «Вот и весь мой вопрос. Если он здесь, кто его усыпил? Происходит ли это потому, что сознательный ум не может с ним справиться? Сознательный ум старается справиться с ним, и, не будучи в состоянии это сделать, усыпляет его, приводит его в бездействие... Когда происходит кризис, ум испытывает потрясение. Так вот, я говорю себе, почему сознательный ум должен подавлять, пресекать страх?

С. Сэр, орудие сознательного ума – анализ, способность узнавания. Это орудие не может помочь справиться со страхом.

К. Оно не может справиться с ним. Но то, что требуется – это подлинная простота, а не анализ.

Сознательный ум не может справиться со страхом, поэтому он говорит, я хочу избежать его,

я не могу справиться со страхом, поэтому он говорит, я не могу вглядываться в него. Посмотрите, что вы делаете: вы ждете кризиса, чтобы он пробудился, а сознательный ум все время старается избежать кризиса, рассуждая, рационализируя. Мы весьма искусны в этой игре.

Поэтому я говорю себе: если страх здесь, то он в пробужденном состоянии. Вы не можете усыпить то, что является частью нашего наследия. Сознательный ум только думает, что он усыпил страх. Сознательный ум испытывает потрясение, когда происходит кризис. Поэтому вы приступаете к вопросу иначе.

Это все, что я предлагаю. Верно ли это? Основа страха – небытие, прекращение существования, полнейший страх неуверенности, небытия, смерти. Почему сознательный ум не заставит этот страх проявиться и не движется вместе с ним? Почему он дожидается кризиса? Или вы ленивы, и поэтому в вас нет энергии, чтобы дойти до корня всего этого?

Является ли то, что я говорю, иррациональным?

П. Это не является иррациональным. Я пытаюсь взглянуть, насколько это обосновано.

К. Мы говорим, что каждое живое существо боится не выжить, перестать существовать. Страх – часть клеток нашей крови. Все наше существо боится перестать быть, боится умереть, боится быть убитым. Этот страх является частью нашей психологической и биологической структуры. И я спрашиваю себя, почему необходим кризис, почему вызов приобретает такое большое значение? Я возражаю против вызова, я хочу быть впереди, а не позади него.

П. Человек не в состоянии участвовать в том, о чем вы говорите.

К. Почему вы не можете? Я вам это покажу. Я знаю, что я умру, но я рассматриваю смерть рассудочно, интеллектуально. Поэтому когда я говорю, что мой ум намного опередил смерть – это неверно. Он только опередил мысль, что имеет мало значения.

П. Давайте подойдем к тому, что является реальностью. Человек боится смерти, он чувствует, что опередил ее на шаг, он продвигается дальше и вдруг обнаруживает, что не опередил ее.

К. Я понимаю это. Все это – результат вызова, было ли это вчера, год назад.

П. Так вопрос в следующем: с помощью какого орудия, какой энергии, из какого измерения человек видит, и что он видит?

К. Я хочу добиться ясности. Страх – часть нашей структуры, нашего наследия, биологически, психологически; клетки мозга боятся небытия. И мысль говорит, я не буду вглядываться во все это. Поэтому, когда происходит вызов, мысль не может с ним покончить.

П. Что вы имеете в виду, говоря: «Мысль говорит, что не хочет вглядываться во все это»?

Н. Она также хочет всмотреться в это.

К. Мысль не может видеть свой собственный конец.

Она может только рассуждать об этом. Я спрашиваю вас, почему ум должен ждать вызова? Является ли это необходимым? Если вы скажете, что это необходимо, это будет означать, что вы его ждете.

П. Я говорю, что не знаю. Я только знаю, что возникает вызов и возникает страх.

К. Нет, вызов вызывает страх, пробуждает его.

Давайте будем придерживаться этого, и я говорю вам, почему вы ждете вызова для его пробуждения.

П. Ваш вопрос является парадоксом. Хотите ли вы сказать, что вы не ждете вызова, но вызываете его?

К. Нет, я полностью раскрыт для вызова. Вы не поняли мою точку зрения. Мой ум вообще не хочет принять вызов. Для пробуждения вызов не является необходимостью. Было бы неверным утверждение, если бы я сказал, что я сплю, и что для моего пробуждения вызов необходим.

П. Нет, сэр, это не то, что я говорю.

К. В таком случае он пробужден. А что спит? Спит ли сознательный ум? Или подсознание?

А какие-то части ума являются пробужденными?

П. Если я пробуждена, то я пробуждена.

Н. Призываете ли вы страх?

К. Если вы пробуждены, никакой вызов не нужен.

Таким образом, вы отвергаете вызов. Если, как мы сказали, смерть, то, что мы умрем – это часть нашей жизни, то мы все время бодрствует.

П. Не все время. Вы не осознаете страх. Но он всегда пребывает здесь, под ковром. И вы не смотрите на него.

К. Я говорю, что он под ковром; поднимите ковер и взгляните. Он здесь. Это и есть моя точка зрения, он здесь и пробужден. Я все время боюсь перестать существовать, боюсь умереть, боюсь не достичь чего-то. Это основа страха в нашей жизни, в нашей крови, и этот страх всегда здесь, бдительно наблюдая, защищая, охраняя. И он всегда полностью пробужден, ни на мгновение не засыпая. Поэтому вызов не является необходимым. Вопрос, как с ним поступить, возникает позднее.

П. Это факт.

А. Видя все это, не считаете ли вы, что фактором является отсутствие внимания?

К. Я сказал, что он пробужден, я не говорю о внимании.

А. Страх является активным, действенным.

К. Он как змея в комнате, он всегда здесь. Я могу смотреть в другую сторону, но он тут. Сознательный ум занят вопросом, как с ним справиться, и, не будучи в состоянии справиться, он от него уходит. И вот сознательный ум получает вызов и пытается встретить его лицом к лицу. Можете вы встретить лицом к лицу нечто живое? Для этого вызов не требуется. Но поскольку сознательный ум ослепил себя в отношении страха, требуется вызов. Верно, П.?

П. Когда вы думаете об этом, это просто мысль, но эта тень все же в уме.

К. Проследите за этим, не спешите к умозаклучениям. Вы уже быстро вывели умозаклучение. Сознательный ум не допустит, чтобы вызов пробудил это.

Пробуждение уже произошло. Но вызова вы не допускаете, это не входит в пережитый мной опыт. И вот следующий вопрос: если сознательный ум пробудился для страха, он не может вызвать что-то, имеющееся в нем. Продвигайтесь шаг за шагом. Ни одно мгновение не делайте выводов. Итак, сознательный ум знает, что страх тут, полностью пробужденный. И что же мы теперь предпримем?

П. Здесь имеется несоответствие.

Н. Я пробужден.

К. Вы упускаете важный момент. Это именно сам сознательный ум боится этого. Когда он пробужден, он не боится. Муравей не испытывает страха. Это сознательный ум говорит: «Я боюсь вот этого, боюсь перестать существовать». Но когда со мной происходит несчастный случай, когда разбивается самолет, я не испытываю страха. В мгновение смерти я говорю: «Да, теперь я знаю, что значит умирать». Но сознательный ум со всеми его мыслями говорит: «Боже мой, я должен умереть, я не хочу умирать, я должен себя защитить». Вот кто испытывает страх.

Наблюдали вы когда-либо за муравьем? Он не испытывает страха, если кто-то его убивает, он умирает.

Теперь вы видите что-то.

П. Сэр, вы видели когда-либо муравья? Если вы положите перед ним кусок бумаги, он будет от нее увертываться.

К. Он хочет выжить, но он не думает о выживании.

Но возвратимся к тому, о чем говорили. Мысль создает страх; это мысль говорит: «Я умру, я одинок, я не достиг того, что хотел». Вглядитесь это вечность, за пределами времени это подлинная вечность. Вглядитесь, как это необычайно. Почему я должен испытывать страх, если страх является частью моего существования? Только когда мысль говорит, что жизнь должна быть иной – возникает страх. Может ли ум стать абсолютно неподвижным? Может ли ум быть полностью устойчивым? Только тогда приходит то, другое.

Что же тогда будет главным корнем страха? Когда то другое пробудилось?

П. Произошло ли это когда-либо с вами, сэр?

К. Несколько раз, много раз, когда ум полностью устойчив, без всякой реакции, не приемля и не отвергая, не рационализируя, не убегая, когда всякое движение полностью отсутствует. Мы дошли до корня страха, не так ли?

Болтающий ум

М. Я хотел бы обсудить проблему болтающего ума.

Что заставляет наш ум болтать? Откуда ум получает энергию и какая у него цель? Эта болтовня происходит все время. Каждое мгновение слышится эта болтовня.

П. Не является ли это самой природой ума?

М. Это ничего не объясняет и не может оказать помощь.

П. Он должен действовать, чтобы существовать.

М. Что значит «должен»? Нет никакого «должен». Ум все время болтает, и применяемая для этого энергия заполняет большую часть нашей жизни.

К. Почему болтает ум? Какова при этом его цель?

М. Нет никакой цели. Когда я наблюдаю за мозгом, я вижу, что болтовня происходит только в мозгу, это деятельность мозга, поток текущий вверх и вниз, но это хаотично, бессмысленно, бесцельно. Мозг истощает себя своей собственной деятельностью. Можно видеть, что это утомляет мозг, но он не останавливается.

К. Есть ли смысл продолжать это?

П. Если вы признаете нескончаемость мыслительного процесса, не имеющего ни начала, ни конца, то почему человек разделяет болтовню и мыслительный процесс?

М. Мы совершенно напрасно затрачиваем на это наше внимание и осознание. Мы осознаем что-то, абсолютно лишённое значения. Такова в наше время невротическая функция мозга; наше осознание, наше внимание и все наши усилия затрачиваются впустую.

П. Считаете ли вы, что деятельность мысли и болтовня имеют большое значение?

К. Ваш ум болтает – почему?

М. Потому что не может прекратить это.

К. Является ли это привычкой? Или это страх оказаться ничем не занятым?

А. Это действие, не поддающееся воздействию воли.

М. Оно похоже на автоматическую деятельность.

Он просто происходит, нет никакого ощущения, нет вообще ничего.

К. Вы не поняли, что я имею в виду. Ум, видимо, нуждается быть всегда занятым чем-то.

* * * П. Существует то, что мы называем осмысленным мышлением – это мышление целеустремленное, логическое, анализирующее, направленное на разрешение проблем. Болтовня не является чем-то сознательным. При состоянии, в котором отсутствует осознание, происходит непрерывное движение ума посредством возникновения рефлексов на основе всякого накопленного вздора, приобретенного умом на протяжении многих лет, который он теперь выбрасывает; и внезапно вы пробуждаетесь и говорите, что ваш ум болтает. Мы даем высокую оценку осмысленной деятельности, противопоставляя ее тому, что мы называем болтовней. Обоснована ли эта высокая оценка?

К. Почему он болтает?

П. Он болтает, нет никакого «почему».

К. Он хочет выяснить, почему он болтает. Нет ли сходства с водой, которая течет, льется из крана?

М. Это ментальная утечка.

П. Мне это представляется показателем, что мой ум не является живым.

К. Почему вы протестуете против болтовни ума?

М. Растрата энергии, потеря времени; здравый смысл подсказывает, что происходящее совершенно бесполезно.

П. Мы на каком-то промежуточном этапе, мы ни тут, ни там. И не только болтовня ума, но и осознание этой болтовни свидетельствует о несоответствии, несостоятельности.

К. Отложите на данный момент в сторону осознание и внимание. Я просто спрашиваю вас – почему ум болтает? Является ли это привычкой, или ум должен иметь какое-то занятие? И когда он не занят тем, чем он считает, что ему следует заняться, – мы называем это болтовней. А почему этим занятием не должна быть болтовня? Я занят своим домом. Вы заняты вашим Богом, вашей работой, делами, женой, сексом, своими детьми, своим имуществом. Ум должен быть чем-то занят. И когда он не занят, у него может возникнуть ощущение пустоты, поэтому он болтает. Я не вижу в этом никакой проблемы, если только речь не идет о том, что вы хотите прекратить эту болтовню.

М. Если бы болтовня не действовала угнетающе, проблемы бы не было.

К. Вы хотите прекратить это, положить этому конец? Я не знаю, что вы называете болтовней. Я спрашиваю, когда вы заняты вашими делами. Следовательно, вопрос не в том «почему», а для «чего»?

М. Может болтающий ум прекратить болтовню?

К. Может ли ум перестать болтать? Я повторяю – я не знаю, что вы называете болтовней, и хочу это выяснить. Я говорю, что любое занятие самим собой, своей собственностью или положением – все это является болтовней. Почему делать для этого исключение и считать все остальное болтовней?

М. Я говорю о том, что наблюдаю.

П. Потому что болтовня, о которой мы говорим, бессмысленна.

К. Она не имеет отношения к вашей повседневной деятельности. Она не связана с повседневной жизнью. Она не имеет ничего общего с вашими повседневными вопросами, и поэтому ум болтает, как вы это называете. Это все нам хорошо знакомо.

П. У вас тоже это происходит?

К. Это не имеет значения. Не беспокойтесь обо мне.

А. Сэр, наше нормальное мышление связано с определенным контекстом. Болтовня – это такая деятельность ума, которая не имеет связи ни с каким контекстом. Поэтому мы называем ее бессмысленной.

К. Является ли болтовня отдыхом для ума?

А. Нет, сэр.

К. Подождите, сэр, не спешите. Послушайте, А., я хочу задать вам вопрос. Вы целый день заняты вашей повседневной работой, сознательно, рационально, иррационально; и болтовня может оказаться отдыхом от всего этого.

Б. Имеется ли в болтовне то ощущение взаимоотношений, какие существуют между сном и бодрствованием?

К. Нет, я бы этого не сказал. Мои мускулы были напряжены весь день, и теперь я их расслаблю.

Болтовня является, может быть, какой-то формой расслабления.

А. Это не имеет особого значения. Происходит растрата энергии.

К. Так ли это?

А. Расслабление не должно вести к растрате энергии. Расслабление возникает, когда вы истощили вашу энергию и отдыхаете после этого.

К. Вы говорите, что болтовня – растрата энергии и вы хотите ее прекратить.

А. Вопрос заключается не в том, чтобы ее прекратить. Проблема – то, что в болтовне ум растрчивает энергию, которую он мог бы применить для чего-то ценного. Человек мог бы проделать какой-то труд, но это может снова оказаться чем-то механическим и проблема не

будет разрешена. Мы снова возвращаемся к необходимости понять, как происходит процесс болтовни. Мы его абсолютно не понимаем. Он вне нашей воли.

К. Прекратил бы ваш ум болтовню, если бы был полностью занят? Послушайте, сэр, если в уме нет пустого пространства, или если имеется только пространство, которое он заполняет, будет он болтать?

Не имеет значения, какие слова вы употребите -полный пространства, полностью опустошенный или вовсе ничем не занят. Болтает ли ум? Или болтовня возникает, только когда есть небольшое пространство, ничем не прикрытое? Понимаете ли вы, что я имею в виду? Если комната целиком заполнена, может ли в ней происходить какое-то движение?

Когда ум целиком заполнен и в нем нет свободного пространства, будет ли в нем происходить малейшее движение – то, что вы называете болтовней? Я не знаю, ясна ли вам моя мысль?

М. Это гипотетично.

К. В том смысле, что наши умы частично заполнены, частично заняты, и та часть, которая не занята, болтает.

М. Вы отождествляете с незанятой частью ума.

К. Я этого не говорю, я спрашиваю. Я хочу выяснить, почему ум болтает. Является ли это привычкой?

М. Это похоже на привычку.

К. Почему возникла эта привычка?

М. Для этого нет причины, насколько нам известно.

К. Я ничего не имею против этой болтовни, но вы возражаете. Я не уверен, что это растрата энергии.

Привычка ли это? Если это привычка, то как эта привычка может придти к концу? Это единственное, что вас интересует. Как прекращается привычка -любая привычка – курение, выпивка, переедание?

М. Если вы ничего не выяснили на собственном опыте – все будет подобно разговору с ребенком.

Обычно привычка приходит к концу, если вы интенсивно в нее вгляделись.

К. Прекратится ли болтовня, если вы интенсивно в нее вглядитесь?

М. Это и удивительно – она не прекращается.

К. Я не уверен, что не прекратится. Если я интенсивно наблюдаю за курением, переключаю все внимание на движение курения, оно постепенно сходит на нет.

Так почему же болтовня не может так же сойти на нет?

М. Потому что она происходит автоматически, тогда как курение не автоматическое действие.

К. Оно не происходит автоматически? Она стала автоматической.

М. Мы не будем говорить, как что начинается. Нет никакого начала. Я не могу проследить за началом болтовни. Она автоматична. Это автоматическая дрожь мозга. Я вижу только, что мозг дрожит, бормочет и ничего не могу с этим поделать.

П. Все остальные системы, соприкасающиеся с этим периферическим движением болтовни, говорят, что она должна придти к концу, чтобы человек мог приступить к какому-то другому делу.

М. Чтобы она прекратилась, вы повторяете мантры, приводите ум в состояние некоторого однообразия, монотонности. Но болтовня не является однообразной, монотонной, ее содержание меняется.

К. Это интересно: содержание меняется.

П. Оно лишено всякой связи. Основная проблема заключается в том, что пока мыслительный процесс заполняет большую часть сознания, одновременно будут происходить и направленное мышление, и болтовня. Я не думаю, что можно избавиться от одного и удержать другое.

А. Я бы сказал, что ко всему этому имеется другой подход: наш ум функционирует на различных уровнях, и болтовня – это то движение, от которого все эти уровни смешиваются и спутываются.

П. Я не думаю, что это так, А. Я не думаю, что уровни смешиваются. Сознательное движение мышления происходит, когда мыслящий создает через мысль известную предпосылку и логически от нее продвигается. В сфере иррационального происходит болтовня и еще очень многое другое, что рациональный ум не понимает. Но мне хотелось бы знать, не являются ли эти оба процесса взаимно дополняющими друг друга, и может ли один существовать без другого.

Б. Мы возражаем против болтовни, но не возражаем против направленной деятельности.

П. Вот об этом я и говорю. Я говорю – пока имеется одно, будет существовать и другое.

А. Я в этом сомневаюсь.

П. Давайте, разберемся в этом. Я хотела бы знать, не является ли одно рефлексом другого.

Б. Ум знает направленную деятельность. Ум знает также болтовню, происходящую без направления.

Знает ли ум пространство или пустоту?

П. Что содержится в пространстве?

Б. Потому что пространство ввел К.

П. Не прибегайте к такому подходу. Если существует одно, будет существовать и другое. Вот во что мне хочется вникнуть.

А. Нет. Человек может успешно выполнять какуюто одну работу, на которую его направили. Это направленная деятельность. Вы говорите, что любой человек, способный выполнять направленную деятельность, должен все время иметь и нелепое добавление болтовни.

П. Направленная деятельность не означает чисто технологическое функционирование; психологическая деятельность тоже может быть направленной.

Пока психологическая и эмоциональная деятельность происходят под воздействием направленности, то другое продолжает пребывать.

А. Видите ли, направленность деятельности может быть проекцией центра, или это то, что укрепляет центр. Таким образом можно обнаружить источник направленной деятельности: она либо исходит из центра, либо создает центр.

К. Как вы прекратите болтовню? Вот что интересует меня.

П. Мне хотелось бы продолжить разговор с А. Он говорит, что не исключена возможность направленного мышления, но только на уровне функциональном и психологическом в самом уме, и что одновременно происходит и болтовня.

А. Это направленная деятельность. Я знаю ее источник и цель.

П. Направленная деятельность – вы действительно знаете ее источник?

А. Вот так центр поддерживает себя. Это есть центр.

П. Я хочу добраться до корня этого. Но я не нахожу ни корня, ни источника.

А. Я тоже их не вижу. Я говорю: имеется поддерживающая себя деятельность, которая наращивает силы центра, питает его. Вот канал для движения, которое, как кажется, будто даже не имеет к нему отношения.

М. Следовательно, вы отделяете поток мышления от болтовни и не болтовни.

П. Как вы можете это знать?

К. Он говорит, что болтовня – растрата энергии.

Д. Почему вы говорите это? Как он может это знать?

К. О, да. Это так иррационально, так нелогично, всюду вносит беспорядок.

Д. Разве вы не знаете, что всякое рациональное усилие ни к чему не приводит?

К. Подождите, подождите.

М. Правильно или неправильно – к чему выбирать?

Имеется три движения ума: преднамеренные, непреднамеренные и смешанные. Я не спорю с преднамеренными. Могу ли я избавиться от непреднамеренных?

К. Мы только этим и интересуемся. Мой ум болтает.

Я готов принять любые меры, чтобы остановить болтовню, ибо я вижу, что она иррациональна и бесполезна. Как она может придти к концу?

М. Все, что я могу сделать – это взглянуть в нее.

Пока я на нее смотрю, она останавливается.

К. Но потом она возобновится. Я хочу, чтобы она окончательно остановилась. Как мне этого добиться?

Вместо того, чтобы быть занятым направленным преднамеренным движением, я теперь занялся тем, чтобы прекратить болтовню.

Б. Я не возражаю против того, чтобы заниматься денежными делами и множеством различных вещей.

Я считаю, что это правильно. Почему этот несчастный ум болтает? Я хочу это прекратить.

А. Когда я смотрю на направленную деятельность, это помогает мне понять процесс эго, центр и то, как все это взаимосвязано. Исследование всегда вносит некоторую ясность.

К. А., я хочу остановить болтовню и я вижу, что это растрата энергии. Что мне делать? Как мне окончательно ее остановить?

П. Я чувствую, что пока вы смотрите на любой процесс ума, на направленное или ненаправленное действие – вы в ловушке.

К. Почему я возражаю против болтовни? Вы говорите, что вы растрчиваете энергию в десяти различных направлениях. Я не возражаю против болтовни моего ума. Я не придаю значения тому, что он растрчивает небольшое количество энергии, так как я ее растрчиваю в большом количестве самых разных направлений. Зачем мне протестовать против болтовни?

Б. Потому что я растрчиваю энергию.

К. Значит, вы возражаете против растраты энергии, происходящей в результате одного определенного вида деятельности. Я возражаю против всех форм растраты энергии.

М. Тут возникает вопрос: что является растратой энергии и что не ведет к ее растрате.

А. Я хотел бы так же убедиться, что мы не уклоняемся в сторону от очень трудной проблемы.

П. Имеются два пути к рассмотрению этого: в первом случае мы говорим: «Как я могу разрешить эту проблему?» «Во втором мы задаем вопрос: «Почему человек устанавливает разделение между направленным и не направленным?» «А. Против этого у меня нет возражений.

К. Но Фридман возражает.

М. Как бы то ни было, когда мой ум болтает, я испытываю тревогу и отчаяние.

К. Сэр, давайте будем придерживаться по очереди чего-то одного. Вы говорите, что это растрата энергии. Мы растрчиваем энергию в самых различных направлениях.

М. Этот путь растраты весьма неприятен.

К. Вы не хотите растрчивать энергию на что-то неприятное, но не возражаете, если она уходит на что-то приятное.

М. Конечно.

К. Итак, вы протестуете против растраты энергии на неприятное. Я не придаю значения

тому, болтает ли мой ум или не болтает. Важно не то, происходит ли направленное или не направленное движение; важно, чтобы ум был устойчив, устойчив, как скала; тогда проблемы не будет существовать, ум не будет болтать. Дайте ему болтать.

П. Я хочу задать вам вопрос. Осознаете ли вы сперва, и потом говорите? Или вы с самого начала осознаете слова?

К. Что это значит? Подождите, подождите, придерживайтесь этого. Я бы подошел к вопросу совсем по-иному. Если ум совершенно устойчив как скала, то он отменяет слово, проходящее над ним, воду, проливаемую кем-то на него, беспорядок, причиняемый птицей – все это он отменяет в сторону. Я бы подошел к вопросу только так. Выясните, является ли ум устойчивым, как скала, и тогда небольшая волна, слабый дождь, небольшое движение не имеет значения. Но вы подходите к этому, пытаясь прекратить растрату энергии – растрату иррациональную, непредусмотренную, а я говорю: предусмотренная или непредусмотренная растрата энергии все время происходит вокруг вас. Сэр, для меня проблема очень проста. Является ли ум вполне устойчивым?

П. Действует ли вообще ваш ум в мыслях, в формировании мыслей и слов, двигающихся через ум?

Б. Исходят ли когда-либо из ваших клеток мозга слова, свидетельствующие о болтающем уме?

М. Он не знает, что он сейчас скажет, но то, что он скажет, – что бы это ни было – будет иметь смысл.

Перед нами человек, достигший состояния полной пустоты.

П. Значит, ваше сознание абсолютно пусто?

К. Это не продвигает нас сколько-нибудь далеко.

Оставим это.

Б. Сэр, вы подходите к проблеме от двух различных положений: в одном случае вы говорите – смотрите на фрагментацию, на то, что при этом происходит, а затем вы делаете внезапный скачок и спрашиваете, обладаем ли мы абсолютно устойчивым умом.

К. Я не думаю, что есть иной способ решить проблему болтовни ума.

Б. Какова связь между этими двумя подходами?

К. Я не думаю, что есть какая-либо связь. Видите ли, ум болтает, и мы вели дискуссию в течение получаса; мы обсуждали вопрос с различных точек зрения Ум продолжает действовать фрагментарно, он хочет решить проблему, вглядываясь в нее и применяя разные средства. Я прислушиваюсь ко всему этому и говорю, что это, видимо, не дает ответа. Этим не достигается полнота картины, и я вижу, что это происходит из-за полной неустойчивости наших умов.

Ум не укрепился корнями в глубинах устойчивости и поэтому он болтает. Это может являться причиной. Я не сделал скачок в сторону от того, «что есть». Я бдительно за этим наблюдал.

Б. Вы не сделали скачка в сторону, вы рассмотрели отдельно части нас самих и объединили их в одно целое.

К. Вот как я стал бы действовать, если бы мой ум болтал. Я знаю, что это является растратой энергии.

Я вглядываюсь в это, и тут возникает еще один фактор – тот фактор, что мой ум не обладает устойчивостью.

И я проследил бы за этим, а не за болтовней.

П. Когда вы говорите, что мой ум болтает, я бы стала следить за фактом отсутствия устойчивости, но как к нему подойти и что можно предпринять по отношению к нему?

К. Нужно было бы заняться этим, а не болтовней. Я вижу, что пока ум неустойчив, болтовня

неизбежна. И я перестаю интересоваться болтовней. Я постараюсь выяснить, каково ощущение и качество ума, находящегося в полной устойчивости? Это все. Я отошел в сторону от болтовни.

М. Вы отошли от того, «что есть», к тому, «чего нет».

К. Нет. Я не отошел к тому «чего нет». Я знаю, что мой ум болтает. Это факт. Я знаю, что это иррационально, вне зависимости от моей воли, не преднамеренно, что это растрата энергии, я также знаю, что растрата происходит еще в десяти направлениях, собрать всю растроченную энергию невозможно. Вы разлили ртуть; и тысячи мельчайших капелек разлетелись во все стороны. Чтобы собрать их, нужно тоже затратить энергию. Поэтому я понимаю, что нужно идти другим путем. Ум, не будучи устойчивым, болтает. Теперь мне надо провести исследование: какова природа и структура устойчивости?

М. У меня нет устойчивости.

К. Я этого не знаю. Я буду вести исследование. Я вникну в это. Вы говорите, что устойчивость – противоположность спокойствия, беспорядок. Я говорю, что устойчивость – это не противоположность отсутствия спокойствия, ибо все противоположное содержит свою противоположность. Никакой противоположности нет. Я начал с болтовни, я вижу растрату энергии в различных направлениях и что собрать всю растроченную энергию в нечто целое невозможно.

Поэтому я откладываю эту проблему в сторону. Я понимаю, что болтовня и растрата энергии по разным направлениям будут продолжаться, пока ум не станет устойчивым, как скала. Это не просто утверждение на словесном уровне. Это понимание некоего состояния, которое обрело бытие, когда исследование было прекращено, отпал вопрос, как собрать растроченное. Я не интересуюсь проблемой растраты энергии.

М. У меня всегда существовала эта проблема – что ум превращает негативное в позитивное. Вы скажете, что переход негативного в позитивное не является естественным процессом. Но что бы вы предприняли в отношении этого?

К. У нас всегда существует эта проблема. Но меня это не беспокоит.

П. Но вы также говорите, что займетесь этим.

Б. Когда он говорит, что негативное есть позитивное, негативное наблюдение мгновенно становится позитивным. Негативное проходит через позитивное.

К. Внимание применяется в другом направлении. Я думаю, что это очень важно. Какова природа устойчивого ума? Можем мы обсудить это, а не словесное описание устойчивого ума?

П. Какова природа устойчивого ума?

М. Говорите ли вы о кратковременной устойчивости?

П. Я не понимаю состояние ума, который устойчив только кратковременно.

К. Он спрашивает: «Это кратковременно или перманентно? «Мне не нравится слово «перманентно».

П. Но какова природа устойчивого ума?

К. Разве вы это не знаете?

М. Благодаря вам мы все это знаем.

П. Можно было бы сказать так, но это не остановит ни болтовню, ни мыслительный процесс.

К. Он сказал, море очень глубоко, оно очень устойчиво; волны приходят и уходят, и вы не придаете этому значения, но если вы придаете значение, вы остаетесь на месте.

П. Когда вы остаетесь на месте, вам остается только одно – увидеть, что стоите на месте.

К. Вы видите это, но не обращаете на это внимание.

Давайте не будем придавать этому слишком большое значение. Б. отметил, когда я вижу, негативное мгновенно превращается в позитивное. Видение – это скала; уменьше слушать,

Вслушиваться – это скала.

Центр и двойственность

К. Что такое двойственность? Существует ли она вообще?

А. Конечно существует.

К. Я ничего не принимаю без доказательств. Я не имею понятия о Веданте, А., и о научных теориях. Мы начнем заново, не зная, что утверждают другие. Мы ничего не принимаем из вторых рук. Отметите все это в сторону. Существует ли двойственность? Помимо фактической двойственности: женщина-мужчина, свет-мрак, длинный-короткий – существует ли какая-то иная двойственность?

С. Двойственность в «я» и «вы» вложена в нас.

К. Есть ли двойственность помимо очевидной: мужчина-женщина, мрак-свет? Я хочу знать с полной ясностью, что мы говорим об одном и том же. Я не исхожу из ощущения какого-то превосходства; я хочу выяснить, существует ли двойственность. Имеется вполне очевидная внешняя двойственность – высокие деревья, небольшие деревья, различные краски, разные материалы и т. д. Но психологически существует только то, «что есть», вследствие того, что не способны видеть то, «что есть» и разрешить его, мы выдумываем то, что «должно было бы быть». Так возникает двойственность. Из факта, из того, «что есть», возникает абстракция, то, что «должно было бы быть», идеал. Но существует только то, «что есть».

Д. Они говорят, то, «что есть», двойственно.

К. Подождите, сэра. Я хочу выяснить. У меня имеется только то, «что есть», а не то, что «должно быть».

П. Для меня то, «что есть», является двойственностью.

К. Нет, но вы обусловлены двойственностью, психологически вы функционируете в двойственности.

С. Исходная точка – это состояние двойственности. Это может происходить, как следствие многих факторов.

К. Вот это я и хочу исследовать. Не потому ли возникло двойственное отношение к жизни, что ум оказался не в состоянии разрушить действительно -то, «что есть»?

А. Насколько нам известно, новорожденный младенец кричит не только требуя молоко матери, ради питания. Он кричит, когда его оставляют одного.

Двойственность возникает из неудовлетворенности собой, тем, каков я есть фактически, это ощущается с самого начала жизни.

П. Это часть расового наследства.

С. Какова природа того, «что есть»?

К. Вот к этому я и хочу подойти. Если я смогу понять то, «что есть», почему тогда может появиться двойственность?

С. Какое орудие поможет мне понять?

Б. Возникает ли проблема потому, что нет контакта с тем, «что есть»? Условно можно предположить, что двойственность – следствие того, что контакт с тем, «что есть», очень слаб.

К. Это я и хочу выяснить. Что такое двойственность?

Является ли она изменением?

Б. Двойственность – это сравнение.

П. Двойственность – это ощущение «я», как отделенного от «не-я».

К. Это основная причина двойственности. А что такое это «я», говорящее, что вы являетесь чем-то другим? Что такое «я»?

А. Центр, тело.

М. Мозг.

П. Я задаю этот вопрос и, наблюдая за движением «я», выясняю, что оно не представляет собой нечто такое конкретное, как стул, или стол, или тело. Само по себе оно не существует.

К. Я хотел бы сказать что-то, если не возражаете.

Это может показаться нелепостью. Для меня двойственность не существует. Есть женщина-мужчина, мрак-свет. Мы не говорим об этом виде двойственности. Двойственность существует только как «я» и «не-я», расстояние между «я» и «вы», между центром как «я» и центром как «вы». Центр «я» смотрит на вас, и имеется расстояние между «я» и «вы». Это расстояние может увеличиваться и уменьшаться. Этот процесс является сознанием. Не соглашайтесь со мной, я хочу добиться ясности, я хочу двигаться медленно.

С. Это расстояние является сознанием.

М. Расстояние находится в сознании.

К. Нет, нет. Имеется расстояние между мной, сидящим здесь, и вами, физическое расстояние.

Затем имеется расстояние, созданное умом, являющимся «я», и вами. «Я» и «не-я»; «вы» и расстояние -это сознание.

Д. Следовало бы различать физическое и психологическое.

С. Является ли «я» конкретной сущностью?

П. Вот почему я говорю, что исследование «я» трудная задача.

С. Мы начали с двойственности – с «я» и «не-я», с центра.

К. Расстояние между одним центром и другим центром, движение между этими центрами, вертикальное или горизонтальное движение является сознанием.

П. И это все.

К. Я только начинаю.

А. Сэр, вы говорите о двух центрах; один центр приходит в соприкосновение с другим. Нет другого центра, сэр.

К. Я подхожу к этому. Продвигайтесь медленно, шаг за шагом. Другой центр выдуман первым центром.

А. Я не знаю. Я говорю, что даже без другого центра расстояние возникает.

С. А., «я» создает «не-я». Это включено в «я».

К. Если во мне нет центра – внешний центр не существует. Я хочу разобраться во всей структуре двойственности. Я ничего не принимаю. Вы это приняли. Наша философия, наши суждения – все основано на принятии этого. «Я» и «не-я» и все осложнения, возникающие из-за этого, а я хочу разобраться во всей структуре двойственности. Итак, «я» – это единственный центр. Отсюда возникает другой центр, «не-я», и взаимоотношения между «я» и «не-я» неизбежно создают конфликт. Только из первого центра появляется другой центр, «вы». Я думаю, это достаточно ясно, по крайней мере, для меня. Не соглашайтесь.

М. Как возникает центр? Имея этот центр, я создаю другой.

К. Я подхожу к этому. Но пока я не хочу отвечать. В бодрствующем состоянии центр создает другой центр.

Так появляется вся проблема взаимоотношений и возникает двойственность. Центр создает разделение. Я это вижу в бодрствующем состоянии, так как имеется центр, во взаимоотношениях которого всегда будут существовать разделения. Разделение -это пространство и время, а там, где есть время и пространство, всегда имеется разделение, и, следовательно, неизбежен конфликт. Это просто и ясно.

Таким образом в бодрствующем состоянии я вижу, что происходит все время: приспособление, насилие, подражание. Когда центр засыпает, он поддерживает разделение

даже во сне.

СБС. Что вы имеете в виду, говоря, что центр засыпает?

К. Мы не знаем, что это за состояние. Мы будем исследовать.

С. Мы ощущаем наличие центра в бодрствующем состоянии. Ощущающий, экспериментатор – это центр; центр это память; центр – это знание, всегда являющееся прошлым. Центр может проецировать в будущее, но корни его всегда в прошлом.

Д. Центр – это настоящее. Я не знаю ни прошлого, ни будущего.

К. Вы бы никогда не сказали этого, будь у вас центр.

Д. Что касается меня лично, то мне нет до них дела, до прошлого и будущего, я есть настоящее.

А. Вы – дитя прошлого, вы – наследник всего, что было в прошлом.

Д. Нисколько. Это гипотеза. Как я могу знать прошлое?

К. Язык, на котором вы говорите – английский -результат прошлого.

П. Если человек существует, существует и то и другое.

Д. Это теория.

А. Как это может быть теорией? Самый факт того, что вы обрели существование, доказывает, что вы -дитя прошлого.

Д. Мне неизвестно прошлое, мне неизвестно будущее.

П. Если человек свободен от прошлого и от будущего, то вообще нет проблемы. Давайте говорить о тех, кто имеет отношение к прошлому.

Д. Я представляю собой нечто весьма незначительное с ощущением своего «я». Я ничего не знаю о прошлом и будущем.

А. Разве «я» не есть создание и производное суммы прошлого – моего отца, моего деда? Как могу я отрицать это? Мое сознание, как таковое, выработано прошлым.

П. Имеется личное, расовое, общечеловеческое прошлое. Послушайте, Д., я помню вчерашнюю дискуссию; она каким-то образом мешает моей дискуссии сегодня.

Д. Я стою на своей позиции: я не знаю ни прошлого, ни будущего, они для меня не реальны.

А. Д., когда вы говорите, что вы – настоящее, прошу вас, подумайте. Хотите ли вы сказать, что вы являетесь лишь данным мгновением без прошлого и без будущего? Что это – теория или факт? Тогда вы находитесь в состоянии самадхи.

К. Подождите только одну минуту, сэр. Давайте сохраним спокойствие. Вы говорите по-английски.

Это некое наращивание. Что является этим наращивающим центром?

Д. Это центр, который я называю моим «я». Но я не знаю.

К. Следовательно, центр, который накопил – это «я».

Д. Накапливающий и накопленное – это одно и то же.

К. Что такое центр, который накапливает? Имеется ли ненакапливающий центр? Отличается ли центр от того, что он накопил?

Д. Я не могу дать на это ответ.

М. Все это является содержанием сознания.

К. Мы говорили, что содержание сознания есть сознание. Если нет сознания, нет и накапливания.

М. Я не говорил этого.

К. Я сказал это, мы начали с этого.

М. Содержание сознания есть сознание. Это означает, что если нет содержания, то нет и сознания.

К. Да, таково значение сказанного.

Д. Тогда это означает, что имеется не-двойственное сознание.

К. Нет, нет. Это умозрительное предположение.

Придерживайтесь того, с чего мы начали. Сознание – это его содержание. Это факт.

А. Сэр, в любой данный момент это «я» не в состоянии охватить всю сферу сознания в целом, воспринять в полноте. Мое восприятие не вмещает всю сферу.

К. Это происходит потому, что имеется центр.

Когда имеется центр – происходит фрагментация.

П. «Я» приводится в действие процессом мышления, являющимся фрагментированным.

К. Вот и все.

А. Мне представляется, что содержание сознания должно быть частью сферы моего восприятия. Разве это не так?

П. Если бы это было частью моего восприятия, тогда все содержание сознания было бы сознанием.

Тогда человек пребывал бы в своем сознании. Но я сижу против вас и говорю: «Покажите мне путь». А вы продолжаете говорить: «Как только вы просите показать вам путь, вы уже лишаетесь возможности узнать путь». А мы продолжаем просить указать нам путь.

С. Прежде всего надо отметить, что наше познание сознания фрагментарно, мы не знаем сознание в его целостности.

К. Об этом я именно и говорю. Пока имеется центр, неизбежно происходит и фрагментация; фрагментация – это мое «я» и «вы» и конфликт во взаимоотношениях.

С. Считаете ли вы центр равнозначным с сознанием, или он только фрагмент всего сознания в его целостности?

К. Центр – это содержание сознания.

С. Следовательно, сознание – это фрагмент.

П. Вы говорите, что центр – это время-пространство, вы также как будто выдвигаете предположение, что возможно уйти за предела времени-пространства. Центр – это то, что действует. Он не способен уйти за пределы. Если бы он был в состоянии это сделать, время и пространство перестали бы существовать, не были бы содержанием сознания.

К. Давайте опять начнем сначала. Содержание сознания, есть сознание. Это неоспоримо. Центр является создателем фрагментации; центр осознает то, что осознает наличие фрагментов и то, что они собой представляют, когда они в состоянии беспокойства или проявляют деятельность. Если этого нет, центр не осознает другие фрагменты. Центр – это наблюдатель фрагментов. Он не отождествляет себя с фрагментами. Таким образом, всегда имеется наблюдатель и наблюдаемое, мыслящий и переживаемое. Следовательно, центр является создателем фрагментов и он пытается собрать все фрагменты и уйти за их пределы. Один из фрагментов говорит «Усни», другой фрагмент говорит: «Бодрствуй». При состоянии бодрствования имеется беспорядок. Во время сна клетки мозга пытаются создать порядок, ибо без него вы не можете действовать эффективно.

С. Мозг пытается создать порядок. Имеется ли в этом процессе двойственность или двойственности в нем нет?

К. Я вам это покажу. Клетки мозга требуют порядка.

Без этого они не могут функционировать. В этом двойственности нет. В течение дня возникает беспорядок, ибо имеется центр, создающий фрагментацию. Он замечает фрагментацию только через фрагменты; он не осознает все фрагменты в целом, поэтому возникает беспорядок и он живет в нем.

Итак, возник беспорядок. Хотя он говорит: «Я должен иметь переживания» – он живет в беспорядке, в смятении. Он ничего не может создать кроме беспорядка, ибо он функционирует

только во фрагментах.

Верно, сэр?

А. Да, сэр. Это так.

К. Клетки мозга нуждаются в порядке, иначе они становятся невротичными, разрушительными. Это факт. Клетки мозга всегда требуют порядка, а центр всегда создает фрагментацию. Клеткам мозга нужен порядок, но его не может быть, пока имеется центр, всегда создающий разрушение, разделение, конфликт и все прочее, и это является отсутствием безопасности, отсутствием порядка. Двойственности нет. Процесс продолжается. Мозг говорит: «Мне необходим порядок». В этом нет двойственности.

А. Происходят ли два независимых движения?

П. Я чувствую, что мы уклоняемся от вопроса, имеющего для нас реальное значение.

К. Через одну минуту я покажу вам его.

П. Я не вижу в этом реальности. Требование порядка клетками мозга не является чем-то реальным.

К. Это очень реально, подождите минуту.

П. Весь физический мир, несмотря на хаос, находится в состоянии необыкновенного порядка. Поддержание порядка является основой и природой Вселенной.

П. Ощущение времени учеными не является для нас чем-то реальным. Требование порядка клетками мозга не есть нечто нереальное. Мне это неизвестно, быть может, это так. От конкретного факта вы уклоняетесь к факту, находящемуся за пределами нашего понимания.

К. П., мы оба видим суть вопроса. Если имеется центр, должен иметься конфликт, должны быть фрагментация, разделение, все формы разделенности между «вами» и «мною», но это разделение создает центр. Как вы это узнаете?

П. Потому что я наблюдала в себе.

К. На словесном уровне или фактически?

П. Фактически.

К. Центр – создатель фрагментов, Центр сам является фрагментом. Вся сфера представляет собой беспорядок. Как вы осознаете этот беспорядок?

П. Я его увидела.

К. Вы видите это? Подождите, вы не ответили на мой вопрос. Извините, но я спрашиваю вас. Как вы осознаете беспорядок?

П. Я это вижу.

К. Вы видите, что центр его осознает и затем создает двойственность как порядок и беспорядок.

Так вот, как вы наблюдаете беспорядок, через центр или без центра? Если наблюдение происходит через центр, тогда имеется разделение. Если нет наблюдения центра, тогда имеется только беспорядок.

П. Или порядка.

К. Подождите. Прошу вас, продвигайтесь медленно. Когда центр осознает, что имеется беспорядок, происходит разделение. И это разделение – самая суть беспорядка. Когда нет центра и он не осознает, что тогда происходит?

П. Тогда нет центра и нет беспорядка.

К. И что тогда происходит? Это то, чего требуют клетки мозга.

П. Когда вы вводите это, вы отбрасываете то.

Продолжим.

К. Остановитесь здесь. Итак, я выяснил нечто – что центр создает пространство и время.

При наличии пространства и времени должно произойти разделение во взаимоотношениях, это создает дальнейший беспорядок во взаимоотношениях, такова сама природа центра. Беспорядок имеется не только во взаимоотношениях, но и в мыслях, идеях, действиях.

П. Я хочу задать вам вопрос: что является фактом – восприятия порядка или...

К. Вы осознаете только беспорядок. Просто слушайте. Понимаете, я только нащупываю путь. Я вижу, что центр – источник беспорядка, как бы он не двигался – во взаимоотношениях, в мыслях, в действиях, в восприятиях. Имеется воспринимающий и восприятие. Поэтому, как бы центр ни действовал, чтобы он ни предпринимал – разделение неизбежно, неизбежен конфликт и все прочее. Если есть центр, будет и беспорядок, или имеется там только беспорядок? Если нет центра для осознания беспорядка -тогда имеется полнейший порядок. Тогда, как вполне очевидно, фрагментов уже нет, ибо нет центра, создающего фрагменты.

П. Таким образом, пока существуют фрагменты, реальностью является фрагмент. Когда фрагменты приходят к концу, реальностью становится противоположный факт. Так что нет разделения. Вы возвращаетесь на позицию Веданты.

К. Я с этим не согласен.

П. Я предлагаю вам это.

А. Я бы сказал, когда вы говорите, что «я» источник и центр беспорядка, или что центр источник и сам, как таковой, является беспорядком – это для меня бесспорный факт. Когда вы говорите, что при отсутствии центра, наблюдающего беспорядок...

К. Нет, я спросил: кто наблюдает беспорядок?

Послушайте, А., не существует осознания порядка. И в этом его красота.

П. Что для вас означает слово «реальность»?

К. Ничего.

П. Что вы понимаете под этим? Я хотела бы исследовать это слово «ничего».

К. Когда существует нечто, оно не осознается.

А. Сфера познаваемого есть сфера нереального.

К. Нет, будьте внимательны. Подождите хотя бы минуту. Оставьте это. Давайте обратимся к вопросу сна, который, несомненно, является одним из фрагментов нашей жизни. Что такое сны? Что лежит в основе снов? Как они возникают?

КУ. Они возникают, когда желания не осуществляются в течение дня.

К. Итак, вы говорите, что в течение дня я желаю нечто, и это желание не осуществилось, не завершилось, не исчерпало себя. Таким образом, это желание продолжается.

П. Почему мы уходим от предмета? Мышление -это бесконечный процесс, который не имеет начала и не может быть извлечен из мозговых клеток. Таким же образом существует период, когда ум полностью спит, это другая форма того же самого процесса.

К. Это в точности тоже самое. Дневное движение продолжается. Таким образом центр, являющийся фактором беспорядка, создающий беспорядок в течение дня, не перестает действовать; движение становится сновидением символическим или иным -все то же движение.

М. Вы продолжаете говорить, что центр – источник беспорядка.

К. Центр – это беспорядок, а не источник.

М. Ощущение «я» – это постоянное требование, жажда порядка. Но нет никого, кто бы его создал; я в этом мире жажду порядка, ищу его, и двойственность является неизбежно пребывающей, а не созданной.

К. Сожалею, но это не так.

М. Я считаю, что это так. Я не желаю двойственности.

К. Сам поиск есть двойственность. Вся наша жизнь – это поиск отсутствия двойственности.

М. Я знаю, что все мои действия происходят ради порядка. Порядок может быть

временный, незначительный, но не происходит ни одного движения ума, не направленного к порядку, – ем ли я, пью или сплю.

Это создает возможность жить. Следовательно, хаос есть нечто, принудительно возложенное на меня, так же как беспорядок. Таково мое наблюдение. Если вы скажете, что это не так, значит, ваше и мое наблюдения не сходятся.

П. Во всех наблюдениях, которые мы вели вместе с К., мы наблюдали «я» в его деятельности, и его природа для нас раскрылась.

М. Нет, это только гипотеза. Мы играем словами.

Ум не способен координировать факторы. Никакого раскрытия не происходит. Нет никого, кто бы мог нам сказать.

П. Соглашаюсь. Процесс самонаблюдения как таковой обнаруживает это. Это говорит вам не кто-то другой.

К. Этот человек говорит, что центр – источник беспорядка. Движение повседневной жизни продолжается во сне. Это то же движение, и сновидения – это выражение «я». Когда я просыпаюсь, я говорю: «У меня были сновидения». Есть только одно средство передачи; сновидения – это «я», сновидения не являются чем-то отдельным от центра, создающего это движение, этот беспорядок. Следующий фактор – это глубокий сон. Осознаете ли вы, когда спите глубоким сном?

С. Кто осознает, что сон глубокий? Человек не может сознавать глубокий сон. Вы не говорите: «Мое состояние сна было необычным». Вы можете сказать: «У меня не было сновидений», «Я спал очень спокойно».

П. Фактически это означает, что вы хорошо спали.

М. Когда я сплю глубоким сном, я полностью осознаю, что сознание и мысли отсутствуют.

К. Итак, единственное, что человек может сказать, это: «Я спал очень хорошо, без сновидений». Как может человек исследовать то состояние, в котором нет сновидений, состояние, которое мы только что назвали глубоким сном? Происходит ли исследование посредством сознательного ума или на основании теории, повторения того, что сказал кто-то другой по этому поводу? Как вы вникаете в это?

С. Сон сам раскрывает себя. Иначе вы не можете ощутить то другое состояние.

К. Почему вы хотите его испытать?

С. Потому что я хочу выяснить, не есть ли это то же самое состояние.

П. Имеется состояние «бодрствования» и состояние «глубокого сна».

СВС. Согласно моим переживаниям при сне без сновидений центр отсутствует. Потом он снова появляется, он вспоминает, что я спал без сновидений; он снова начинает действовать.

С. Глубокий сон – это сон без центра.

К. Почему мы не говорим только о том, что доступно познанию?

П. Но вы хотели исследовать глубокий сон. Возможно ли это?

Д. Я вижу только один факт: во сне центра нет.

К. Д. говорит, что глубокий сон означает отсутствие центра.

М. Глубокий сон означает, что интенсивность сознания очень низка.

П. Я спрашиваю, возможно ли исследовать глубокий сон?

К. Что вы имеете в виду под «исследованием»? Могу ли я исследовать? Вы смотрите фильм, вы не отождествляете себя с ним, вы являетесь его частью, вы лишь наблюдаете.

С. Кто тот, кто наблюдает без отождествления?

К. Нет наблюдающего, есть только наблюдение.

С. П. спрашивает, можно ли исследовать глубокий сон?

К. Мы это понимаем. Можно ли его раскрыть, изучить, поддается ли он наблюдению? Я

говорю: «Да». Могу я просто наблюдать, не именуя?

Конечно, это возможно. Наблюдатель – это центр, это прошлое, наблюдатель – это беспорядок разделяющий, пространство между вами и мной.

П. Прежде всего у вас должно быть орудие, должен иметься инструмент, с помощью которых можно это сделать. Человек должен обладать таким состоянием осознания, при котором это возможно.

К. Существует ли наблюдение беспорядка без центра, осознающего, что имеется беспорядок? Если это может быть выяснено, то я выяснил все это движение в целом. Что такое порядок? Мы установили, что центр никогда не сможет осознать порядок. Что же представляет собой это состояние? Что такое добродетель, которая не сознается, как добродетель? То, что человек называет добродетелью, является лишь навыком, традиционным обычаем. Тщеславие пытается применить смирение, но остается тщеславием.

Так вот, что такое добродетель? Это состояние, при котором нет осознания, что является добродетельным.

Я просто объясню. Если центр осознает, что он обладает смирением – смирения нет. Добродетель – состояние ума, при котором он не сознает наличие добродетели. Поэтому он отбрасывает все практические приемы, все садханы. Порядок – это значит видеть беспорядок без центра. Вы не можете осознавать этот порядок. Если вы его осознаете – значит имеется беспорядок. Природа отчаяния П. Не могли бы мы рассмотреть корни отчаяния?

Это очень важная проблема жизни. В известном смысле корни скорби – это корни отчаянья, у них одинаковая природа.

К. Я хотел бы знать, что такое отчаяние. Я никогда не испытывал этого чувства. Поэтому, прошу вас, объясните мне его. Что вы имеете в виду под отчаянием?

П. Ощущение полной тщетности, пустоты.

К. таково ли оно – ощущение пустоты? Я не уверен в этом. Это не совсем так. Назовете ли вы отчаянием чувство, когда вы не знаете, что делать?

Р. Полное отсутствие значения, смысла – это вы имеете в виду?

ФВ. Я бы предложил – состояние полной безнадежности?

П. В известном смысле отчаяние не имеет никакого отношения к надеждам.

К. Связано ли оно со скорбью? Я спрашиваю, я ничего не предполагаю.

П. Это не жалость к себе. Жалость к себе – нечто очень мелкое.

К. мы ведем исследование. Имеет ли оно отношение к скорби? Связана ли скорбь с отчаянием в смысле глубокой жалости к себе, не находящей выхода?

П. У меня ощущение, что все эти описания слишком узки.

К. Они узки, но мы их расширим. Не сказали бы вы, что это означает дойти до конца пути, дойти до предела? Если вы не можете обойти что-то, вы идете другой путь, но это не является отчаянием.

ФВ. Я представляю себе, что мать испытывает отчаяние, когда ее ребенок умирает.

К. Не совсем так. Я бы не назвал это отчаяньем. Я бы думал, что это скорее является скорбью.

П. Разве не все мы испытали отчаяние?

К. Я не знаю. Я спрашиваю. Скажите мне.

П. Это полное дошедшее до предела ощущение тщетности.

К. Нет, П., вместо слова «тщетность» примените какое-то более значительное слово; «тщетность» – нечто мелкое; найдите способ выразить это иначе.

Р. Я думаю, что это конец, предел всего.

К. Конец надежд, конец исканий, конец взаимоотношений. Есть ли еще кто-нибудь,

испытывавший отчаяние?

ФА. Я думаю, это глухая стена.

К. Глухая стена не является отчаянием.

А. Что-то отмирает до того, как наступит смерть тела.

К. И это является отчаянием?

ПАР. Это беспомощность.

Б. Имеет ли оно какое-то отношение к скорби? Я думаю, это наиболее глубокая скорбь, скорбь, дошедшая до предела.

К. Б., вы хотите сказать, что никогда не испытывали отчаяния?

ПАР. Это противоположность надежды.

К. Нет. Знаете ли вы, что такое отчаяние? Можете ли вы сказать мне, что это такое?

ПАР. Состояние, появляющееся в результате неудачи.

К. неудачи? Вы сводите его к чему-то очень мелкому. Я думаю, отчаяние – нечто гораздо большее по масштабам. Я разговаривал с людьми, находившимися в отчаянии. По-видимому, никто из вас не испытывал отчаяния. Случалось это с вами?

Р. Я думаю, что не испытывал отчаяния. Я знаю страдание.

К. Я хочу расспросить. Когда мы говорим об отчаянии, является ли это чем-то глубоким, или это просто ощущение, что человек у предела?

П. Вы знаете отчаяние. Расскажите нам хоть немного о нем.

ПАР. Является ли оно мраком?

К. Нет, сэр. Знаете ли вы, что такое отчаяние?

Человек, который страдает, точно знает, что такое отчаяние. Человек говорит: «Я страдал. Мой сын умер. Я испытываю мучительное чувство изолированности, утраты, жалости к себе; это потрясающая буря, кризис». Не назвали бы вы отчаяние кризисом?

ДЖИС. Да, сэр.

К. Прошу вас, не соглашайтесь пока со мной. По-видимому, за исключением одного или двух, никто не испытывал отчаяния.

Р. Не есть ли это некая форма бегства от страдания?

К. В отчаяние включена ревность, ощущение утраты, ведь так? Вы принадлежите мне, и вдруг вы меня бросаете, возводите стену между нами – является ли это частью отчаяния? Я испытываю боль где-то в глубине моего «я», я не говорю, что это закономерно или не закономерно, я просто спрашиваю, что такое «отчаяние»? Каково значение этого слова по словарю?

ФВ. Корень слова исходит из надежды.

К. Испытывали ли вы отчаяние, сэр? Это обычное слово, которое мы – вы и я – употребляем; знаете ли вы, что оно означает – отчаяние? Есть ли это глубокое ощущение страха?

П. Когда вы всматриваетесь в самую глубину себя, в корни самого себя, думаете ли вы, что возможно отличить страх от отчаяния?

К. Нет, я считаю, что слово отчаяние отличается от ощущения страха.

П. Когда вы доходите до самого дна, то становится очень трудно установить различие между страхом, скорбью и отчаянием.

К. Разрешите спросить – не вас лично, – действительно ли вы дошли до глубочайших глубин самих себя? И если дошли, оказалось ли, что там отчаяние?

П. Сэр, когда вы задаете этот вопрос, дать ответ невозможно. Как может человек дойти до такой глубины?

К. Есть ли это ощущение беспомощности, или нечто гораздо более значительное?

П. Это нечто большее. Ибо при беспомощности есть надежда.

К. Следовательно, это более значительное, чем надежды. Что это за чувство или состояние, когда человек ощущает полное, предельное отчаяние? Является ли это полным отсутствием какого-либо движения, и поскольку движение полностью прекратилось, назвали бы вы это отчаянием?

П. Как вы устанавливаете различие?

К. Послушайте, я люблю своего сына, но человека из него не получилось, и я ничего не могу поделать.

Я не могу даже говорить с ним, не могу даже приблизиться к нему, я почти не способен с ним общаться.

Не является ли такое состояние безысходным? Это отчаяние, безысходность. Не считаете ли вы, что быть отчаявшимся означает состояние безысходности?

ФВ. Мы иногда говорим: «Я отчаянно хочу чего-то».

Это является проекцией того, что я чего-то хочу.

П. Бывает крайняя неотложность в отношении этого. Бывает, что в этом нет никакой неотложности.

ФВ. Тогда слово «отчаянный», «безысходный» не подходит.

П. Отчаяние – очень важное в жизни слово.

Б. Это также полное отсутствие энергии. Быть в отчаянии не значит потерять надежду в отношении чего-то, но это знак низшего уровня энергии, каким только может человек обладать.

П. Когда вы погружаетесь в глубины, вы не можете отличить скорбь от отчаяния. Я не думаю, что есть серьезное основание разделять их.

С. П., в начале вы хотели установить различие между отчаянием и скорбью.

П. Я прихожу к выводу, что когда вы погружаетесь очень глубоко, различия между отчаянием и скорбью не существует.

К. Спрашиваете ли вы, что является корнем скорби?

П. Нет, сэр. Я не в состоянии отделить скорбь от отчаяния.

ДЖИС. Отчаяние – это ощущение небытия.

ФВ. Но корень слова должен иметь какое-то значение.

П. Он может не иметь значения. Слово может не передавать всего смысла. Сэр, к вам приходили люди, испытывавшие отчаяние. Они ощущали скорбь небытия, отчаяние.

К. П., говорим ли мы, что отчаяние связано со скорбью, с ощущением полного отречения от всех взаимоотношений?

П. Да, это предел муки.

К. Предел муки, чувство полной изолированности, означающей недоступность каких-либо взаимоотношений. Связано ли отчаяние со скорбью, с изолированностью, с отказом от сего-то?

ДЖИС. Это ощущение полного конца, конца ваших надежд, чаяний.

К. Дошли ли вы, или кто-либо из вас, до этой точки?

До мрака души, как это называют христиане, до беспросветной ночи в душе? Назвали бы вы это так?

Есть ли это отчаяние? Это нечто гораздо более сильное, чем отчаяние.

П. Вы не можете сказать мне, что я нахожусь на этом или том уровне.

К. Давайте начнем по-другому, П. Давайте возьмем слово, вникнем в глубину слова, в значение слова «скорбь». Начните с этого.

П. Мы все знаем скорбь в разных ее степенях.

К. Печаль, ощущение беспомощности, невозможность найти выход. Вызывает ли это отчаяние?

П. Это и есть отчаяние. С чем же вы не согласны?

К. Я бы не назвал это отчаянием. Давайте продвигаться медленно. Надо нащупать правильный путь.

Мой сын умер и это я называю скорбью. Я потерял его, я никогда его не увижу. Я жил с ним, мы играли вместе; все это кончилось, и я осознаю, как бесконечно я одинок. Назовете ли вы это чувство, это ощущение одиночества, отсутствия близкого человека -назовете ли вы это отчаянием? Или это глубокое ощущение полного отсутствия взаимоотношений с кем-либо – это одиночество? Назовете ли вы одиночество отчаянием?

П. Вы пользуетесь словом, чтобы описать некую ситуацию.

К. Я дам описание ситуации.

П. Вы можете применить слово «скорбь» или слово «отчаяние», но ситуация будет все та же.

К. Что это, как найти из этого выход, что предпринять по отношению к этому?

П. Нет, вы сказали: «Оставайтесь со скорбью».

Является ли скорбь суммированием всей энергии?

К. Мне это не ясно.

П. Вы говорили, что в глубине скорби происходит суммирование всей энергии. То другое должно быть таким же по природе.

К. Я понял то, что вы говорите. В прошлый раз К.

сказал, что скорбь – это сущность всей энергии, квинтэссенция энергии. Вся энергия сосредоточена там, я думаю, что это верно. Так вот, является ли это фактом, действительностью?

П. Сегодня утром у меня было другое ощущение того, что я называю отчаяньем. Это ощущение было полным, абсолютным. Любое утверждение, которое я теперь выскажу, заставит меня отойти от него.

К. Послушайте, П., кажется, это стало мне ясно.

Мой сын умер, и я не знаю, что в это включено. Это факт, и ничто не может его изменить. Является ли отказ принять факт отчаяньем? Я полностью принимаю факт смерти моего сына, я ничего не могу с этим поделать. Он ушел, я остаюсь с этим фактом. Я не называю это отчаяньем. Я вообще не применяю к этому никакого наименования. Я остаюсь с конкретным фактом, что все кончено. Что вы скажете?

Можете вы остаться с этим фактом, не делая никакого движения, чтобы уйти от него?

П. Значит ли это, что скорбь и отчаяние не являются не подлежащим изменению фактом?

К. Нет... Давайте продвигаться медленно, серьезно. Я любил своего сына, и внезапно он ушел. Как результат появляется потрясающее ощущение энергии, это называется скорбью. Верно? Слово «скорбь» – указание на факт; остается только этот факт. Это не отчаяние. Давайте продвигаться от этого. Я хочу понять, что происходит фактически, когда возникает этот огромный кризис и ум осознает, что все формы бегства – это проекция в будущее. И остается с фактом, не предпринимая никакого движения. Могу ли я, может ли ум остаться с этим непоколебимым фактом, не пытаясь уйти от него? Попробуем изложить это очень просто. Я рассержен, возмущен, ибо я посвятил чему-то всю свою жизнь, а кто-то совершил предательство. Я вне себя от возмущения. Это возмущение является энергией. Вы следите? Я ничего не предпринял в отношении этой энергии. Это накапливание всей вашей энергии, выражающейся как возмущение, озлобление. Могу я остаться с этой злостью, с этим возмущением? ничего не предпринимая, не проявляя во вне, не рационализируя, просто пребывая в этом? Возможно ли это? И что происходит? Я бы даже не назвал это отчаяньем.

А. Не назвали бы вы это состоянием депрессии?

К. Нет, нет. Это реакция. Я остаюсь с этим. Оно само скажет мне. Я не собираюсь назвать

это депрессией. Это означало бы, что я оказываю какое-то воздействие.

А. Я говорю, что имеется больной, имеется некая инфекция и лихорадочное состояние, свидетельствующее о наличии инфекции. Таким путем я наблюдал за своим раздражением, не пытаясь предпринять что-либо в отношении него.

К. Нет, А., я не имею в виду, что вы его наблюдаете.

Вы есть это полное возмущение и злость, вы -энергия этой злости.

А. Нет никакой энергии. Имеется лишь чувство полной беспомощности.

К. Нет. Мне кажется, что я понял, о чем говорит П., а именно: я начинаю понимать, что запутался в сети, которую сам создал, и я не могу двинуться, я парализован. Будет ли это отчаяньем?

ДЖИС. Если женщина, не умеющая плавать, видит, что ее сын тонет, тогда, я полагаю, она испытывает подлинное отчаяние, ибо она знает, что он мог бы быть спасен, но что она не в состоянии это сделать.

К. Прекрасно, сэр. Но я думаю, что мы уходим в сторону от чего-то. Мы теперь описываем различными способами смысл отчаяния, скорби, всего этого.

А. То состояние, которое вы сейчас описывали, и то, о котором говорила П., отличаются от раздражения. Раздражение – это реакция на поведение когото другого. А мы имеем в виду реакцию на свое собственное положение.

К. Это не реакция, но осознание своей собственной недостаточности, и эта недостаточность, не поверхностная, а в самой глубине, является отчаянием, не так ли?

ФВ. Не есть ли это нечто гораздо большее? Осознание недостаточности кажется мне сомнительным, ибо при этом имеется уже элемент нежелания примириться с этой недостаточностью и принять ее.

П. Как вы можете это знать?

ФВ. Я пытался придти к этому из сказанного вами.

К. Послушайте, ФВ., вы или чувствуете это, или это не является фактом. Я хотел бы спросить, могли бы вы сказать, что у вас когда-либо было ощущение абсолютной недостаточности?

ФВ. Я не помню, я не знаю.

К. Так вот, я прихожу к вам и говорю, что я ощущал эту абсолютную недостаточность, и я хочу ее понять: она кипит во мне, и я в отчаянном состоянии из-за нее. Что вы предприняли бы по этому поводу? Как бы вы помогли мне уйти за пределы этого?

ФВ. Я знаю нечто, весьма схожее с этим, например, я не в состоянии понять большую часть того, что происходит в нашей жизни, и я так же вижу, что мозг совершенно не в состоянии понять. Так вот, если вы имеете в виду эту недостаточность, я ее осознаю.

К. Сэр, я сознаю в себе эту недостаточность. И я стараюсь заполнить ее разными вещами. И я вижу, что хотя я ее заполняю, пустота остается. Я дошел до той точки, когда мне становится ясно, что недостаточность не может быть стерта, заполнена. Это подлинная скорбь или отчаяние. То ли это, П.? Вглядитесь, я хочу дойти до чего-то. Мой сын умер. Я не только в отчаянии, я испытываю глубокий шок. У меня глубокое ощущение утраты, которое я называю скорбью. Моя инстинктивная реакция – убежать от этого, объяснить, что-то предпринять. Но я сознаю бесполезность всего этого и никак не действую. Я не назову это скорбью или отчаянием, или раздражением, но я вижу только факт и ничего другого. Все остальное не является фактом. И что тогда происходит? Вот это я и хочу выяснить. Если это отчаяние, и вы остаетесь с ним без малейшего движения мысли, что происходит? Вот о чем мы должны провести дискуссию.

Р. Это очень трудно, ибо мысль говорит: «Останься с этим», и это опять-таки мысль.

К. Нет, это интеллектуальная игра. Это абсолютно не обосновано. Я стою перед не

подлежащим изменению фактом и подхожу к нему с отчаянным желанием изменить его, какая бы ни была у меня причина – любовь, привязанность, любой мотив, и я начинаю бороться с ним, но факт не может быть изменен. Могу ли я встретить факт лицом к лицу, без ощущения надежды, отчаяния, всех этих словесных построений, сказав просто: «Да, я – то, чем я являюсь»? Я полагаю, тогда произойдет какое-то взрывное действие, если я смогу остаться там.

А. Сэр, прежде, чем это произойдет, должно быть проведено какое-то очищение; как мне представляется, необходимо очищение сердца.

К. Я бы не назвал это очищением, А., вы знаете, что такое скорбь, не так ли? Можете ли вы остаться с ней без малейшего движения? Что происходит, когда нет движения? Я подхожу к этому. Мой сын умер, это не поддающийся изменению непоколебимый факт, и когда я остаюсь с ним, что также является непоколебимым фактом, эти два факта сталкиваются.

П. В глубине скорби, не имеющей определенной причины, нет ничего, что вызывало бы реакцию, нет никакого события, требующего реакции.

К. Невозможен какой-либо аналитический процесс, я понимаю.

П. В известном смысле мысль тут парализована.

К. Да, это именно так. Имеется непоколебимый факт, что мой сын умер, и невозможность от него убежать – это второй факт. Так вот, когда эти два факта сталкиваются – что тогда происходит?

П. Как я уже сказала, прошлое продолжает пребывать, это происходит не по моей воле.

К. Я понимаю.

П. Так вот, что возможно после этого?

ДЖИС. Недостаточная степень осознания не допустит двух фактов.

К. Вот это я и хочу выяснить. Что-то должно произойти. Я спрашиваю – имеются ли два факта, или только один. Смерть моего сына – это факт, от которого я не должен отходить. А дальнейшее – это не факт, это идея, и поэтому это не факт. Имеется только один факт: мой сын умер. Это абсолютный непоколебимый факт, это действительность. И я говорю себе: «Я не должен от него убежать, я должен встретить его во всей полноте». И затем я говорю, что это уже факт. Но я сомневаюсь, факт ли это. Это идея. Это не является таким фактом, как факт смерти моего сына. Он ушел. Есть только один факт. Когда вы отделяете факт от себя и говорите: «Я должен встретить его с полнейшим вниманием» – это не представляет собой факт. Фактом является лишь тот другой.

С. Но мое движение есть факт, ведь так?

К. Является ли это фактом или идеей?

С. Но разве не является фактом мое нежелание остаться с этим, мое движение, чтобы уйти от этого раздражения, от причиненной боли.

К. Да, конечно. Вы помните – в одной из предыдущих дискуссий мы говорили, что абстракция может быть фактом. Я верю, что я – Иисус. Это является фактом, как и мое убеждение, что я – хороший человек. И то, и другое – факты, созданные мыслью.

Вот и все. Скорбь не создается мыслью, но чем-то действительно случившимся, что переходит в скорбь.

С. Скорбь не создается мыслью?

К. Подождите, вникайте в это медленно. Я не уверен. Как я сказал, это диалог, дискуссия. Я что-то говорю. Вы должны проверить.

С. Существуют различные виды скорби.

К. Нет, нет. Мой сын умер. Это факт.

Р. И вопрос в том, чтобы встретить факт – его уже нет.

ДЖИС. Скорбь не является фактом?

К. Мой сын умер. Это факт. И этот факт раскрывает природу моих взаимоотношений с ним, мою привязанность к нему – что не есть факт.

П. Сэр, это происходит позднее. Когда мой сын умирает, есть только одно это.

К. Это и есть все, что я говорю.

П. Фактически, когда ваш сын умер, можете вы уйти от этого?

К. На данный момент он парализован, полностью парализован.

П. Это на данный момент.

К. Нет, видите ли, мой сын умер, и я этим парализован; как психологически, так и физиологически я в состоянии шока. Но постепенно шок ослабевает, рассеивается.

П. В известном смысле интенсивность этого состояния изживается сама из себя.

К. Нет. Шок – это не осознание факта. Это шок физический. Кто-то ударил меня по голове.

П. Это вызывает шок, К. Вот и все. Произошел паралич, на несколько дней, на несколько часов или минут. Когда происходит шок, мое сознание не функционирует.

П. Что-то функционирует.

К. Нет, просто слезы. Это одно состояние, но оно не перманентно. Это переходное состояние, из которого я потом выхожу.

П. Но в тот момент, когда я выйду...

К. Нет, шок произошел, я действительно это чувствую.

П. Как вы воспринимаете эту действительность?

К. Давайте посмотрим. Мой брат или сестра умирает, и в такой момент – этот момент может продолжаться несколько дней или два часа – это потрясающий психологический шок. Нет никакой деятельности ума, не действует сознание. Это состояние парализованности. Это даже не состояние.

П. Это скорбь, но это энергия скорби.

К. Эта энергия была слишком сильна.

П. Всякое движение отхода является растратой энергии.

К. Нет, но тело не может оставаться психологически в состоянии шока.

П. Как тогда оно воспринимает скорбь?

К. Я подхожу к этому. Это подобно человеку, который, будучи парализован, хочет говорить. Но он не может.

П. Что происходит, когда шок рассеивается?

К. Вы как бы пробуждаетесь по отношению к факту, к факту смерти вашего сына. Тогда начинается деятельность мысли, ее движение. Возникают слезы. Я говорю: «Я хотел бы, чтобы я поступал лучше, чтобы я не произнес последних жестоких слов в последнюю минуту». Затем начинаются поиски путей бегства: «Я бы хотел встретить моего брата в следующей жизни, на астральном плане». Я убегаю. Я говорю: «Если ты не убежишь, если ты не будешь наблюдать факт, как нечто отдельное от тебя – тогда наблюдатель есть наблюдаемое».

П. Все это в целом является первоначальным состоянием шока.

К. Я не уверен в этом, П. Продолжайте вникать в это. Произошел шок, который тело и психика не могут вынести. Имеется возникший паралич.

П. Но если имеется энергия?

К. Шок слишком силен. Он чересчур силен. Это факт.

П. Давайте продвигаться медленно, сэр.

К. Значит, мы говорим о разных вещах.

П. В самый момент смерти происходит полное осознание этого. Потом оно рассеивается.

К. Нет. Не поставите ли вы вопрос иначе, П.?

Отложите смерть в сторону на данный момент.

П. Но это тоже нечто целостное.

К. Подождите, я подойду к этому. Когда происходит смерть, потрясающий шок перекрывает все. Это не гора, не изумительная красота пейзажа. Эти два состояния совершенно различны.

П. Это зависит от состояния ума.

К. Это зависит от состояния взаимоотношений.

П. И от состояния ума, когда смерть действительно произошла.

К. Да. Так о чем же идет дискуссия? О чем ведется диалог?

П. Мы пытаемся выяснить, как в этом максимуме энергии возникающем из отчаяния, смерти, скорби, происходит некая химическая реакция, преобразующая эту энергию, которая кажется разрушительной и причиняющей боль, в то, что вы называете страстью.

Если человек допустит разрушительное, как ржавчина, воздействие скорби и отчаяния – что является естественным процессом – то это вводит другой элемент.

К. Если энергия не растрачивается на слова, если энергия, возникшая от шока какого-то значительного события, не растрачивается, то эта энергия без всякого мотива имеет совершенно иное значение.

П. Разрешите спросить – удерживается ли она в сознании?

К. Нет, это происходит не в сознании.

П. Не в сознании?

К. Нет. Если вы удерживаете ее в сознании, то она есть часть мысли. Ваше сознание построено мыслью.

С. но она возникла в сознании.

К. Нет.

С. Тогда что она такое?

К. Удержание ее, пребывание с ней, не пытаюсь убежать от нее.

П. Что это за сущность, которая не двигается?

К. Нет никакой сущности.

П. Тогда что это?

К. Сущность возникает, когда есть движение отхода от факта.

П. Как сущность сама приводит себя к концу?

К. Послушайте, П., давайте подойдем к этому совсем просто.

П. Это очень важно.

К. Я согласен, это очень интересно. Происходит шок. Шок вызвал понимание, появляется скорбь.

Само слово «скорбь» уже есть отвлечение. Бегство есть отвлечение от факта. Полностью остаться с фактом означает, что не происходит никакого вмешательства движения мысли; поэтому теперь вы не удерживаете сознательно, не происходит сознательного удержания этого. Я повторяю. Сознание построено, составлено мыслью. Содержание создает мысль.

Событие смерти внутри моего сознания. Это очень важно. Мне удалось раскрыть что-то.

П. Заставляет ли именно сила этой энергии полностью замолчать мысль?

К. Вы можете применить и такую форму определения. Мысль не может к этому прикоснуться. Но наша обусловленность, наши традиции, наше воспитание заставляют нас прикоснуться к этому изменить, модифицировать его, рационализировать, что является деятельностью сознания.

Р. Но суть всего как будто состоит в том, что придается и той форме, что это принимает, и это является семенем, из которого вырастает все остальное отвлечение.

К. Это очень интересно. Я не могу вспомнить, когда умер мой брат. Но из того, что мне говорили С. и другие, видимо, был период шока, и когда К. вышел из него, он остался с этим, он

не пошел к м-с Безант и не просил помочь ему. Так что теперь я могу видеть, как все это происходит. Когда шок проходит, вы оказываетесь перед фактом, что произошло потрясающее событие: смерть, не моя или ваша, моего брата или вашего брата, но произошла смерть, что является необычайным событием, таким же необычайным, как и рождение. Так вот, может ли человек взглянуть в это, наблюдать, не вводя в это сознание как мысль?

П. Давайте возвратимся к скорби. Вы сказали: «Скорбь – не порождение мысли».

К. Да, скорбь не порождается мыслью. Что вы скажете об этом?

П. Когда умирает скорбь, мысль отсутствует.

К. Подождите, подождите, П. Скорбь – не дитя мысли. Вот что сказал К. Почему? Слово «скорбь» – это мысль. Слово не есть предмет, поэтому чувство скорби не есть слово. Когда применяется слово, оно становится мыслью.

ДЖИС. Мы говорим о ситуации, когда произошел шок. Возникновение этой энергии, возвращение сознания есть скорбь.

К. Я назвал это скорбью.

ДЖИС. Это возвращение в состояние скорби.

К. Нет. Имеется шок. Затем происходит движение отхода от шока.

П. Если освободить скорбь от слова...

К. Конечно. Вот почему я хочу добиться полной ясности. Слово не есть предмет, поэтому чувство скорби не есть слово... Если нет слова, нет мысли.

П. Скорбь существует; если вы отбросите слово, содержание останется.

К. Конечно. Так вот, возможно ли не применять названия? Как только вы применяете имя, вы вводите его в сознание.

С. Не является ли существующее состояние частью сознания до применения наименования? Слово «скорбь», как только вы называете состояние скорбью, оно становится чем-то другим. То, «что есть», является ли оно частью сознания, пока оно не названо?

К. Мы выяснили, что сознание является его содержанием. Его содержание складывается мыслью. Происходит событие, при котором энергия шока вытесняет сознание на мгновение, дни или месяцы. Затем, когда шок ослабевает и прекращается, вы начинаете придавать состоянию определенное наименование.

Таким образом вы вводите его в сознание. Но когда оно возникает, оно вне сознания.

Регистрирование, движение тысячелетий

П. К., вы говорили об удержании качества раздражения, страха, любой сильной эмоции, без слова в сознании. Не могли бы мы исследовать это? Уничтожение обиды, страха, раздражения, всего темного, имеющегося в человеке, возможно только, если происходит то, о чем вы говорите. Можем ли мы обрести ту страсть чувств, которая ведет за пределы всех этих слов – страх, раздражение и т. д.? Может ли это удерживаться в сознании?

К. Что это значит – удерживать чувство раздражения или чего бы то ни было, без слова? Возможно ли это?

П. И существует ли что-либо без слова?

К. Продолжайте.

ФВ. И существует ли страх, если нет слова «страх»?

И какова природа энергии в теле и во всем существе, если нет наименования?

А. Для нас ясность – это наименование. Когда мы пытаемся исследовать сильное чувство или помеху, мы хотим точно знать, что они собой представляют.

Мы не хотим самообмана. Внутренне, еще до того, как нам удалось полностью охватить это, мы уже дали этому наименование. Таким образом, задача наименования является одновременно и нашим орудием для обретения ясности, и причиной смятения.

К. Отличается ли слово от факта, от того, «что есть»? Является ли слово «дверь» чем-то другим, чем дверь? Слово «дверь» не является конкретной дверью.

Итак, слово не есть предмет.

Р. Тогда возникает вопрос, может ли человек вообще определить реально существующее?

К. Мы выясним это. Мы будем вникать в это медленно.

Р. Есть ли разница между определением «слово «дверь» не является дверью» и тем, что слово «страх» не является страхом?

К. Слово «дверь» не действительность. Имя «К.» – не действительность. Форма – не действительность.

Таким образом, ясно, что слово не есть предмет.

Слово «дверь» отличается от действительности. Мы пытаемся выяснить, отличается ли слово «страх» от действительности. Изображает ли слово действительность и существует ли действительность вне слова?

С. каково ощущение страха, при отсутствии слова?

К. Давайте продвигаться очень, очень медленно. Я хочу добиться для себя полной ясности. Имеется слово «страх». Так вот, отличается ли слово «страх» от действительности, от эмоции, от ощущения страха, и имеется ли ощущение при отсутствии слова?

Р. Слово – это мысль.

К. Значит, слово является средством, с помощью которого мысль выражает себя. Может ли мысль проявляться помимо слова? Конечно, может – жест, взгляд, кивок головы и т. д. Но вне слова мысль может быть выражена в очень ограниченных пределах. Если вы хотите объяснить что-то очень сложное по мысли, слово необходимо. Но слово не является фактической мыслью, фактическим состоянием.

А. Я хочу отметить одну трудность: мы воспринимаем через органы чувств. Этот процесс заканчивается, когда устанавливается наименование. После этого начинается третий процесс. После установления наименования в моем мозгу начинается ряд многочисленных осложнений. Я вижу это и отмечаю слово, наименование. Слово отмечается, но чувство не отмечено.

К. Я не вполне в этом уверен, А. П. спрашивает, каково качество ума, который может без

Слова удерживать чувство, при отсутствии всякого движения. Верно?

Р. Но мы спрашиваем, может ли возникнуть чувство без слова?

К. Вот и все.

П. Мне хотелось бы отметить, что очень многое возникает в сознании раньше, чем слово.

РАД. Изначальный страх, но удержится ли он без слова?

П. Я не говорю об удержании. Но имеется очень многое, например, нежность, радость.

К. Можете ли вы наблюдать что-то без слова?

Можете ли вы наблюдать меня, форму на данный момент, без слова?

П. Да.

К. Вы можете. Итак, вы уже наблюдаете форму, вы отбросили слово «К.» и наблюдаете форму.

П. Мы наблюдаем. Я не говорю, что мы наблюдаем.

К. В таком случае, что вы наблюдаете?

П. Видите ли, сэр, как только вы говорите: «Я наблюдаю форму», – происходит наименование.

К. Наименование должно быть.

П. Наименование должно быть.

К. Нет.

П. Послушайте, сэр, прошу вас, когда я говорю, что имеется только наблюдение, то форма является частью наблюдения, всей сферы наблюдения в целом.

Я наблюдаю не только вас, я просто наблюдаю.

К. Я сказал – отбросьте слово «К.» и наблюдайте форму. Вот и все. Конечно вы наблюдаете; я ограничиваю это формой. Наблюдаете ли вы форму?

П. Да. Я наблюдаю форму.

К. К чему вы пытаетесь подойти?

П. Я пытаюсь увидеть, предшествует ли этому возникновение слова.

К. П., не будем усложнять. Имеется страх. Я хочу выяснить, не создан ли этот страх словом. Слово – это узнавание того, что я назвал страхом, ибо этот страх продолжался на протяжении многих лет, и я узнал его через слово. Десять лет назад я испытал чувство страха и зарегистрировал ощущение в мозгу под этим словом. Сегодня это ощущение возникает снова, и немедленно происходит процесс узнавания, являющийся словом. Вот так слово создает ощущение, что это чувство было испытано прежде. Слово укрепляет чувство, стабилизирует и питает его.

Р. Да. Поддерживает, продлевает его.

К. Оно удерживает его. Слово удерживает чувство в результате узнавания его, через воспоминание и все прочее. Так вот, я спрашиваю, может ли возникнуть страх, если нет слова? Слово является процессом узнавания. Ф., взгляните в это. Вы испытываете страх. Как вы можете знать, что вы его испытываете?

ФВ. Называя его.

К. Так как же вы это знаете?

ФВ. Я испытывал страх прежде, поэтому это чувство мне знакомо. Когда оно снова появляется, я узнаю его.

К. Если вы его узнаете, то процесс происходит на словесном уровне. А каково состояние, если вы его не узнаете?

ФВ. Страх нет. В теле имеется энергия.

К. Нет, сэр. Не применяйте слово «энергия», ибо нам нужно вникнуть в нечто другое. Имеется страх. Я его узнал, так как я его назвал. Применив наименование, я внес его в каталог, и

мозг вспоминает и узнает его, удерживает его. Если не происходит узнавания, словесного движения – имеется ли тогда страх?

П. Есть нарушение, помеха.

К. Я пользуюсь словом «страх». Придерживайтесь этого.

П. разрешите сказать, что страх не такая простая вещь, чтобы вы могли сказать, что применения имени не происходит; страх не...

К. Я пока еще этого не говорю. Конечно, имеется много сложного, включенного во все это.

П. Это потрясающая вещь.

С. Психологически что-то происходит до того, как дано наименование.

П. имеются чрезвычайно глубокие страхи.

ФВ. Если мы примем только то положение, что слово создает страх, это будет означать, что в страхе нет никакого содержания.

К. Я не говорю этого. Имеется процесс узнавания.

Если этот процесс узнавания не существует, если это вообще возможно, чем тогда является страх? Я не говорю, что он не существует. Я задаю вопрос. Если нет процесса узнавания, если нет деятельности памяти, что такое то, что мы называем страхом?

П. Уберите слово «страх» и посмотрите, что останется. Какое слово я ни применю, оно подойдет так же точно, как слово «страх» К. Я подхожу к этому совсем по другому. Вы оскорбляете меня потому, что у меня имеется представление. Происходит немедленная регистрация. Я спрашиваю: может эта регистрация сразу закончиться в момент, когда вы оскорбили меня, так, чтобы никакой записи не произошло?

С. Я не понимаю. Это совсем иной процесс.

К. Это совершенно тоже самое. Страх возникает потому, что я боюсь прошлого. Прошлое зарегистрировано, и событие прошлого пробуждает чувство страха. Этот страх был зарегистрирован. Возможно ли наблюдать новое чувство, каким бы оно ни было, не приводя в действие прошлое? Поняли вы теперь?

РАД. Ощущение узнавания возникает прежде, чем вы называете появившееся чувство страхом.

К. Нет, послушайте. Давайте продвигаться спокойно. Вы оскорбили меня. Я оскорбил вас. Что происходит? Вы это регистрируете, верно?

РАД. Я регистрирую это, когда это происходит в первый раз. Это само по себе создает в дальнейшем импульс.

П. Поэтому остановите этот импульс. Может ли он быть остановлен? Послушайте, РАД, давайте подойдем к этому проще. Вас обидели. Не так ли. С самого раннего детства вам причиняют боль, обижают по разным причинам, и это было зарегистрировано очень глубоко в уме, в мозгу. Инстинктивная реакция – желание избежать боли. Поэтому вы возводите стену, замыкаетесь. Так вот, если вы не будете возводить стену, сможете ли вы тогда знать, что вам причинили боль, сможете ли вы осознать это и при следующем случае причинения боли не регистрировать этот процесс?

ФВ. Что вы имеете в виду под регистрацией?

К. Наш мозг – магнитофон. Он все время регистрирует то, что нравится и не нравится, наслаждение и боль. Его движения непрерывно. Я говорю вам что-то неприятное, и мозг немедленно это воспринимает, регистрирует. Так вот, я говорю: «Можете ли вы не допускать узнавания, хотя регистрация имеется? И не регистрировать следующую обиду, когда она произойдет? «Я хочу самого простого подхода к этому вопросу. Вы понимаете, о чем я говорю? Прежде всего, взгляните в вопрос. Ясен ли он?

ФВ. Это означает – с самого начала не создавать представления.

К. Нет, нет. Не вводите пока в это представление.

Этим вы только усложняете вопрос. Можете ли вы узнать слово, но не зарегистрировать его? Сначала взгляните в это. Мозг все время регистрирует. Вы называете меня глупцом, и это регистрируется по разным причинам. Это факт. Теперь следующий вопрос: может это регистрирование остановиться? Без этого ни ум, ни мозг не могут обрести ощущение свободы.

П. Мозг является чем-то живым. Он должен регистрировать. Регистрирование – это одно, а отсечение импульса – это движение отхода от регистрирования.

К. Об этом я и говорю.

С. Не говорите ли вы о двух вещах: одна – это остановка импульса: вторая – продолжение регистрирования?

К. Прежде всего, вникните в то, что я говорю. Затем вы можете задавать вопросы. Тогда вы можете добиться ясности.

П. Когда вы говорите, что не надо регистрировать, означает ли это, что клетки мозга должны прекратить работу?

К. послушайте, П., это очень важно: если нет возможности остановить регистрирование, то мозг становится механическим.

А. Я в этом сомневаюсь; вы слишком упрощаете вопрос. Фактически при том состоянии, в котором мы воспринимаем что-либо, мы не знаем, будет ли это приятно или неприятно, и в этот цикл входит страх. Он возникает из прошлого и не имеет непосредственного отношения к тому, что я воспринимаю. Но имеется то, что воспринимает.

К. Пока мозг непрерывно регистрирует, он движется от знания к знанию. Так вот, я бросаю слову вызов.

Я вижу, что знание ограничено, фрагментировано и т. д., и я спрашиваю себя, может ли регистрирование остановиться.

ГМ. Может ли мозг ответить на этот вопрос?

К. Я думаю, что может, в том смысле, что мозг может осознать свой собственный процесс регистрирования.

П. имеются некоторые страхи, с которыми вы можете справиться таким образом. Но страх был воплем человека на протяжении тысячелетий. И вы являетесь этим воплем.

К. Я знаю. Точка. Этим тысячелетним воплем является страх. Мозг регистрировал в течение тысячелетий. Поэтому регистрирование стало его частью.

Мозг стал механическим. Я говорю: «Может ли этот механический процесс остановиться?» «Вот и все.

Если он не может быть остановлен, мозг превратится в механизм, каким он и является. Все это – часть традиции, часть повторения, часть непрерывного регистрирования, происходящих на протяжении тысячелетий. Я задаю простой вопрос, в котором большая глубина, а именно: может ли он остановиться? Если это невозможно, человек никогда не будет свободен.

ПАР. Могу я задать вам вопрос? Почему мы вообще регистрируем?

К. Ради безопасности, самосохранения, самозащиты, уверенности. Узнавание придает мозгу ощущение безопасности.

П. Не включен ли в это сам мозг? Его эволюция происходит через регистрирование.

К. Его эволюция происходит через знание, являющееся регистрированием.

П. Что это ничто, говорящее внутри себя: «Остановись»?

К. Кто-то бросает мне вызов.

П. Что это за фактор, заставляющий вас сказать: «Остановись»?

К. Кто-то приходит и говорит: «Послушайте, на протяжении тысячелетий эволюция человека происходила через знание, и теперь вы бесспорно отличаетесь от обезьян». И он

говорит: «Вглядитесь, пока вы регистрируете, вы живете фрагментарной жизнью, ибо знание фрагментарно, и что бы вы ни делали при этом фрагментированном состоянии – все будет нецелостным. Поэтому имеются боль, страдание».

Вот так, закончив это объяснение, мы спрашиваем, может ли это регистрирование, может ли это движение из прошлого прекратиться. Послушайте, я задаю простой вопрос: может ли импульс тысячелетий перестать действовать?

П. Я спрашиваю вас, имеется ли что-то в самом качестве слушания?

К. Да, имеется. В этом все дело.

П. И это вслушивание может прекратить, остановить регистрирование.

К. Да, это так. Это точка, к которой я веду. Вы вошли в мою жизнь случайно. Вы вошли в мою жизнь и указали мне, что эволюция моего мозга произошла через знание, через регистрирование, через переживания, и что это знание, эти переживания являются по самой своей основе ограниченными. И любое действие, исходящее из этого ограниченного состояния, будет фрагментарным, и поэтому возникнут конфликт и боль. Выясните, может ли придти к концу этот импульс, имеющий потрясающие размеры и глубину.

Вы знаете, что это потрясающий поток энергии, являющийся знанием. Остановите это знание. Вот и все.

ФВ. Разрешите спросить: много раз упоминался магнитофон, ведущий непрерывно регистрирование, который сам не может остановиться. Так вот, может ли мозг остановить его?

К. Мы займемся выяснением этого. Прежде всего, взгляните в вопрос. Я считаю это очень важным.

Вслушайтесь в вопрос.

С. Является ли все мое сознание в целом только регистрированием? Оно должно остановиться. Но может ли мозг себя остановить?

И происходит ли все время только регистрирование?

К. Конечно.

С. Тогда что наблюдает это регистрирование?

К. Что это, наблюдающее это регистрирование и могущее его остановить. Я также знаю безмолвие, безмолвие между двумя шумами...

С. Регистрируется ли безмолвие, которое я переживаю?

К. Очевидно.

С. Для безмолвия нельзя применить слово «регистрирование».

К. Пока продолжается процесс регистрирования, он механичен. Существует ли не механическое безмолвие? Безмолвие, не являющееся мыслью, не вынужденное, не вызванное чем-то, не созданное воображением? Возникшее из всего этого безмолвие механично.

С. Но иногда человек переживает не механическое безмолвие.

К. Не иногда.

РАДЖ. Сэр, может ли возникнуть не механическое безмолвие?

К. Нет, нет, это меня не интересует. Я спрашиваю о чем-то совершенно ином: этот импульс, эта обусловленность, все сознание в целом – это прошлое.

Оно движется. Не существует будущего сознания.

Все сознание в целом – это прошлое, зарегистрированное, запомнившееся, скопленное, как пережитый опыт, знание, страх, наслаждение. Это весь импульс прошлого. И кто-то приходит и говорит: Вслушайтесь в то, что я вам скажу, можете ли вы прекратить этот импульс? Иначе этот импульс со всем своим фрагментирующим воздействием будет продолжаться до бесконечности».

РАДЖ. Я думаю, что движение можно остановить, если вы связываете себя с ним.

К. Нет, импульс – это вы. Вы не отделены от импульса. Вы не сознаете, что вы являетесь этим обширным импульсом, этим потоком традиций, расовых предрассудков, коллективных устремлений, так называемых личных побуждений. Если не удастся остановить это – будущего нет. Так вот, нет будущего, если этот поток не остановится. Вы можете называть это будущим, но это будет все тем же, несколько модифицированным. Нет будущего – я не знаю, видите ли вы это.

П. Происходит некое действие, и во мне возникает мрак. Появляется вопрос: может ли сознание со своим содержанием, являющимся мраком...

К. Заканчивайте. Удерживайте это.

П. Что вы конкретно хотите сказать?

К. Можете ли вы, может ли мозг удержать этот импульс, или то, что есть импульс, является идеей?

Вы проследили за тем, что я имею в виду? Вслушайтесь в это тщательно. Является ли импульс реальностью – или это идея? Если это идея, не умозаключение, тогда мозг находится в непосредственном контакте с импульсом. Я хотел бы знать, следите ли вы.

И поэтому он может сказать: «Прекрасно, я буду бдительно наблюдать». Наблюдает ли он, или просто дает ему возможность двигаться? Так вот, удерживаете ли вы слово, или вы наблюдаете это обширное движение? Вглядитесь – вы являетесь этим обширным движением. Когда вы говорите, что вы – это обширное движение, является ли это идеей?

РАДЖ. Нет.

К. Значит, вы являетесь им. Выясните, если это закончится – прошлое, включаясь в настоящее, вызов, вопрос, и на этом конец. Без этого страданиям не будет конца. Человек мирился со страданием в течение тысячелетий. Этот импульс продолжает действовать. Я могу дать десятки объяснений: перевоплощение, карма – но я продолжаю страдать. Это страдание исходит из обширного импульса человека.

Может этот импульс придти к концу без воздействия контроля? Контролирующий есть контролируемое.

Может импульс остановиться? Если он не прекратится, не будет свободы, и действие никогда не будет целостным. Видите ли вы все это в целом, действительно ли вы это видите?

П. Сможем ли мы когда-нибудь увидеть это? Когда мы видим чувство в настоящем, что мы фактически видим?

К. Я называю вас глупцом. Вы будете это регистрировать?

П. Я не могу сразу ответить. Зачем мне это регистрировать?

К. Не регистрируйте.

П. весь вопрос в том, насколько мои глаза и уши находятся во власти слова; если они не поглощены целиком словом, регистрирования не происходит, они спокойны и вслушиваются.

К. И что вы видите?

П. Я не вижу то движение, которое наблюдалось мной, пока велась дискуссия, и я говорю: что означает регистрировать факт? Я вслушиваюсь, вы вслушиваетесь. Вполне очевидно, если я вслушиваюсь в слово, которое произношу, я регистрирую, и это движение во вне отбрасывает его обратно. Но если глаза и уши видят и слышат, находясь в состоянии покоя, – тогда они воспринимают без регистрирования.

К. Итак, вы говорите, что во вслушивании может иметься спокойствие. Тогда нет регистрирования, но большинство из нас не спокойны.

П. Мы не можем ответить на этот ваш вопрос.

Почему человеку нужно регистрировать?

К. Нет, я задаю совершенно иной вопрос. Кто-то называет вас глупцом. Не регистрируйте

это.

П. Происходит не такой процесс, при котором я могу регистрировать или не регистрировать. При вашей постановке вопроса имеются две альтернативы: или регистрировать, или не регистрировать.

К. Нет. Вы все время регистрируете.

П. Я все время регистрирую. Пока мои органы чувств действуют во вне, регистрирование будет происходить.

К. Нет, если вы говорите «пока» – вы не действуете сейчас.

П. Нет, я даю объяснение.

К. Я хочу выяснить, может ли обширный поток прошлого придти к концу. Это весь мой вопрос.

П. вы ничего не примете. Вы не примите никакого окончательного утверждения по этому поводу. Значит, должен быть путь для прекращения.

К. Я спрашиваю. Как может это прекратиться?

П. Видимо, мы должны двинуться от этого к клеткам мозга, к фактическому регистрированию.

К. Итак, клетки мозга регистрируют. Эти клетки мозга, тяжело обусловлены, что полную безопасность создает только это движение, этот импульс.

Следовательно, в этом импульсе мозг обнаружил потрясающую безопасность. Верно?

П. прошу вас, выслушайте меня. Имеется только одно движение, а именно: движение от прошлого к настоящему; коснувшись настоящего, движение продолжается.

К. Прошлое встречается с настоящим, движение продолжается, модифицируясь – мы уже обсуждали все это. Мозг обусловлен именно так. Он видит, что пока этот поток существует, он находится в полной безопасности. Как показать этим клеткам, что этот импульс, исходящий из прошлого, в котором клетки мозга нашли полную безопасность, благополучие, являются чрезвычайно опасным движением? Так вот, единственное, что имеет значение, это заставить мозг увидеть опасность этого импульса. Как только мозг увидит фактическую опасность, он прекратит импульс. Видите ли вы опасность этого движения? Не теоретическую, но фактическую, физическую опасность?

П. Говорят ли ваши клетки мозга, что это движение опасно?

К. Мой мозг пользуется словами, чтобы предупредить вас об опасности, но ему опасность не угрожает. Он ее увидел и отбросил. Видите ли вы опасность кобры? Когда вы видите опасность, вы избегаете ее.

Вы избегаете ее, ибо такова ваша обусловленность, созданная тысячами, благодаря которой вы знаете, что кобра опасна. Таким образом, ваша реакция, в соответствии с обусловленностью, вызывает мгновенное действие. Мозг обусловлен поступать так, ибо это гарантирует ему полную безопасность. Для мозга это является единственным обеспечивающим безопасность движением; он сталкивается с настоящим, учится через него, модифицирует его, продвигается.

Это единственное безопасное движение, известное мозгу. Поэтому он остается в нем. Но в то мгновение, когда мозг поймет, что это нечто чрезвычайно опасное, он немедленно отбросит его, ибо он стремится быть в безопасности.

РАДЖ. Я не вижу опасности импульса так же реально, как ее видите вы. Почему это так?

К. Почему, сэр?

РАДЖ. Возможно потому, что, наблюдая импульс, я никогда не видел в нем опасности.

К. Живете ли вы с описанием импульса или с самим импульсом, которым являетесь вы сами? Понимаете ли вы мой вопрос, сэр? Является ли импульс чем-то отдельным от вас?

РАДЖ. Нет, сэр.

К. Итак, вы являетесь импульсом? Значит, вы наблюдаете себя.

РАДЖ. Да. Но это происходит не часто.

К. часто? Слова «часто» и «постоянно» – ужасные слова. Осознаете ли вы без всякого выбора, что вы являетесь импульсом? Не только иногда. Вы можете сказать: «Я вижу пропасть временами. Если слово не предмет, который оно обозначает, то слово не является страхом». Так вот, создало ли это слово страх?

Р. Нет.

К. Не отвечайте так быстро, выясняйте. Продвигайтесь медленно, Р. Слово не есть предмет. Это вполне ясно. Страх – это не слово, но не создало ли слово страх? Не будь слова, существовало бы то, что называется страхом? Слово – это процесс регистрирования. И вот, возникает нечто совершенно новое.

Мозг отвергает это, так как это нечто новое, поэтому он немедленно говорит, что это страх. Подождите, присмотритесь, как мозг отнесется к импульсу этого нового. Оставьте промежуток между движением мысли, не вмещиваясь в фактическое движение чувства.

Промежуток будет иметься только, если вы вникните очень глубоко в вопрос, что слово не есть предмет, который оно обозначает, слово не является страхом.

И вот мгновенно вы остановили импульс. Я хотел бы знать, видите ли вы это.

П. Я все еще хочу добиться полной ясности. Возможно ли удержать качество чувства без слова, независимо от того, идет ли речь о ненависти, раздражении или страхе.

К. Конечно, вы можете удержать чувство раздражения, страха без слова, вы просто остаетесь с чувством. Попробуйте проделать это.

П. Но что вы фактически в точности проделываете?

К. Когда по какой-либо причине возникает страх, оставайтесь с ним, без всякого импульса, без малейшего движения мысли.

П. И что тогда произойдет?

К. Ничего уже больше нет; нет страха, который я связывал с прошлым. Я бы сказал, есть энергия, удерживаемая без всякого движения. Если энергия удерживается без всякого движения, происходит экспансия. Затем это преобразуется. Клетки мозга и состояние целостности.

ДС. Я хотел бы знать, не могли бы мы провести дискуссию об импульсе, являющемся созданием мыслящего «я» и вызывающего отождествление с мыслящим. Мы стоим перед этим импульсом, таков факт. Могли бы мы заняться исследованием этого движения?

Р. Не думаете ли вы, что для исследования этого мы должны вникнуть в проблему растраты энергии?

ДС. Я не понимаю, что вы хотите сказать.

П. Толкающий нас импульс создает и исчезает. В точности, как машина, двигатель, имеющий свою энергию и растративший ее. Такая же энергия включена в импульс, о котором мы говорим. Могли бы мы поговорить об энергии, о той энергии, которая растрачивается, и о той, которая не растрачивает себя?

ДС. Максвелл говорит, что для ученого основной принцип заключается в определении взаимоотношений. Когда вы говорите «энергия», я серьезно спрашиваю, как ставится проблема. Когда мы говорим «энергия» – имеем ли мы в виду некую субстанцию, некую определяемую силу? Или «энергия» включает в себя какую-то форму взаимоотношений?

П. Я не совсем понимаю то, что вы говорите.

ДС. Я спрашиваю, думал ли кто-либо о том, что представляет собой энергия в психологическом смысле.

П. Вот почему дискуссия об этом могла бы внести ясность в этот вопрос.

ДС. Имеем ли мы в виду субстанцию или силу, существующую в человеке, или «энергия» есть нечто, проявляющееся во взаимоотношениях, а если так, то возникает целая группа вопросов.

П. Разве физики (я не имею никаких познаний в области физики) не признают, что существует некая энергия, которая растрачивается, и другая энергия, не имеющая свойств растрачиваться?

ФВ. Да, но ни один физик не может определить, что представляет собой энергия. То, что энергия существует, является в физике базисным утверждением или предположением. Мы знаем, что энергия необходима. Без энергии не может существовать ни силы, ни работы. Следовательно, энергия и работа тесно связаны. Так вот, мы можем видеть силу, можем видеть, что делает работа, но мы не можем видеть энергию.

К. Существует ли бесконечная энергия, не имеющая ни начала, ни конца? И существует ли энергия механическая, всегда имеющая мотив? И имеется ли энергия во взаимоотношениях? Я хотел бы это выяснить.

П. С. спросил, что вызывает импульс.

К. Что его вызывает? Давайте, займемся этим.

П. Вызывает ли импульс возникновение мыслящего, который затем продлевает себя?

К. Какой стимул, какая сила стоят за всеми нашими действиями? Являются ли они механическими? Или существует энергия, сила, стимул, импульс, лишенные трения. Об этом ли мы ведем дискуссию?

ДС. Что представляет собой импульс энергии, превращающейся в механическую? Давайте побудем некоторое время в области фантазии, придерживаясь этого импульса, мысли и желания и их механической природы. Каков импульс энергии, мыслей, желаний и создания мыслящего?

К. Продолжайте, ведите дискуссию.

ДС. Смотрите: мысль, ощущение, затем сила, далее желание и исполнение желания. Все эти устремления с небольшими модификациями продлеваются, продолжают. Так вот, это и есть импульс.

К. Вы спрашиваете, каков импульс за желанием. Я хочу иметь автомашину. Какой импульс стоит за этим желанием? Мы постараемся придерживаться самого простого. Что представляет собой потребность, стимул, сила, энергия, стоящие за желанием «я хочу иметь автомашину»?

ДС. Как это происходит – есть ли у вас желание иметь автомашину, или машина появляется как желание и создает ваше «я»? Создаются ли «я» желанием?

К. Если бы я фактически не видел автомашины, не ощущал бы ее, не дотрагивался до нее, у меня не возникло бы желание ее иметь. Я вижу людей, ведущих машины, вижу наслаждение, получаемое при этом, и так возникает это желание.

П. Сэр, желание создает только какой-то предмет?

ДС. В этом весь вопрос.

К. Это может быть физический объект, верование, идея или что бы то ни было.

ФВ. Но прежде всего должно произойти восприятие органами чувств. Восприятие органами чувств создает представление о предмете, после чего появляется желание. Так вот, можно ли сказать, что желание возникает из ощущения? Поэтому, исходя из вашего вопроса, я спрашиваю: предшествует ли ощущение всякому желанию? Конечно, можно было бы говорить о Боге. Я могу желать Бога.

П. Желание поддерживает существование и деятельность мира. Можете ли вы проникнуть до корней желания?

ДС. Существовало бы желание, не будь нашего «я»?

К. Какой импульс стоит за желанием? Начнем с этого. Какая энергия побуждает меня

желать? Что побуждает меня быть здесь? Я пришел сюда, чтобы выяснить, о чем вы говорите, о чем ведется дискуссия. Имеется желание выяснить, существует ли нечто другое, чем мой обычный поток мыслей. Так вот, что это такое? Является ли это желанием? Что стоит за желанием, заставившим меня придти сюда? Мое страдание или мое наслаждение? Или я хочу научиться чему-то? Если взять совокупность всего, что находится за всем этим?

П. Это тождественно ощущением «становиться».

К. Становиться? Что стоит за желанием становиться?

ДС. Стать чем-то другим, чем я есть, это тоже желание.

К. Что стоит за энергией, заставляющей вас поступать так? Побуждает ли к этому наказание или награда? Вся структура наших импульсов основана на наказании и награде, избежать одно и получить другое. Это ли является стимулом энергии, заставляющей нас проделывать так много вещей? Возникают ли мотив, стимул, энергия из этих двух побуждений -избежать одно и получить другое?

ДС. Да. Да, частично. Это происходит на уровне мысли.

К. Нет. Не только на уровне мысли. Я этого не думаю. Я голоден, моя награда – пища. Если я совершаю сто-то плохое – я в качестве награды получаю наказание.

М. Отличается ли это от наслаждения и боли?

Является ли награда наслаждением, а наказание болью.

К. Награда – придерживайтесь этого слова. Не меняйте его. Награда и наказание. Я думаю, что это основной, обычный импульс.

П. Награда и наказание – кого?

К. Не «кого». То, что удовлетворяет, и то, что не удовлетворяет.

П. Но кого? Вы должны это уточнить.

К. Я еще не дошел до этого. Проблема такова: то, что удовлетворяет, я называю наградой; то, что не дает удовлетворения, я называю наказанием.

ДС. Да.

К. Значит, нет «я», говорящего: «Я должен получить удовлетворение, я голоден»?

П. Голод – это физиологическое явление.

К. Пока я буду придерживаться этого. Не вливается ли физиологическое в психологическое сферу, и не там ли начинается весь цикл? Я нуждаюсь в пище, она мне необходима. Но эта потребность переходит в сферу психологии, и там начинается совершенно иной цикл. Однако движение продолжается то же самое.

СИНГ. Сэр, где происходит весь этот процесс?

Если во мне, то что я переживаю, когда участвую в процессе исследования, где он происходит? Происходит ли это в мозгу? Где я обнаруживаю это устремление к наслаждению-боли?

К. На обоих уровнях – биологическом и психологическом.

СИНГ. Если это в мозгу, тогда это бесспорно нечто, что человек может назвать сумерками, между наслаждением и болью. Бесспорно существуют моменты, когда нет необходимости утолять голод, и все же имеется стремление получить удовлетворение. Я могу испытывать удовлетворение и все же ощущать голод.

К. Мне не совсем ясно, о чем вы говорите.

СИНГ. Сэр, если имеются награда и наказание, и если исследование этого процесса награды и наказание происходит в мозгу, на физиологическом уровне, тогда в мозгу происходят известные реакции, находящиеся где-то между наградой и наказанием.

К. Вы имеете в виду разрыв между наградой и наказанием, некий промежуток между ними?

КУ. Не разрыв, промежуток, но связующее звено, мост.

ГМ. Вы имеете в виду состояние, не являющееся ни наградой, ни наказанием?

СИНГ. Да, когда одно сливается с другим.

П. Разрешите спросить, быть может, имеется другое состояние, но я не знаю, что оно собой представляет. Как это отвечает на вопрос, как оно продолжает вопрос о силе, благодаря которой это возникает и продолжает действовать? В сущности, в этом и состоит вопрос.

ДС. Да, в этом вопрос. Где этот импульс? Где этот импульс награды и наказания? И даже если бы имелся промежуток между...

К. Спрашиваете ли вы, что толкает человека по направлению к награде и наказанию? Какова та энергия, каков этот импульс, какова эта сила, каков объем этой энергии, заставляющей нас делать то или другое? В этом ли заключается вопрос? Есть ли это удовлетворение, вознаграждение, являющееся наслаждением?

ДС. Но что является тогда вознаграждением? Каково ваше состояние, когда вы осознаете, что избавились от голода?

К. Это очень просто, не так ли? Вы были голодны, получили пищу и вы удовлетворены. Но все это продолжается до бесконечности. Я ищу одно удовлетворение за другим. Происходит ли это потому, что эта энергия, эта потребность получить удовлетворение являются одновременно биологическими и психологическими? Я голоден и психологически я одинок. Имеется ощущение пустоты, неполноценности.

Поэтому я обращаюсь к Богу, к церкви, к гуру. Физиологически недостаток чего-то легко удовлетворить; психологически удовлетворение никогда не достигается.

ПАР. На какой точке человек переходит от физиологического удовлетворения к мыслительному процессу?

К. Сэр, может случиться, что физиологическое движение перешло в психологическое и продолжается. Так ли это?

П. Я пытаюсь разобраться в следующем. Вопрос заключается не в том, возможно ли это и происходит ли это в результате выбора. Так происходит с момента рождения. Возникают оба типа желаний. Поэтому я спрашиваю, что является источником обоих начал - физиологического и психологического?

КУ. Одного слова «недостаточность» было бы достаточно.

П. Нет. То и другое – оба встроены в силу, которая потом проецирует. Эта внутренняя структура человека, в которой сталкивается очень много разных вещей, это центр, это «я».

К. Послушайте, я не думаю, что это «я».

П. Что это? Почему вы это говорите?

К. Я не думаю, что это «я». Я думаю, что это нескончаемая неудовлетворенность, нескончаемое ощущение недостаточности.

ДС. Что является источником этого?

П. Может ли ощущаться недостаточность, если сам человек не является действительно неполноценным?

ДС. Что значит быть неполноценным?

К. Я не придаю «я» основное значение. Есть постоянное ощущение недостаточности. Я подхожу к марксизму. Ощущение недостаточности продолжается.

Я перехожу от одного к другому. Чем интеллигентнее я становлюсь, чем больше пробуждаюсь, тем сильнее чувство неудовлетворенности. И что тогда происходит?

С. Вы при этом имеете в виду, что существует некая промежуточная среда без реальности «я», в которой может действовать импульс.

К. Я не знаю никакой промежуточной среды. Я не знаю «я». Я только указываю, что имеется фактор физиологической недостаточности, который проникает в сферу

психологической недостаточности, и это продолжается до бесконечности.

ДС. Имеется ощущение неполноценности.

К. Недостаточности. Придерживайтесь этого слова.

А. Я полагаю, что теперь мы могли бы отбросить физиологическую недостаточность.

К. Я намеренно настаиваю на этом. Быть может, именно из этого потока мы создаем все наши бедствия.

ПАР. Я сомневаюсь в этом. Не переливается ли через край смещение физиологического и психологического? Что мы конкретно подразумеваем под «переливанием» через край? Одно является фактом, а другое таким фактом не является.

К. Поэтому существует только физиологическая недостаточность.

П. Как вы можете говорить это?

К. Я не говорю это, я просто исследую.

П. Существуют недостаточности физиологическая и психологическая.

К. Послушайте, П., в данный момент я не хочу применять слово «я». Я не веду исследование «я». Я голоден. Голод утолен. Я чувствую потребность в сексе, она тоже удовлетворяется. И я говорю: «Этого недостаточно... Мне нужно что-то большее».

П. Нужно «больше»?

К. «Больше» – что это такое?

П. Это импульс, не так ли?

К. Нет, «больше» означает больше удовлетворения.

П. Тогда что такое импульс?

К. Придерживайтесь сказанного. Мозг ищет удовлетворения.

П. Почему мозгу нужно искать удовлетворения?

К. Потому что он нуждается в устойчивости, в безопасности. Поэтому он говорит: «Я выяснил это, я думал, обрел удовлетворение в этом, но оно удовлетворения не дало. Я найду удовлетворение и безопасность в том – и опять не получается». И он продолжает все то же и то же. Так происходит в повседневной жизни. Я иду к разным гуру или перехожу от одной теории к другой, от одного умозаключения к другому.

КУ. Сэр, сама природа этой недостаточности на физиологическом уровне ведет к удовлетворенности на уровне метафизиологическом. Она ведет от несоответствия в физиологической машине к их усовершенствованию. Таким образом происходит действие цикла, так действует мозг. Если физиологическое переливается в сферу психологическую, этот цикл недостаточности и удовлетворенности должен продолжаться.

К. Должен продолжаться? Вглядитесь в себя. Это очень просто. Вы ищете удовлетворения. Так поступает каждый. Если вы бедны, вы хотите стать богатым. Если вы видите кого-то более богатого, вы хотите стать таким, хотите стать более красивым, вы хотите иметь то или другое. Мы стремимся получить непрерывно удовлетворение.

А. Сэр, я хочу снова обратить внимание на главное свойство физиологической недостаточности, а именно: что любая деятельность, направленная на восполнение этой недостаточности, ведет к удовлетворению. То есть, между недостаточностью и ее периодическим повторением существует промежуток, разрыв, когда речь идет о физиологической недостаточности, тогда как при недостаточности психологической мы начинаем цикл, в котором разрыва, промежутка не наблюдаем.

К. Забудьте о разрыве, сэр. Это не имеет значения.

Наблюдайте за собой. Не направлены ли вся полнота энергии, все движение, весь стимул на обретение награды? Шайнберг, что вы скажете по этому поводу?

ДС. Я думаю, что именно так и происходит, когда имеется схема награды-наказания

физиологически.

Я полагаю, таково направление всей деятельности «я», независимо от того, является ли она логической или нет.

К. Все движение, направленное на получение удовлетворения, захвачено «я».

ДС. Именно в этом происходит проявление «я».

К. Да, это так. Именно это я имею в виду. Я ищу удовлетворение. Никогда не говорят: «Ищется удовлетворение». Говорят: «Я ищу удовлетворение». А нужно было бы сказать наоборот: «Происходит поиск удовлетворения».

ДС. Поиск удовлетворения создает «я».

К. Итак, импульс – это стремление получить удовлетворение.

П. Я хочу задать вам вопрос, который может показаться отклонением в сторону. Знания человека, пребывающие в мозгу, пребывающие в глубинах подсознания, – не является ли это «я», пребывающее в клетках мозга унаследовавших знание?

К. Я сомневаюсь в этом.

П. Я спрашиваю вас, сэр, вслушайтесь в вопрос.

Знание, заключенное в клетках мозга и в глубинах подсознания, – не является ли «я» частью всего этого?

С. П., не хотите ли вы сказать, что все прошлое в его целостности и «я» – равнозначны?

П. Конечно, это так. Я спрашиваю, обретает ли «я» бытие из-за выявления поиска удовлетворения. Или ощущение «я» – это самый центр памяти, основа памяти.

К. Вы спрашиваете, отождествляет ли себя «я», эго, с прошлым, со знанием.

П. Не отождествляет себя.

К. Подождите. Дайте мне внести в опрос полную ясность.

П. Не отождествляет себя. «Я» – это время; время – это прошлое. И «я» как будто является целостностью всего этого.

К. Подождите. В начале вы сказали, – содержит ли мозг «я». Я бы мог, как предположение, сказать, что при исследовании нет никакого «я», есть только поиск удовлетворения.

П. Является ли вся унаследованная расовая память человечества фикцией?

К. Нет. Но в то мгновение, когда вы говорите, что являетесь прошлым, «я» становится фикцией.

С. Говорит ли само прошлое, что я являюсь прошлым, или часть прошлого говорит, что оно – прошлое?

К. Видите ли, вы задаете вопрос, который является действительно интересным. Наблюдаете ли вы прошлое как «я»? Существует вся целостность прошлого, тысячелетий человеческих устремлений, страданий, бедствий, смятения – миллионы лет. Имеется лишь это движение, этот поток, эта широкая река – не «я» и широкая река.

П. Мне хотелось бы выразить это иначе: когда течение реки доходит до поверхности, оно выносит на поверхность движение «я». И тогда река отождествляется с «я».

ЧОРУС. Я этого не думаю.

К. П., «я» может оказаться лишь средством общения.

ДС. Есть ли это способ беседы: передачи?

П. Так ли это просто?

К. Нет. Я как раз хочу об этом сказать. Это не так просто.

С. Сэр, в один определенный момент вы сказали, что проявление потока – индивидуально. Когда этот обширный поток проявляется индивидуально, пребывает в этом «я», или нет?

К. Подождите. Это не главный вопрос. Этот обширный поток проявляется в человеческом существе: отец дает мне форму, и тогда я говорю «я», что есть форма, имя, черта характера,

окружающая среда, но этот поток – это «я». Наличие обширного потока вполне очевидно.

А. Я говорю, что мы смотрим на поток со всем имеющимся у нас знанием и отождествляем себя с потоком. Отождествление как будто происходит «постфактум», тогда как фактически оно начинается вместе с импульсом.

К. Нет, нет.

П. Как может человек увидеть это? Видите ли, так, как К. излагает это, мы не доходим до глубочайших глубин самих себя. Наша глубина говорит: «Я хочу, я хочу стать, я хочу быть... «Эта глубина исходит из прошлого, являющегося знанием, которое есть вся целостность расового подсознания.

К. Могу я спросить, почему там пребывает «я»?

Почему вы говорите: «Я хочу»? Имеется только желание.

П. Все же, говоря это, вы не устраняете «я».

К. Нет, вы устраняете «я»! Как вы наблюдаете?

Каким образом вы наблюдаете поток? Наблюдаете ли вы, как «я»? Или имеется только одно наблюдение потока?

П. Способ, каким человек ведет наблюдение, является другой проблемой. Мы говорим о природе энергии, вызывающей этот импульс. Так вот, я говорю, что импульс является самой природой и структурой «я», которое запуталось в процессе становления.

К. Я хочу выяснить, существует ли вообще «я». Быть может, это происходит только на словесном уровне, не фактически. Потрясающее значение приобрело слово, а не факт.

ФВ. Не занимает ли «я» важное место в мозгу? Не является ли это реальностью?

К. Нет, я сомневаюсь в этом.

ФВ. Но отпечаток там имеется. Вопрос заключается в следующем: если это не реальность, то что это такое?

К. Весь импульс, весь обширный поток находится в мозгу. В конечном счете это мозг, и почему в этом вообще должно существовать какое-то «я»?

П. Когда вы говорите о реальности, оно там имеется.

К. Оно там только на словесном уровне.

ДС. Оно фактически там имеется. В том смысле, что когда мы, вы и я, общаемся, в этом пребывают две части; мое отождествление с самим собой как «я» является моим взаимоотношением с вами.

К. Сэр, когда вы осознаете свое «я»?

ДС. Только во взаимоотношениях.

К. Я хочу понять, когда вы сознаете это «я».

ДС. Когда хочу чего-то, когда я отождествляю себя с чем-то или когда я смотрю на себя в зеркало.

К. При переживании, когда вы что-то переживаете, «я» нет.

П. Хорошо, «я» нет. Мы согласимся с вами. Но потом, через секунду, «я» появляется.

К. Как? Послушайте, вникайте в это медленно.

ФВ. Здесь имеется вопрос импульса.

К. Вы не поняли мою точку зрения. Имеется переживание. В момент кризиса «я» нет. Позднее возникает мысль, говорящая: «Это было волнующе, это было приятно», и эта мысль создает «я», которое говорит: «Это доставило мне удовольствие». Верно?

П. Что произошло? Накапливает ли «я» энергию?

К. Нет.

П. Энергию, которая растрачивается.

К. Да, это энергия, которая растрачивается.

П. И все же это «я».

К. Нет, это не «я». Это неправильно используемая энергия. Но неправильно использует энергию не «я».

П. Я не говорю, что я неправильно использую энергию. Само «я» – это концентрация энергии, которая растрачивается. Тело изнашивается; «я» имеет примерно ту же природу, оно стареет.

К. П., послушайте меня. В момент кризиса «я» нет.

Проследите за этим. Можете ли вы жить все время на высоте кризиса? Кризис требует всю полноту энергии. Отставим пока эти. Мы вернемся к этому позднее. В данный момент «я» нет. Это так.

ДС. Происходит движение.

К. Нет. В эту данную минуту «я» нет. Так вот, я спрашиваю: «Возможно ли всегда жить на этой высоте?»

ДС. Почему вы задаете этот вопрос, сэр?

К. Основа всего в следующем: в тот момент, когда возникает мысль, она фрагментирует энергию. Мысль сама фрагментарна, поэтому, когда она появляется, происходит растрата энергии.

ДС. Не обязательно.

ПАР. Вы сказали: «В момент переживания «я» нет».

К. Дело не в том, что «я сказал». Это так.

ПАР. Является ли это импульсом?

П. Нет. Вопрос сводится к следующему: мы говорим, что это так. Но это все же не отвечает на вопрос, почему это «я» приобрело такую мощь. Вы не ответили на этот вопрос даже если в момент кризиса не существует ни «я», ни всей полноты прошлого.

К. В этом все дело. В момент кризиса нет ничего.

П. Почему вы отрицаете «я», являющееся зеркалом всего расового прошлого?

К. Я отрицаю, ибо оно, быть может, лишь средство общения.

П. Так ли это просто? Так ли проста структура «я»?

К. Я думаю, что это чрезвычайно просто. Гораздо интереснее и важнее вопрос, начинается ли растрата энергии, когда возникает мысль. И я говорю себе: «Возможно ли жить на такой высоте? «Как только «я» обретает бытие, начинается растрата энергии. Если бы мы, вы и я, могли устранить наши «я» – могли бы возникнуть правильные взаимоотношения.

ФВ. Вы сказали, что как только появляется мысль, начинается растрата энергии. Но когда возникает «я», тоже происходит растрата энергии. В чем заключается разница?

К. Мысль – это память, переживания, все это.

ФВ. В жизни это необходимо.

ДС. И сейчас мы именно проделываем это. Я считаю, что когда я говорю о растрате энергии, я немедленно ставлю себя в положение наблюдателя и говорю, что это плохо. Я хочу высказать предположение, что можно быть в состоянии нейтрального осознания. Происходят кризис и растрата, кризис и растрата. Это поток существования.

К. Нет.

П. К. говорит, что это так, но для преобразования, о котором мы говорим, надо это отвергнуть.

ДС. Я сомневаюсь, что может удаться пробиться через это. Я думаю, что мы помним энергию кризиса, ее интенсивность, и потом говорим, что хотели бы обладать ею все время. Происходит ли так у вас?

К. Нет.

ДС. Тогда зачем же задавать этот вопрос?

К. Я намеренно задаю этот вопрос, ибо мысль вмешивается.

ДС. Не все время.

К. Нет, все время. Проверьте это, сэр. Как только возникает кризис, прошлого не существует, нет и настоящего, имеется только данное мгновение. В кризисе время отсутствует. Как только появляется время, начинается растрата. Пока не отходите от этого.

А. Происходит кризис. Затем растрата и после отождествление.

П. В момент кризиса происходит очень многое. Вы говорите о целостном состоянии в момент кризиса.

Но даже чтобы дойти до этого, необходимо провести очень глубокое исследование в самом себе, чтобы знать, что это такое.

К. Видите ли, П., целостность достигается только при наличии вполне здорового ума и здорового тела, при способности ясно мыслить; кроме того, в слово целостный – холистический – включено понятие о священном («холи» по-английски священный). Так вот, я спрашиваю, существует ли энергия, которая никогда не растрачивается, из которой вы можете черпать? Растрата происходит, когда нет цельности.

Целостный образ жизни – это такой, при котором растрата не происходит. Нецелостный образ жизни – это тот, при котором энергия растрачивается.

П. Какие имеются отношения между целостной и нецелостной жизнью с клетками мозга?

К. Они не имеют отношения к клеткам мозга.

Давайте разберемся в этом. Я хочу добиться полной ясности в понимании слова «целостность». Оно означает полную, абсолютную гармонию, без распада и фрагментации. Вот что такое целостная жизнь. Это беспредельная энергия. Когда имеется ощущение целостности, «я» нет. Та другая жизнь – это движение мысли, прошлого, времени, и это и есть наша повседневная жизнь, и эта жизнь основана на награде и наказании и направлена только на получение удовлетворения.

П. Сэр, целостная жизнь заключена в клетки мозга.

То есть, от нее исходят решения, вызовы. Нецелостное тоже содержится в клетках мозга. Это весь поток прошлого, сталкивающийся с вызовом. Так вот, какая существует взаимосвязь между целостностью и мозговыми клетками и органами чувств?

К. Поняли ли вы вопрос, доктор?

ДС. Вопрос заключается в следующем: какова взаимосвязь между состоянием целостности с мозгом, с памятью, с прошлым и органами чувств?

К. Нет, нет, вы не вслушались.

П. Я сказала, что имеются два состояния, целостное и нецелостное. Нецелостное определено содержится в клетках мозга, получающий вызовы и реагирующий на них импульсами. Я спрашиваю, какова взаимосвязь целостности с клетками мозга и органами чувств?

ДС. Что вы имеете в виду под органами чувств?

П. Слух, зрение, вкусовые ощущения...

ДС. Можно мне разобраться в этом? Я полагаю, если в том, что мы говорим, имеется некая реальность, взаимосвязь частичных функций с целостностью была бы иной. Они не являются просто каким-то частичными функциями; они функционируют как части целостного состояния, тогда как при растрате энергии и фрагментировании они начинают действовать как изолированные Центры.

К. Сэр, ее вопрос очень прост. Сейчас наши клетки мозга содержат прошлое, память, переживания, знания тысячелетий, и эти клетки мозга не являются целостными.

ДС. Да, они разделены.

К. Они не целостны. Придерживайтесь этого. Она говорит, что на данный момент клетки мозга обусловлены для нецелостного образа жизни. Что происходит с клетками мозга, когда возникает состояние целостности? Вот каков вопрос.

ДС. Я бы сказал это иначе. Я бы сказал: «Что происходит во взаимосвязи клеток мозга при целостном состоянии восприятия?» К. Я дам ответ на вопрос. Содержит ли целостный мозг прошлое, и поэтому может ли прошлое быть использовано целостно? Он представляет собой целое; целое может содержать части, но часть не может содержать целое. Поэтому, когда происходит действие части, энергия растрачивается.

П. Вот к чему мы пришли после всего сказанного.

К. Да. Чудесный результат. Придерживайтесь его.

П. Что происходит в мозгу? Какова структура ума человека?

К. Мы знаем только нецелостный образ жизни, учтите это. Таков факт – мы живем нецелостно, фрагментированно. Такова наша фактическая жизнь, и она является растратой энергии. Мы видим также, что имеются противоречия, вечная борьба. Все это является растратой энергии. Так вот, мы спрашиваем: «Существует ли образ жизни без растраты энергии?» «Мы живем нецелостной, фрагментированной, раздробленной жизнью. Вы понимаете, что я имею в виду под раздробленностью? Думаем одно, делаем другое; такая жизнь полна противоречий, сравнения, подражания, приспособления, с отдельными мгновениями безмолвия. Мы знаем только такую фрагментированную жизнь. И кто-то говорит: имеется ли энергия, которая не растрачивается? Давайте проведем исследование этого вопроса, чтобы выяснить, возможно ли покончить с этим образом жизни.

П. Но я задала другой вопрос, и вы все еще на него не ответили.

К. Я подхожу к этому. Очень трудно ответить на этот вопрос, когда образ жизни является нецелостным, когда происходит непрерывная растрата энергии.

Мозг так обусловлен. Это вполне очевидно. И тогда человек спрашивает: возможно ли жить не такой жизнью? Верно?

КУ. Не всегда, сэр, именно это мы исследуем.

Может ли это дыхание свободы достичь полноты.

К. Нет, оно никогда не достигнет полноты, ибо оно приходит и уходит. Во все, что приходит и уходит, включено время. А время ведет к фрагментированному образу жизни. Поэтому полноты не может быть.

Вглядитесь – наша жизнь нецелостна. Такова обусловленность нашего мозга. Случайно я могу уловить веяние свободы, но это веяние свободы продолжает оставаться в сфере времени. Поэтому это веяние все же только фрагмент. Так вот, может ли мозг, обусловленный для нецелостного образа жизни, может ли этот мозг так радикально преобразиться, чтобы полностью прекратить обусловленную жизнь? Вот в чем вопрос.

ДС. Мой ответ будет следующий: вот вы здесь в состоянии фрагментации, в состоянии растраты энергии. И вы стремитесь получить удовлетворение.

К. Нет, я этого не делаю. Я говорю, что происходит растрата энергии.

ДС. И это все, что мы знаем.

К. Да, мы не знаем ничего другого. Поэтому мозг говорит: «Отлично, я вижу это. Потом он спрашивает: возможно ли изменить все это?» ДС. Я сомневаюсь, что мозг может задать такой вопрос.

К. Я задаю его. Поэтому если один мозг задает этот вопрос, то другой мозг тоже должен сделать это. Это не основано на удовлетворении.

ДС. Не можете ли вы объяснить, как вы можете задать вопрос по поводу того, что вы

утверждаете, не стремясь получить удовлетворение?

К. Вопрос может быть задан, ибо мозг сам понял, какую он ведет игру.

ДС. А как мозг задаст этот вопрос?

К. Он задает его, так как он говорит: «Существует ли образ жизни без фрагментации, целостный?» «ДС. И этот вопрос так же целостен, как любой другой.

К. Нет, пока еще нет.

ДС. Вот тут для меня возникает затруднение -откуда берется этот вопрос. Вы говорите, что он не ждет удовлетворения, что он не целостен. Так вот, какой мозг ставит этот вопрос?

К. Мозг, говорящий: «Я очень ясно вижу растрату энергии».

П. Тот факт, что вы говорите – мозг видит всю проблему растраты энергии...

К. И этим все заканчивается.

П. Целостно ли это?

К. Конец всего этого является целостностью.

П. Конец – это самоосознание фрагментации.

ДС. Является ли это целостным?

К. Да. Но она задала гораздо более сложный вопрос по поводу целостного мозга, содержащего прошлое, всю полноту прошлого. Что это означает?

Прошлое – это ничто. Но такой мозг может его использовать, всю суть прошлого, высасывая весь его сок. Я хотел бы знать, следите ли вы за всем этим.

То, что меня интересует – это жизнь человека, фактическая, повседневная, фрагментированная нелепая жизнь. И я говорю: «Могло ли это преобразиться?» Не в большее удовлетворение. Может ли эта структура сама привести себя к концу? Не наложением чего-то более высокого, что было бы просто новым фокусом. Я говорю: «Если вы в состоянии наблюдать без наблюдателя, мозг может преобразиться. Это является медитацией. Сэр, суть – это полнота. Во фрагментации нет никакой сути, ничего существенного. Вслушиваться сердцем П. Я чувствую, что самое главное, чего нам всем недостает, – это сострадания. В Бенаресе вы однажды сказали такую фразу: «Возможно ли слушать сердцем?» Что означает слушать сердцем?

К. Проведем ли мы об этом дискуссию?

ФВ. Не могли бы мы провести исследование этого?

К. Видите ли, сэр, говоря это, я хотел указать, что мысль является материальным процессом; все, что строит мысль – технологически, психологически, верования, боги, вся структура религии, основанная на мысли – это материальный процесс. В этом смысле мысль является материей. Мысль – это переживание, знание, скопившееся в клетках и действующее по определенной колее, проложенной знанием. Для меня все это является материальным процессом. Что такое материя – я не знаю. Я даже не хочу обсуждать это, так как я не знаю.

ФВ. Я не собираюсь исследовать это с точки зрения социалиста. Давайте скажем, что материя представляет собой нечто неизвестное. У меня такое же ощущение, как при исследовании неведомого.

К. Вы не можете исследовать неведомое. Будьте бдительны, вы можете исследовать только неизвестное. Дойдите до его границ, и когда вы подошли к границе известного, вы уже продвинулись за ее предел. Исследовать можно только известное.

П. Что является мыслью?

К. Конечно. Но когда он говорит: исследуйте, рассматривайте, изучайте известное, мы не можем сделать это. Поэтому П. задает вопрос: что означает слушать сердцем?

П. Это главный, решающий вопрос. Когда в нас будет сострадание, все окажется возможным.

К. Согласен, но к несчастью его у нас нет. Поэтому как подойти к этому вопросу? Что означает слушать и какова структура сострадания?

П. И что значит слушать сердцем? Это нечто очень важное. Существует ли вслушивание, гораздо более глубокое, чем слух ушей?

К. Мы можем рассмотреть оба вида вслушивания, и вслушивание сердцем, что означает слушать с состраданием. Прежде всего, что означает вслушиваться, что представляет собой само это действие?

ФВ. Быть может, мы поставим вопрос наоборот: что означает не вслушиваться?

К. Что вы имеете в виду, сэр?

ФВ. Когда мы спрашиваем, что такое вслушиваться, ответить очень трудно. Мне кажется, что если я ясно пойму, что означает не слушать...

К. Это то же самое. Это означает через негативное придти к позитивному. Если вы выясните, что такое вслушивание и в процессе исследования вслушивания отвергнете то, что является не вслушиванием - значит, вы вслушиваетесь. Вот и все.

П. Можем мы продолжить? Итак, имеются две проблемы: что такое вслушивание – и в это включен вопрос о не вслушивании – и что такое сострадание.

Какова природа и структура этого чувства, глубина его, и поток, который из него возникает?

К. Давайте обсудим это.

ФВ. Я чувствую, что в вопросе о сострадании у нас возникает та же проблема, так как я чувствую, что сострадание не имеет ничего общего со сферой известного.

К. Она имела в виду нечто другое, сэр. Что значит слушать сердцем? Вот о чем она говорила. Я ввел слово сострадание. Быть может, пока мы можем отложить это слово.

П. К. говорил о слушании сердцем. Мне хочется вникнуть в это.

К. Так давайте разберемся в этих двух вопросах: слушать и вслушиваться сердцем. Что это означает?

Р. Мы говорили, что реакции мысли фрагментарны.

Как бы мы ни называли эти реакции – наблюдением, вслушиванием или еще чем бы то ни было – это все одно и то же. Не так ли? Так вот, является ли сердце не фрагментированным? Это ли мы имеем в виду?

К. Подождите одну минуту. Вслушиваться цветением всех органов чувств – это одно; вслушиваться частично каким-то одним органом чувств – это процесс фрагментарный.

Р. Да.

К. То есть, если я вслушиваюсь всеми органами чувств, тогда не возникает негативности отношения к вслушиванию и не вслушиванию. Но мы так не слушаем.

С. Сэр, когда вы говорите о слушании сердцем -могу ответить только одно: что мне это неизвестно.

Но существует движение, чувство, вслушивание, в котором сознание не является мыслью. Я вижу, что происходит движение чувства, когда я слушаю Р. или кого-то другого; возникает особое чувство, посредством которого человек слушает другого. Когда имеется это чувство, общение происходит совершенно иначе.

К. Отличается ли чувство от мысли?

С. К этому я и хочу подойти.

П. Оно отличается от мысли.

С. Если чувство не отличается от мысли – тогда мы не знаем никакого другого движения, кроме движения мысли. Принять это утверждение очень трудно, ибо все мы знаем переживание нежности, привязанности. Если отнести все это в категорию мысли, если это вся полнота

сознания, то...

К. Нам нужна полная ясность. Не вводите категорий. Будем двигаться медленно. Как я слушаю - посредством мысли, или же через мысль? Вот в чем проблема.

С. Но в обоих случаях...

К. Продвигайтесь медленно, С. Слушаете ли вы при помощи движения мысли, или без движения мысли?

Я спрашиваю вас.

П. Можем ли мы слушать без движения мысли?

К. Да.

П. Иногда, быть может, раз в жизни, у человека возникнет целостное ощущение единства, мысли и сознания.

К. Я это понимаю.

П. Когда задается вопрос, можно ли слушать без посредства мысли, мы можем ответить: «Да, это возможно», но разрешите мне сказать, при этом все же чего-то не достает.

К. Мы подойдем к этому. Будем продвигаться медленно.

А. На более низком уровне сенсетивности слушание может происходить без ясно сформулированной мысли. В таком слушании имеется недостаток сенсетивности. Поэтому оно не является живым.

К. Я думаю, нам нужно начать с того – что значит общаться?

Я хочу сказать вам нечто, в чем я глубоко заинтересован. Вы должны быть готовы вникнуть в проблему или в вопрос, или в предположение, предлагаемое человеком; то есть, вы должны испытывать тот же интерес, как и ведущий беседу, с той же интенсивностью, и вы должны быть на одном с ним уровне. Все это включено общение, без этого нет общения, контакта не будет.

П. Разрешите сказать. Вводя слово «общение», вы вводите оба вида слушания. Но во вслушивание сердцем эти оба вида могут не быть.

К. Да. Мы подойдем к этому. Что такое – слушать сердцем? Я хочу сказать вам что-то, что я чувствую очень глубоко. Как вы вслушаетесь в это? Я хочу, чтобы вы почувствовали то же, что я. Я хочу, чтобы вы разделили это со мной, включились в это. Может ли общение происходить как-то иначе?

С. Как может человек знать уровень?

К. Если это происходит не интеллектуально, словесно, но является интенсивной, жгучей проблемой, глубокой общечеловеческой проблемой, которую я хочу сообщить, передать вам, разделить с вами - тогда мы должны быть на одном уровне, иначе вы не сможете вслушаться.

С. Если имеется глубокая серьезность, будет ли достигнут необходимый, правильный уровень?

К. Сейчас вы не вслушиваетесь. Это и есть моя проблема. Я хочу сказать вам что-то чрезвычайно важное и глубокое. Я хочу, чтобы вы вслушались в это, ибо вы люди, и это ваша проблема. Быть может, вы в нее фактически не вникали. Поэтому вслушиваться означает участвовать, разделять; это не общение на словесном уровне. Таким образом, разделяя это со мной, вы проявляете вашу собственную интенсивность. Необходимо слушать, разделять; при этом необходимо отсутствие общения на словесном уровне.

П. По-видимому общение возможно только, если достигнут определенный уровень.

К. Это и я говорю. Итак, С., как вы будете слушать меня? Будете ли вы слушать таким образом?

С. Мне кажется, что так нельзя слушать каждого.

К. Сейчас говорю я; будете ли вы слушать меня именно так?

П. Когда говорите вы, мы вслушиваемся.

К. Потому что вы создали обо мне представление, этому представлению вы придаете очень важное значение и поэтому слушаете.

С. Мы слушаем не только из-за представления.

К. Вы не уловили смысл того, что я сказал. Можете ли вы так слушать не только того человека, который говорит в данную минуту, но и Р., когда она говорит об этом, и ПАР., говорящего с вами, и самого себя, и любого, кто бы ни говорил? Можете вы вслушиваться? Человек может хотеть передать вам что-то, что он не в состоянии выразить словами. Будете ли вы слушать так каждого из нас?

С. Мы слушаем некоторых, но не всех.

К. Почему?

П. Из-за предвзятых мнений.

К. Конечно. В этом случае общения быть не может.

П. Вы хотите сказать, сэр, что надо одинаково вслушиваться в голос, сообщающий истину, исходящий из безмолвия, из которого мы все это воспринимаем, и в голос, говорящий, исходя из мысли? Прощу вас, ответьте на этот вопрос.

К. Вы выражаетесь слишком определенно.

П. Нет, это не чересчур определенно. Когда говорите вы, ваш голос имеет другое звучание.

Р. Я думаю, самое главное – выяснить, существует ли вообще вслушивание, и получает ли человек при этом что-то; а если получает, то возникает вопрос, голос ли это истины и ничто другое не может возникнуть.

П. Для нас это не происходит.

РАДЖ. Мы вслушиваемся с мотивом, мотив может быть очень тонким или вполне очевидным. Когда мы слушаем кого-то, мы считаем, что из его слов ничего не извлечем. Вот почему, когда мы слушаем К., мы гораздо более внимательны.

К. Как мы изменим все это и будем слушать с полным вниманием каждого, кто бы ни говорил?

ФВ. Не стараемся ли мы все истолковать?

К. нет, не истолковывайте то, что я говорю, Бога ради, слушайте. Я иду к К. и говорю, что ничего не знаю о каратэ. Я смотрю о нем фильмы, но не знаю каратэ. Итак, я прихожу к нему теперь, ничего не зная. Поэтому я вслушиваюсь. Но вы знаете, и в этом ваша трудность. Вы говорите, это должно было бы быть так, а это иначе. Все это предположения, мнения. Как только я применяю какое-то слово, вы живо воспринимаете. Но самое важное – это искусство слушать. Оно заключается в том, чтобы все правильно расставить по своим местам. У вас могут иметься ваши предрассудки, ваши умозаключения, но когда вы слушаете, отбросьте их. Тогда получится общение, контакт. Его не будет при истолковывании, сравнении, суждении, оценке – все это нужно отбросить. Когда кто-то говорит вам «Я вас люблю» б – вы не отвечаете: «Дайте мне об этом подумать».

Р. Значит, отбросить все это означает оказаться на том же уровне и испытывать ту же интенсивность.

К. Иначе какой бы это имело смысл?

Р. Я понял это, но не могу это проделать.

К. Прodelайте это сейчас.

С. Мне кажется, что вы считаете, будто самый акт вслушивания на этот данный момент сметает, отбрасывает все это.

К. Что происходит, когда я говорю: «Я люблю вас»?

С. но никто нам этого не говорит.

К. Я говорю вам это.

С. Нет, сэр, так не происходит в обычной жизни.

К. Так вот, что такое искусство слушать, что означает слушать сердцем? Если вы не слушаете сердцем, то это не будет иметь никакого значения. Если вы слушаете с вниманием, с теплым чувством привязанности, глубоким ощущением единения друг с другом – это означает, что вы слушаете сердцем, всеми вашими органами чувств, не так ли?

П. Всей полнотой.

К. Хотите ли и будете ли вы слушать именно так?

Можем ли мы так слушать кого-то, кто нам не нравится, кого мы считаем глупым? Можете ли вы слушать сердцем того мужчину или ту женщину? Я думаю, когда в вас имеется это чувство, то слова не имеют большого значения.

Но давайте продолжим. Что дальше? Предположим, я вслушиваюсь и я проделываю это часто в моей жизни. Я слушаю очень тщательно. У меня нет предвзятых мнений, представлений, умозаключений, я не политический деятель, я – человек, слушающий когото. Я просто слушаю, ибо он хочет сообщить мне нечто о себе. Поскольку у него имеется представление обо мне, он обычно приходит в маске. Если он хочет серьезно поговорить со мной, я говорю ему: «Снимите маску, давайте рассмотрим это вместе». Я не хочу заглядывать за маску, пока он не предложит мне сделать это. Если он скажет: «Прекрасно, сэр, поговорим об этом», – я слушаю, и пока я слушаю, он говорит мне нечто абсолютно обыденное, общее, присущее всем людям. Он может излагать это неправильно, нелепо, но это страдание, знакомое всем мужчинам и женщинам, и он говорит мне об этом, а я слушаю. Фактически он рассказывает мне историю человечества. Поэтому я слушаю не только слова, воспринимаю не только его поверхностные чувства, но и всю глубину того, что он говорит. Если это нечто поверхностное, мы обсуждаем сказанное поверхностно, стараемся протолкнуть это так, чтобы он ощутил всю глубину вопроса. Вы следите? Возможно, он говорит об очень поверхностном чувстве. Я говорю, давайте продвинемся несколько глубже. Так мы продвигаемся все глубже и глубже, он высказывает то, что свойственно всем людям. Вы понимаете? При этом нет разделенности между ним и мной.

П. Каков источник такого вслушивания?

К. Сострадание. Итак, что такое сострадание?

Фриц говорит, что оно нам незнакомо. Как же мне обрести эту необыкновенную мудрость, которая есть сострадание? Я бы хотел иметь этот цветок в своем сердце. Что мне для этого предпринять?

ФВ. Сострадание не пребывает в сфере мысли.

Поэтому у меня никогда не может быть ощущения, что оно имеется.

К. Вы не найдете его, оно как сверло, как отвертка, нужно ввинчивать, вталкивать все глубже.

П. В нем должно иметься благоухание.

К. конечно. Вы не можете говорить о сострадании без благоухания меда.

П. оно либо есть, либо его нет. Почему получается, сэр, что когда мы находимся в общении, в единении с вами, это чувство в нас пребывает, почему имеется ощущение, что вы оказываете это потрясающее воздействие, сметающее все предрассудки, все препятствия, и это приводит ум в состояние безмолвия?

К. Можно объяснить это так: один человек идет к роднику с небольшим ведерком, другой – с огромным ведром, которое он еле несет. Большинство из нас идет с крохотным ведерком и набирает из родника недостаточное количество воды. Это можно уподобить тому, что у вас во дворе имеется фонтан; вода из него льется и льется; я бы хотел его исследовать, во вне и внутри. Что же мне для этого предпринять?

ФВ. Я хочу выяснить, что является во мне препятствием для того, чтобы обладать этим.

К. Это анализ, я не хочу анализа, ибо это потеря времени. Я понял это не потому, что я сказал, а вы согласились; я вижу причину, логику, значение и, следовательно, истину этого. Поэтому анализ не нужен.

С. Не только это, сэр. Я вижу, что медитация, пребывание в безмолвии – все это не имеет отношения к тому, о чем вы говорите. Двойственность и все, что человек пережил на протяжении своей жизни, тоже не имеют к этому никакого отношения.

К. Послушайте, С., у РАД. и П. это имеется. Они не говорят об этом, ибо оно имеется, цветет, течет, шепчет что-то и происходят разные вещи. И я говорю, почему у меня этого нет? Я хочу выяснить это. Это не значит, что я собираюсь подражать. Но это должно произойти. Я не буду анализировать, что является препятствием, помехой, я не буду спрашивать, нужно ли мне пребывать в безмолвии или не нужно? Все это является аналитическим процессом. Я не знаю, понимаете ли вы это?

С. Это ясно, сэр.

К. Действительно ли вы понимаете, что это означает?

С. Что означает «действительно понимать»?

К. Послушайте: у них это есть, а у меня нет. Но я хотел бы это иметь. Я хотел бы взглянуть на это, как на чудесную драгоценность. Как это может для меня произойти? Вот что я хочу выяснить. Он предлагает узнать, что служит препятствием. Он говорит, что это аналитический процесс и что анализ – потеря времени. Я не знаю, видите ли вы это фактически. Анализ и анализирующий – это одно и то же. Не тратьте на это время, не медитируйте об этом, сидя, скрестив ноги и т. д. У нас нет времени. Так вот, можете вы прекратить анализ? Полностью. Можете вы сделать это? Вы делаете это, когда происходит потрясающий кризис. Тогда у вас нет времени для анализа, вы в кризисе. Находитесь ли вы в таком состоянии сейчас? Понимаете ли вы мой вопрос? То есть, у нее имеется этот необыкновенный аромат, являющийся для нее естественным. Она не говорит: «Как я его обрела, что мне с ним делать? «Она как-то обрела его, и я хотел бы его иметь. Я – человек, и без него ничто не имеет значения. Я должен быть здесь. И я вижу истину в отношении анализа, поэтому я никогда не буду анализировать. Ибо я вник в вопрос, я горю, утонул в нем. Дом охвачен пожаром, и я в огне.

Р. Сэр, в данный момент эта красота существует где-то и не встает вопрос – как мне ее заполучить.

К. Я жажду этого, как мне это получить? Мне все равно, я голоден. Вы не анализируете голод.

Р. Я этого не говорю.

К. Извините, что же вы говорите?

Р. Я говорю, когда в какой-то момент человек заполнен этим, он не говорит: «Я хочу это иметь». Я не знаю, до какой степени аромат наполняет человека, но чувствую, что «я хочу это иметь» не существует.

К. Вы можете быть заполненным моими словами, моей интенсивностью и говорить, что вы обрели это.

Р. Я не говорю, что обрел это, но...

К. Не усложняйте, Р. На вашем дворе есть что-то, фонтан, который имеется у очень, очень малого числа людей. Они могут говорить о воде, о красоте фонтана, о песне этой воды, но это не то. А вы обрели это. И как человек я вижу насколько это чудесно, и я подхожу к этому; дело не в том, что я хочу обрести это. Я просто хочу подойти ближе – что же мне предпринять?

ФВ. А можно ли вообще что-то предпринять?

К. Быть может, да – быть может, нет. Быть может, стремление так велико, что я отброшу все остальное в сторону. Само это устремление отбрасывает все остальное. Вы понимаете? Дом

горит. Тут уже не до аргументов, не до взвешивания, каким родником воспользоваться, какой насос применить.

П. Не зависит ли это прежде всего от объема энергии?

К. Хорошо. Она говорит, что это связано с объемом энергии. Нет, П., когда вы жаждете чего-то, вы горите как в аду. Не так ли? Если вы хотите обладать этим мужчиной или этой девушкой, вы горите как в аду.

ФВ. Тут есть разница.

К. Я хочу создать кризис. Тогда возникает действие.

Понимаете ли вы то, что я говорю? Вы или избегаете кризиса, или действуете. П., происходит ли кризис?

Ибо этот вопрос очень важен. Я прихожу к вам и говорю обо всем этом. Вы вслушиваетесь в той мере, в какой это для вас возможно, но ничего не происходит. Вы слушаете год за годом; каждый раз вы продвигаетесь на маленький шаг и в конце концов вы умираете. Он же хочет, чтобы произошло действие, порожденное потрясающим кризисом. Он хочет взорвать все это, ибо не существует аргументов и анализа. Он создал этот кризис. Является ли этот кризис результатом его влияния, его слов, его чувств, его ощущения неотложности, или это кризис, возникший в вас, чтобы вы могли пробиться через все это? Это является его намерением. Он говорит, что только это имеет значение.

А. Кризис – это внешний вызов, на который я не в состоянии найти правильную реакцию, и этот кризис происходит именно потому, что я не способен найти эту правильную внутреннюю реакцию. Другой кризис, о котором вы, как я понял, говорите, не вызывается внешним фактом; он представляет собой проекцию изнутри.

К. Его намерение, его цель – создать кризис не внешне, не поверхностно, но внутренне.

А. Не имеются ли тут два различных канала? Когда ум видит внешний кризис и ищет правильный адекватный ответ изнутри, – это один вид кризиса; другой же тип кризиса происходит глубоко внутри; это глубокое ощущение несоответствия, говорящее, что нельзя это отбросить, так как человек несет тяжелую ответственность.

К. Он создал в вас этот кризис, он говорит об истине. Имеется ли кризис, когда вы говорите с ним?

Он желает, чтобы в вас произошел кризис. Я думаю, это и есть слушание сердцем. Муссон говорит вам: «Прошу вас, накапливайте как можно больше воды, в будущем году муссона не будет». Вы понимаете? Это заставляет вас строить как можно больше хранилищ для воды. Так до чего же мы дошли в конце всего этого?

П. Каким-то странным образом это заставляет вас отвести руки от всего этого.

К. Этого может и не произойти. Это может означать, что может возникнуть непредусмотренное заранее действие. Если имеется кризис, это произойдет.